

Англо-бурская война

1899–1902 годов

глазами российских подданных

Том 4

Англо-бурская война

1899–1902 годов

глазами российских подданных

том 4

Москва
Издатель И. Б. Белый
2012

ББК 63.3 (6)
A64

Авторы-составители:

К.и.н. Шубин Геннадий Владимирович
(Dr Gennady Shubin)

(вступление, заключение, комментарии, сноски, подбор фотографий и рисунков, составление).

К.и.н. Воропаева Нина Георгиевна
(Dr Nina Voropaeva)

(вступление, заключение, составление).

К.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна
(Dr Rufina Vyatkina)

(вступление, заключение, составление).

Хритинин Владимир Юльевич
(Vladimir Khritimin)

(составление).

Д-р Ян Либенберг
(Dr Ian Liebenberg)

(составление).

Ответственный редактор
к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор
Субботина Елена Васильевна

Компьютерная вёрстка и обложка
Рудакова Елена Евгеньевна

A64   Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 4. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 350 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-22-1 (Т.4)

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2012
© Шубин Г. В., составление и др., 2012
© Воропаева Н. Г., составление и др., 2012
© Вяткина Р. Р., составление и др., 2012
© Хритинин В. Ю., составление, 2012
© Liebenberg I., составление, 2012
© «Memories», оформление, 2012
© Издатель И. Б. Белый, 2012

ISBN 978-5-904935-18-4

ISBN 978-5-904935-22-1 (Т.4)

Поражения буров в регулярной войне

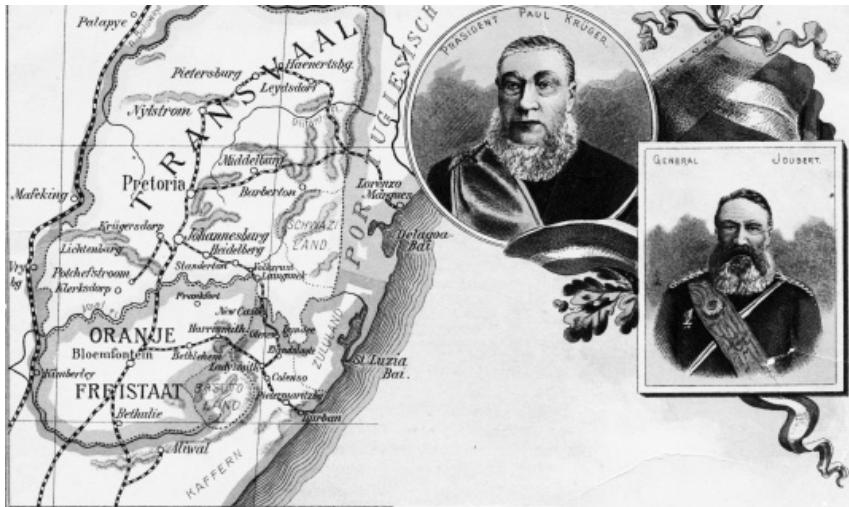
Перейдём к официальной депеше российского посла из Лондона, показывающей, что, как и предполагалось, несмотря на обильные пополнения в английских войсках и громкие победы, и в частности, захват Претории – столицы Трансвааля, военные действия на Юге Африки отнюдь не шли на убыль, бои с отрядами африканеров продолжались:

Депеша д.т.с. **Стааля**

Лондон, 7/20 июня 1900 г., № 42.

Предположение, что буры и после занятия Йоханнесбурга и Претории будут продолжать военные действия, о которых я позволил себе указать в депеше от 24 мая/6 июня (за) № 40, оказалось не лишённым основания

Генерал **Людвиг Бота**, без боя очистив столицу, отступил и занял укреплённую позицию на высотах в 15 милях к востоку от Претории на Миддельбургской дороге. Присутствие его отряда в столь близком расстоянии от главной квартиры лорда **Робертса** одобряло бургеров к сопротивлению и тормозило дело разоружения населения, вследствие чего английский главнокомандующий 29 мая/11 июня решил атаковать его и после двухдневного боя принудил его к отступлению перед энергичным натиском кавалерии генералов **Френча** и **Яна Гамильтона** и пехотной дивизии генерала **Поля Карью**¹. Потери англичан не были очень значительны, что, видимо, указывает на большее, приобретённое опытом умение пользоваться, при

Трансваальская почтовая открытка с портретами Крюгера и Жубера

Карикатура на медлительность маршала Робертса и генерала Китченера

Президент Крюгер

движении вперёд естественными прикрытиями. Среди убитых оказался, однако, командир 12-го уланского полка лорд **Эрли** (**Earl of Airlie**) – талантливый офицер, подававший большие надежды.

Со своей стороны, генерал **Буллер** удачным обходным движением заставил неприятеля очистить Лэнгс-Нек, Альмонд-Нек и Драконсберг – горные проходы на границе Трансвааля и Наталя, в которых ожидали более упорного сопротивления буров. Между тем они хотя медленно, но отступают всё дальше на север к Машадодорпу, где президент **Крюгер**, проживая в вагон-салоне, учредил главную квартиру своего правительства. Относительно его дальнейших планов ходят самые разноречивые слухи. Иные приписывают ему намерение удалиться в Де-Каап, самую гористую и неприступную часть Трансвааля, другие полагают, что он будет всеми силами стараться сохранить занимаемую им железнодорожную линию, что он направится в Лейденбургский округ. Против этого последнего предположения, однако, говорит то обстоятельство, что между проживающими в этом округе туземными племенами заметно некоторое брожение.

Бывший защитник Мафекинга генерал **Баден-Пауэлл**, которому поручено было умиротворение Рустенбургского округа, донёс о восстановлении железнодорожного и телеграфного сообщений, разрушенных бурами, и о массовом разоружении населения, между прочим, **Ганса Эльфа** и внука президента **Крюгера Пита Крюгера**. В настоящее время **Баден-Пауэлл**² уже прибыл со своим отрядом в Преторию.

Если действия **Робертса**, **Буллера** и **Баден-Пауэлла** должны быть признаны удачными и, по-видимому, несколько про-двинули дело окончания войны, то нельзя сказать того же о лорде **Метуэне**, который продолжает претерпевать неудачи и частичные поражения, наносимые ему подвижным и ловким противником его **Деветом**. В течение одной недели сему последнему удалось застать врасплох и захватить в плен два английских батальона, каковое известие не преминуло возобновить в печати строгую критику действий лорда **Метуэна** и

нападки на покровительствующее ему военное министерство. Впрочем, на выручку ему отправился лорд **Китченер**, которому удалось соединиться с лордом **Метуэном** близ Брандфорта и затем соединёнными силами нанести бурскому отряду поражение.

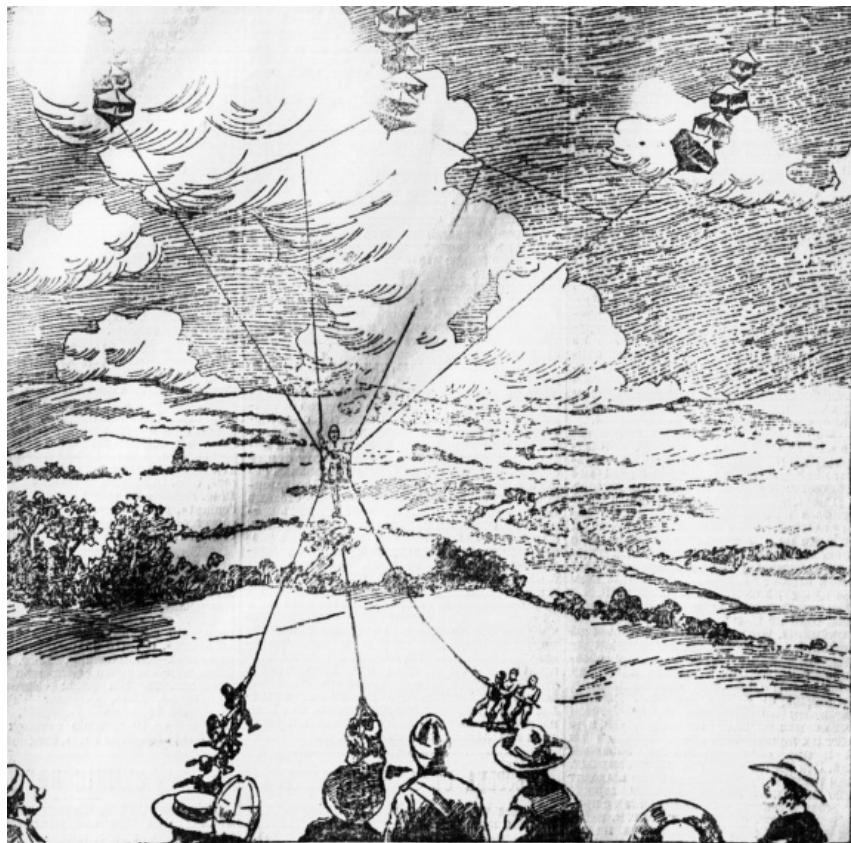
В действительности главная причина неудач, подобных вышеописанным, заключается в самом образе ведения бурами войны, состоящего в том, что они, избегая открытого боя и не будучи вследствие сего в состоянии одерживать решительных побед, пользуются всяким случаем, чтобы причинять возможно больший урон неприятелю посредством партизанских набегов, разрушая пути сообщения и телеграфные линии и забирая в плен небольшие отряды, удалившись в сторону от главных сил.

Весьма трудно сказать, сколько времени буры будут в состоянии продолжать эту тактику, но, во всяком случае, лорду **Робертсу** понадобится вся энергия, выдержка и хладнокровие, уже не раз им проявленные в течение настоящей кампании, чтобы довести до удовлетворительного конца борьбу со столь своеобразным и ускользающим из рук противником.

Примите и прочее³.

Примерно в это же самое время подполковник **Ромейко-Гурко** сообщал крайне нелестные сведения о бурах:

Из числа примерно 25 000–30 000 человек, способных носить оружие и по закону обязанных выходить в поле по требованию правительства, ныне находится под ружьём едва 4000 человек. Из них 2 тысячи (при 26 орудиях и скорострелках различных систем) под начальством генерала **Л. Бота** ещё четыре дня тому назад занимали позиции у станции Первые фабрики, а ныне они уже отступили к западу от станции Бальмораль, то есть в четыре дня и после двух нападений со стороны противника мы отступили без малого на 70 вёрст.

УСПЕШНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ВОЗДУШНЫХЪ ЗМЕЕВЪ НА ВОЙНѢ.

Бадонъ Поузиль показалъ, что благодаря удачному примѣнѣнію скотомы змѣевъ на Оранжевой рѣкѣ возможно пати фотографию въ воздухѣ, сгѣтъ за непріятелемъ и употреблять въ дѣлѣ телеграфъ безъ проволоки.

Эти столкновения собственно боями назвать нельзя ибо всѣ ограничилось одною артиллериjsкою канонадою, въ особенностях, при втором столкновении у Бранкхорстспруйта.

Вообще маловероятно, чтобы и въ будущемъ произошло се-рѣзное столкновение между противниками.

Хотя трансваальские генералы (ихъ ныне при отрядѣ генерала **Бота** осталось всего три: **Деларей**, **Смэтс** и **Фурье**⁴) и уверяютъ, что те немногие бургеры, которые остались въ поле,

готовы драться до последней крайности, но судя по тому что происходит на полях тотчас по открытии артиллерийской канонады – этого не видно.

Что касается положения вещей на юго-восточном театре, то есть на границе Наталя, то хотя в точности оно мне неизвестно, но о нём можно судить по тому, что официальное сообщение правительства гласит, что тамошние коммандо, ввиду численного превосходства противника, должны были покинуть свои позиции у Лангснека и занять другие позиции, причём не обозначено, где именно.

По частным сведениям утверждают, что это надо понять в том смысле, что большая часть бургевов разъехалась, чтобы не сказать разбежалась по своим домам.

Достоверно мне известно, что из числа 18 паровозов, которые были оставлены для обслуживания линии Гейдельберг-Фолксруст, 17 трансваальцами приведены в негодность и оставлен лишь один, который предназначен служить до последней возможности. Линию железной дороги на этот раз трансваальцы уже не жалеют и стараются основательно испортить, понимая, что англичане приложат все усилия для возможно скорого открытия движения по ней к Дурбану, впервых, от того, что она короче, а во-вторых, от того, что она менее будет подвергаться ударам войск генерала **Девета**, который, собрав вокруг себя около трёх тысяч человек, ныне стоит у самой железнодорожной линии вблизи станции Копьев (на полпути между Кронстадом и рекою Вааль. При войсках генерала **Девета** ещё находятся 22 орудия, из коих 6 **Армстронга**, взятых у англичан при Сонасности, несколько **Максима-Норденфельда**, а остальные **Круппа**, образца 1892 г. Для них ещё недавно имелось по 200 слишком снарядов на орудие. Склад в Франкфорде).

На днях президент **Стейн** обнародовал прокламацию, в которой протестует против таковой же, изданной лордом **Робертсом**, где объявлено, что ввиду занятия британскими войсками Оранжевой Республики, таковая отныне именуется «The Orange River Colony» (Колония Оранжевой реки).

Очевидно, что подобные английские прокламации служат лишь на пользу обеим республикам; они ясно указывают населению, что если оно желает сохранить свою независимость, то может достигнуть этого лишь силою оружия.

Благодаря им собрались около главнокомандующих обеих республик те остатки войск, которые ещё стараются продолжать борьбу, но, к сожалению, среди начальников трансваальцев пока ещё не выискался человек, способный хотя бы делать то, что ныне делает генерал **Девет** в Оранжевой Республике.

Решение, принятое на военном совете после занятия англичанами Блумфонтейна, – впредь не занимать оборонительных позиций, а стараться атаковать противника на флангах и с тыла, окончательно забыто, но последствия сего решения выразились в том, что когда ныне трансваальские войска занимают по-прежнему сильно растянутые позиции, то они уже не дают себе труда даже возводить ложементы. Это приводит к тому, что люди, не находя достаточно обеспеченных укрытий от артиллерийского огня за обломками скал, после нескольких удачно попавших артиллерийских снарядов покидают позиции⁵.

В своих донесениях **Гурко** рисовал поистине безрадостную картину окончательного перехода англобурской войны в партизанскую:

Правительство всё ещё находится в Машадодорпе и, насколько мне известно, ещё не решило, в каком направлении оно отойдёт в случае наступления английских войск вдоль линии железной дороги от Претории к Делагоабай.

Но, по-видимому, англичане или слишком утомлены своим форсированным наступлением от Блумфонтейна к Претории, или слишком заняты парированием ударов генерала **Девета** на их коммуникационную линию, чтобы иметь возможность продолжать наступление к востоку от Претории.

Зато генерал **Буллер**, наконец, решил вести наступление вдоль железнодорожной линии. По последним сведениям, он

уже достиг города Стандертона, не встретив никакого сопротивления.

Войска же лорда **Робертса** отошли за цепь холмов, которые пересекают железнодорожную линию у станции Вандермерве, разрушив при этом самую линию, чтобы воспрепятствовать трансваальцам подвезти своё 155-миллиметровое орудие, установленное на платформе, и обстреливать их лагеря.

Куда именно отошли английские войска трансваальские начальники, по обыкновению, в точности не знают.

За эти последние дни войска, бывшие под начальством генерала **Бота**, в числе около 2000 с небольшим, уменьшились почти вдвое, ибо некоторые генералы, взяв с собой своих людей, направились в округа, лежащие к северу и к западу от Претории, для того чтобы попытаться вновь призвать к оружию людей, разошедшихся по домам, но сомнительно, чтобы это привело к желаемым результатам.

Далее генералы эти предполагают остаться в вышеупомянутых округах, чтобы препятствовать англичанам распространять свой оккупационный район вокруг Претории. Если бы такое решение было принято до оставления Претории, то можно было бы имеющиеся ещё налицо боевые запасы распределить в нескольких складах; ныне же они все находятся на линии железной дороги Миделбург-Комати-порт, откуда доставлять их в северные и в особенности, западные округа более чем затруднительно.

Впрочем, идея организации обороны каждого округа и ведение партизанской войны людьми, защищающими свой домашний очаг, ещё как будто не установилась, ибо рядом с отправлением генералов в пределы тех округов, откуда набираются их люди для организации там обороны, на днях появилось воззвание президента к населению, где он осуждает желание бургевров сражаться в пределах своих округов, говоря, что это поведёт к общей погибели. Так как это воззвание очень характеристично, а равно и телеграмма генерала **Я. Жубера** к генералу **Бота**, то я его прилагаю в подлиннике и в переводе. Это первый раз, что правительство решается опубликовать телеграмму, где говориться: наши бургевры потеряли мужество. А то до

сих пор всё ещё сообщалось, что бургеры полны мужества и храбро сражались.

Те части коммандо, которые не имеют лошадей, сосредоточиваются между Машадодорпом и Ватерфальбовеном, где на высотах хотят установить три 155-миллиметровых орудия. Будут ли укреплять эти позиции траншеями, пока ещё не решили. Позиции очень сильные, но как все позиции в здешних местах, легко обходятся. К тому же на стойкость этих войск надежды мало. Непонятно также, почему правительство не принимает мер к тому, чтобы достать людям лошадей, ибо нет сомнения, что в стране есть лошади и при желании и энергии их можно бы было достать, а между тем в неимении свежих лошадей как правительство, так и генералы видят причину невозможности действовать активно, с чем, впрочем, трудно согласиться. Кроме причин лежащих в характере местного населения, таковые надо искать также в недостатке начальников, способных внушить доверие людям.

Что можно сказать о начальниках, когда один из лучших, **Лука Мейер**, бывший начальником всех войск, собранных на границе Наталя, уже две недели как передал командование другому, а сам уехал по той причине, что у него украли верховых лошадей.

Так как здесь всё совершенно спокойно, то на днях собираюсь вернуться в Машадодорп, где, по крайней мере, можно иметь больше сведений об общем положении дела и дальнейших предположениях правительства.

Приложение.

Перевод.

От президента. Машадодорп, 20 июня 1900 г.

К и.д. главнокомандующего (генерала **Бота**), помощникам главнокомандующего и офицерам.

Следующая телеграмма получена от и.д. помощника главнокомандующего **Я.А. Жубера** из Амерсфорта к и.д. главнокомандующего **Л. Бота** в главном лагере у Бальмораля.

Начинается: 19 июня 1900 г. Силы противника, которые двигались к Вакерстрому, ныне отходят назад, и, по всем вероятиям, стоят лагерем у Сандспруйта с этой стороны Аудкаутнека. Поскольку мы можем судить, неприятель делит свои силы на три части: одна часть двигается к Утрехту, другая – через Амерсфорт к Эрмело, третья – вдоль железнодорожной линии к Стандертону. Как вы раньше видели, мы очень слабы, так как наши боргеры Вакерстромского лагеря потеряли мужество. Генерал **Фурье** двигается безостановочно по направлению к Эрмело (то есть отступает). Я его просил оставить мне орудия, у которых лошади сильны, но на это он не согласился (генерал **Фурье** подчинён генералу **Я. Жуберу**). Против которой части противника должны мы двинуться: той, которая двигается на Стандертон, или которая идёт на Эрмело? Против обоих я не могу двинуться, ибо мы слишком слабы. Будьте добры тогда, по Вашему усмотрению, попросить генерала **Фурье** потрудиться нас поддержать. Благоволите немедленно ответить, куда мы должны двинуться без промедления. Я ожидаю ответа...

Далее следует возвзание, весьма длинное, с частыми повторами одного и того же, из которого я перевожу только те фразы, которые дадут понятие об общем характере возвзания.

Не колебайтесь и не впадайте в неверие. Настало время, когда народ Божий будет очищен.... Братья, братья, прошу вас, не впадайте в неверие, но оставайтесь в вере и боритесь во имя Господа. Спросите свои сердца, когда вы становитесь столь малодушны и бежите прочь, и вы увидите, что вы уже не верите, что есть Бог на небе, и что тогда вы становитесь совершенно неверующими. Но я говорю вам на основании слова Божьего, что ничто не может случиться без Его воли... И тот самый Бог, который нас спас и при помощи чудес даровал нам нашу свободу, думаете ли вы, что Он оставит раз начатое дело. Нет, Он его не оставит... Я слышу, что каждый желает идти сражаться в своём округе. Это уничтожит всё и тогда из нашей борьбы ничего не выйдет. Каждый, где бы он ни был и под начальством какого офицера он был бы, пусть стоит твёрдо и борется мужественно, ибо послушание и доверие – это победа. Любезные братья, прошу вас ещё

раз, будьте послушны вашим офицерам и имейте доверие к главнокомандующему, ибо, как я уже сказал, послушание и доверие – это победа. Обратите внимание на добрые вести от комиссии, посланной в Европу. Обратите внимание на прокламацию **Робертса**, которую он издал в Оранжевой Республике, из которой видно, как дурно он с нею поступил после того, как она попала в его руки. Это ничто иное как ловушка. Согласно псалму 83-му, с давних пор враги говорят про нас, что этот народ не может существовать в стране **Христа**, и **Солсбери**, и **Чемберлен** в своих документах говорили то же самое, так вы это сами читали – что мы не должны существовать; но Господь говорит: этот народ будет существовать. **Христос** – наш высший генерал, который ведёт нас по слову своему. Любезные братья, прошу вас ещё раз, не будемте неверующими... Смотрите на псалом ваш ещё раз, не будемте неверующими... Смотрите на псалом 92-й. Читайте его всем офицерам и бургарам; ибо страдания в это тяжёлое время ничто в сравнении с вечным блаженством. Будем послушны Всем благому.

Поскольку телеграмма генерала **Жубера** даёт понятие об отношениях существующих здесь между подчинёнными, постольку и возвзвание даёт понятие вообще об издававшихся им таковых же ранее, ибо все они более или менее в этом роде, то есть, скорее, церковные проповеди. В этом они существенно разнятся от прокламаций президента Оранжевой Республики⁶.

Приведём и донесение военного инженера капитана **Щеглова** о положении дел в Трансваале и сражении при Дальмануте:

Министерство военное. Главное инженерное управление.
Канц. инт. ком. отд. искусств. 11 декабря 1900 г.
№ 17401.
В Главный штаб

По приказанию главного начальника инженеров, Главное инженерное управление имеет честь препроводить в Главный

штаб прилагаемую при сём копию с донесения военного инженера капитана **Щеглова**, находившегося при армии буров в текущую трансваальскую войну.

Помощник начальника управления
генерал-лейтенант **Кирличев**⁷.

Делопроизводитель военный инженер генерал-майор
(подпись).

Главное Инженерное управление 7 ноября 1900 г. 18 сх
№ 16836.

Отделение искусственное 9 ноября 1900 г. 18 сх № 383.

С письма этого и приложенного к нему крохи снять копии,
которые препроводить начальнику Главного штаба.

Генерал-лейтенант **Вернандер**⁸

16 ноября 1900 г.

Нельспруйт (Трансвааль)

7 сентября/25 августа 1900 г.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Александр Петрович,

16 июля нового стиля я прибыл в резиденцию Трансваальского правительства станцию Машододорп.

В это время войска союзных республик были расположены:

Главная армия генерала **Л. Бота** занимала позицию к востоку и северу от Претории; лагерь главнокомандующего находился близ Бранхорст-Спруйта.

К западу от Претории действовал отряд генерала **Деларея**.

В окрестностях Стандертона (в Граскоп) действовал отряд генерала **Христиана Бота**.

В Оранжевой Республике действовал отряд генерала **Девета** и несколько мелких отрядов в окрестностях Гаррисмита.

Кроме того, буры, лишившиеся лошадей, собирались в Машадодорп под общим начальством генерала **Луки Мейера**, которому поручено было избрать и приспособить к обороне позицию к западу от Машадодорпа.

Так как этот отряд ещё только собирался и не приступал ещё к укреплению позиции, то не ожидая начала его деятельности, я отправился к главной армии буров, чтобы представиться генералу **Бота**.

21 июля я прибыл в главную квартиру, представился главнокомандующему и с тех пор по 28 августа находился при главной армии буров.

К сожалению, я не имел возможности осмотреть ни позицию буров вокруг Претории, ни окопных работ, произведённых англичанами для расположения своих сторожевых застав вокруг Претории, так как на другой день по моём прибытии в лагерь генерала **Бота**, то есть 22 июля, англичане начали своё наступательное движение к востоку от Претории, а буры своё отступление. При отступлении буров, превращавшемся иногда в бегство, не только не было случаев приспособления позиций для обороны и задержания англичан, но не было произведено даже порчи сообщений для наступающего противника.

Хотя отступление производилось вдоль железной дороги, которая тотчас же по занятии её англичанами представляла для них громадное значение, однако никакого разрушения ни самой железной дороги, ни мостов (значительные мосты на железной и грунтовой дорогах остались, как, например, через Олифант-ривер, нетронутыми) произведено при отступлении не было. Увозили только имущество станций и угоняли подвижной состав; ни блок-система, ни телеграфная линия не разрушались. Причинами того были: отчасти отсутствие у буров средств для разрушения (динамит, инструменты) и специально знающих это дело людей; главным же образом, возникшие в руководящих кругах армии убеждение в бесполезности этих работ, убеждение, основанное на опыте войны. Как бы значительно ни было разрушение, оно не в состоянии задержать надолго англичан при прекрасно организованных в их армии инженерных средствах и сравнительно

большой численности инженерных войск. Ещё до начала этого отступления, в июне месяце, во время возникшей после оставления Претории паники, были разрушены, однако самими бурами, два значительных железнодорожных моста на линии Претория–Лоренсу-Маркеш. Мосты эти были через Бранхорст-спройт и Вельус-ривер. Я имел возможность осмотреть только последний, так как мост через Бранхорст-спройт находился в руках англичан. Сделанные мной на месте чертежи моста и собранные мной у руководившего работами по разрушению моста инженера **Шиффи** (?) справки, буду иметь честь представить вслед за сим. По сведениям натальских английских газет (телеграммы «The Natal Advertiser» от 2 августа), англичанам пришлось строить временный мост вместо разрушенного и, захватив Вельус-ривер 23 июля, они только 2 августа смогли закончить устройство этого временного моста.

Быстрое наступление англичан к востоку закончилось 26–27 июля занятием Миддельбурга (войсками **Френча**, по местным английским источникам).

30–31 июля бурские разъезды донесли, что английский авангард (кавалерия) продвинулся до станции Вандер-Сфон-тейн, где стал двумя лагерями по обе стороны железной дороги. С тех пор и до 17 августа, по сведениям буров, решительно-го движения к востоку англичане не предпринимали.

Были сделаны попытки продвинуться к северу от Миддельбурга (правительственное сообщение от 9 августа – отряд англичан 1500 человек) и небольшие поиски в сторону Каролины. Не останавливаясь подробно на действиях в течение того же периода времени натальского отряда генерала **Буллера**, проходивших в то время, когда здесь присутствовал подполковник **Гурко**, перечисляю лишь главнейшие моменты этого движения, так как действия эти имели влияние на состав и положение бурских команд, занявших левый фланг позиции, на которой в 20-х числах августа (1900 г.) произошло сражение. 7 августа началось движение **Буллера** на Аммерсфорс, 11 августа занято Ермело (Эрмело), 16 августа войска **Буллера** вступили в связь с Миддельбургским отрядом и 17 августа занята была

Каролина. Находившиеся в направлении Аммерфоса бурские команды (Валькестром, Стандертон, Ермело (Эрмело) и Свазiland) частично отступили к западу (генерал **Христиан Бота**), частично к северу, и постепенно вошли в состав отряда, занявшего при отступлении от Миддельбурга позицию перпендикулярно к железной дороге близ станции Белфаст и Дальманута.

Занятие этой позиции, намеченной уже задолго до отступления из-под Претории войсками генерала **Луи Бота**, начато было ещё в первых числах августа. Но тогда как направление фронта позиции определилось с самого начала (как сказано выше, перпендикулярно к железной дороге) – точно положение флангов, особенно левого, определилось лишь тогда, когда наступательное движение англичан на Каролину, закончившееся 17 августа боем при Дорнкопе, заставило буров отступить на левый берег реки Комати. Генерал **Бота** желал удержать левый фланг в этом пункте и хотел организовать там упорную оборону; для этого 16 и 17 числа туда были двинуты некоторые команды и установлено на левом фланге одно тяжёлое орудие.

Но после боя 17 августа наступление англичан на левый фланг прекратилось.

Таким образом, занятие позиции для обороны бурами можно считать законченным к 17 августа.

Позиция эта представляла следующее.

Фланги позиции.

Левый фланг позиции находился на левом берегу реки Комати на группе имеющихся здесь холмов (Дорнкоп). Правый фланг позиции составляет группа гор под названием Sucrebosch-cop. Эта группа гор расположена на дороге Белфаст–Лиденбург и вблизи другой дороги Миддельбург–Лиденбург. Таким образом эта группа гор как бы запирает путь к Лиденбургу. Так как с самого начала занятия позиции главнокомандующий генерал **Бота** предполагал отступить, в случае надобности, на Лиденбург, то правый фланг можно было рассматривать как стратегический ключ позиции.

Направление фронта

Направление фронта позиции по немного выпуклой к за-

паду дуге (с севера на юг), избрано было с самого начала. При этом железная дорога делит позицию почти на две равные части.

Протяжение фронта позиции от Sucre-bosh-соп'а до реки Комати достигало 30 английских миль (при численности отряда буров, занимавших эту позицию, не свыше 3000 человек).

Узлы обороны

Характер местности на фронте позиции мог бы способствовать образованию узлов обороны, так как довольно равномерно по фронту позиции расположены были группы холмов, разделённые долинами.

Таковыми являлись, например: а) группа гор Eland-соп и Drivelsverdrift к югу от станции Дальманута; б) группа холмов с северо-запада от станции Дальманута возле самой железной дороги, которая в них врезается; эта группа находится в середине позиции; в) гора под названием Witrand к северу от железной дороги.

Вследствие малочисленности и отсутствия резервов буры, однако, не могли организовать прочно узлов обороны и, занимая позицию равномерно редко, только в двух их этих пунктов пытались организовать нечто вроде опорных пунктов, а именно на холмах, расположенных в середине позиции в месте пересечения железной дороги с дорогой Белфаст–Лиденбург, расположены были – Йоханнесбургская конная полиция (лучшее войско республики) и часть Крюгерсдорпской команды таким образом, что взаимно поддерживали друг друга. Вместе с тем эти команды могли фланкировать подступы к соседним участкам позиции. Численность их правда была немногочисленна (80+45=125 человек), но всё же этот участок позиции был занят гуще, чем прочие.

Второе подобие опорного пункта было организовано на Witrand'e, там, где этот горный кряж пересекается дорогой из Машадодорпа. Здесь была собрана команда, состоящая из пеших буров йоханнесбургской и преторийской полиции и пеших буров из всех прочих команд. Всего набралось здесь до 500 человек. Эти буры устроили здесь укрепление, но, к сожалению,

как место избранное для укрепления, так и само устройство его оставляли желать многого.

Наконец, на крайнем левом фланге был экспромтом, в день боя 17 августа, организован опорный пункт у Дорнкопа. Но так как в дальнейшем развитии боя этот фланг уже не играл роли, то за неимением времени мне не пришлось его посетить.

Места артиллерии

Размещённые почти равномерно по позиции тяжёлые (позиционные) орудия или **Лонг-Томы** числом 4, как бы восполняли скелет позиции.

Первоначально места для трёх из этих орудий были избраны генералом **Лукой Мейером** ещё задолго до занятия позиций.

Первый из **Лонг-Томов** был установлен по его указаниям в центр позиции на высоте Elands-соп. Устройство окопа и установка орудия были закончены к 29 июля. В то же время было приступлено к установке двух других **Лонг-Томов**: одного – на крайнем правом фланге на высоте Sucre-bosh-соп, другого – на высшей точке горы Witrand. 4-й **Лонг-Том** временно оставался на станции Дальманута, где для него была приспособлена особая платформа таким образом, что она могла быть передвигаема по линии железной дороги. На платформе имелся шкворень⁹-тумба для установки орудия для стрельбы. Спереди орудие прикрывалось вертикальным щитом из стали, толщиной 1/2...(дюйма?), с боков – такими же щитами на шарнирах; кроме того, спереди уложены перед листом земляные мешки. С такой платформы предполагалось стрелять с обстрелом по 15 (градусов) в каждую сторону от оси пути.

Впоследствии по занятии бурами этой позиции распоряжение тяжёлыми орудиями и их перемещение сосредоточилось исключительно в руках главнокомандующего. При каждом из тяжёлых орудий всегда имелся гелиографический пост.

В течение первой половины августа до 17 числа (бой на левом фланге) в расположении **Лонг-Томов** произошли следующие перемены:

- 1) **Лонг-Том** № 3 перемещён немного вперёд (на 1500–2000

шагов) для уменьшения дистанции стрельбы и лучшей маскировки.

2) **Лонг-Том** № 2 (на Witrand'e) перемещён вперёд также для лучшей маскировки.

3) Наконец – **Лонг-Том** № 4, бывший на станции Дальманута, был переведён на левый фланг позиции 16 августа и здесь установлен ввиду угрожавшего движения генерала **Будлера** на этот фланг.

Этот последний **Лонг-Том** № 4 был ещё раз перевезён в последний день боя, 27 августа.

Все эти перевозки производились весьма быстро. Для установки орудия на походные гнезда и запряжки (12–16 пар быков) требовалось не более 30–40 минут.

Размещение полевых лёгких орудий находилось в распоряжении подчинённых генералу **Бота** генералов.

По бурскому обыкновению орудия расположены были не батареями, а поодиночке, частью на линии цепи, частью позади, причём приходилось стрелять через головы цепи.

Таким образом, было установлено орудие **Крезо** за Крюгесдорпской командой позади с 2000 шагов за цепью, а орудие **Круппа**, на том же участке позиции, на линии цепи. Следует, впрочем, заметить, что было чаще всего совершенно безразлично, где и как размещать орудия, так как стрелять было всё равно нечем. Оставшиеся немногие снаряды (например, для вышеупомянутого **Крезо** было всего 2000 выстрелов, а для двух **крупновских** гаубиц – на Witrand'e – один передок на два орудия) – приходилось беречь на случай отступления в горы, где не всегда тяжёлые орудия могут заменить лёгкие. Большинство полевых орудий находилось по этим причинам в бездействии и вся тяжесть артиллерийского боя легла на орудия большого калибра, для которых снабжение имелось в изобилии.

Размещение команд

Более трудно проследить постепенное занятие позиции командами буров и последующие перемещения под влиянием тех или иных других действий англичан. Особенную трудность в этом отношении представляет левый фланг, так как отступив-

шие от Ермело и Каролины команды пришли не в полном составе (часть ушла к Стандертону) и перемешанными. В главнейших по ходу боя частях позиции, центре и правом фланге, расположение команд было более постоянным.

В общих чертах размещение команд было следующее (к началу боёв в 20-х числах августа). Правый фланг (генерал **Бен-Фильон**) и центр (он же). Лиденбургская команда занимала Sucre-boch-соп и частью Witrand до укрепления.

Миддельбргская команда занимала Witrand, кроме укрепления, занятого, как сказано, 500 пешими бурами.

Йоханнесбургская и Крюгерсдорпская команды занимали высоты левее долины Еландер-ривер. Немцы Крюгерсдорпской команды (барон **фон Гольдек**) и йоханнесбургская полиция (командант **Остхайзен**) занимали высоты самой выдающейся вперёд части позиции у железной дороги.

Боксбург-команда – влево от железной дороги. Левый фланг – генералы **Смис** и **Фури** (**Смэтс** и **Фурье**) составляли команды Бетель, Гейдельберг и Ермело.

Общая численность всех буров, занимавших рассматриваемую позицию, не превосходила 3000 человек (из полученных здесь натальских газет видно, что англичане полагали численность буров в 10 000 человек при 50 орудиях).

Резервов ни частных, ни общих не было.

Лагерь генерала **Бота** находился всё время вблизи фермы Гельвеция, позади центра позиции и 8–10 верстах от станции Дальманута.

Фортификационное усиление позиции

Для усиления позиции созданием на ней закрытий, расчисткой обстрела и устройством сообщений и препятствий сделано было очень мало; почти ничего.

Тяжёлые орудия неизменно помещались с самого начала и до последнего дня в окопах.

В этом часто виделась рутина, чем действительная надобность, так как орудия эти становились далеко за цепью и ружейному огню не подвергались. Все окопы одного неизменного типа. Бруствер с одеждой из земляных мешков.

В одном окопе, напротив, наружная отлогость и скат бруствера были облицованы мешками для маскировки (под вид окружающих скал). Стрельба всегда была через банк (высота оси цапор 6). Блиндаж¹⁰, покрытый одним рядом 3-х верхковых бревен и 4-мя рядами мешков, был устроен лишь при одном окопе. В первое время вся работа по устройству окопов производилась **кафрами**, когда же в половине августа **кафры** разбежались, работу производила прислуга при орудии (6 человек) и рабочие, вызванные из команд. Руководил работой или командир батареи, или сержант, то есть фейерверкер при орудии. Последние выработали (нигде не учились) и приёмы постройки. Сразу ставили по 15 человек в смену (1/2 – 2/3 с кирками) и сменяли каждые 1/2 часа. В каждом окопе настипалась артиллерийская платформа, которая составляла артиллерийское имущество при орудии и перевозилось вместе с ним.

Для немногих полевых орудий были построены также горизонтальные окопы, не принесшие, однако, ощутительной пользы, так как прислуга предпочитала укрываться за соседними скалами, что при редком огне из орудий можно допустить; к тому же бруствер окопа, высотой в 2 фута, не представлял хорошего закрытия.

Окопы для стрелков совершенно отсутствовали. Местами они были, впрочем, излишни, так как стрелки устраивали закрытия из групп камней и скал или пользовались уже готовыми закрытиями. Много-много, если выроет кто-нибудь себе ямку за камнями, если это требует удобство стрельбы. До самых последних дней многие буры не заботились об усовершенствовании своих закрытий. Большинство людей йоханнесбургской полиции ещё накануне штурма (26 августа) не позаботились об устройстве закрытий, а прятались за камни и даже деревья, хотя и в этот день, и накануне они уже подвергались сильному шрапнельному огню. Тогда как если бы здесь было (зачёркнуто «бы»), устроено укрепление или окопы с лёгкими блиндажами против шрапнели – исход штурма мог бы быть иной.

Укрепление устроено было одно, на Witrand'e.

Как по своёму расположению, так и по устройству оно напоминает скорее детскую затею, нежели действительное укрепление. Руководители этой постройки пожелали воспользоваться грудами скал, расположенных в виде правильного многоугольника (5-угольника). Сомкнули промежутки между скалами брустверами высотой +6.1/2, насыпанными из мелких наружных рвов с каменной одеждой внутренней крутизны и каменными же банкетами¹¹. По несчастью, скалы эти расположены на обратном склоне высоты и потому порядочный обстрел (до 800 шагов) имеется только с переднего и частью боковых фасов¹², да и то если взобраться повыше на скалы, а не оставаться на банкете.

Свеженасыпанные брустверы демаскировали укрепление. Внутренняя площадь обширна: 100x100 шагов, так что значительная часть гарнизона стояла внутри лагерем. Внутри было приступлено к устройству порохового погреба для патронов, но успели вывести из камней только стенки, потолочного перекрытия, за неимением леса, так и не сделали.

Между тем, хорошо расположенное и устроенное здесь же на Witrande укрепление было бы весьма полезно при отступлении к Лейденбургу, на другой день после потери позиции.

Никаких искусственных препятствий сделано не было. Разработка сообщений также не была произведена.

Расчищать впереди обстрела почти не приходилось: трава выжжена, деревьев нет.

Те фортификационные работы, которые были произведены, не потребовали каких-либо особых забот по снабжению шанцевых инструментов. Обыкновенные садовые лопаты и кирки частью были доставлены из комиссариата, частью были просто куплены в Лоренсу-Маркеш и привезены в Дальмануту по железной дороге.

Бой 23–27 августа (1900 г.)

Сражению при Дальмануте (или Машадодорпе) предшествовали в период с 17 по 22 августа включительно некоторые передвижения англичан, состоявшие по бурским источникам в следующем.

21 августа значительные силы англичан вышли из Миддельбурга и Вандерфонтейна к северу. Подобное движение заставило буров опасаться за свой правый фланг и за дорогу в Лиденбург. Есть основание предполагать, что это движение на Лиденбург будет произведено к дальней западной дороге и независимо от действий на позиции Белфаст-Дальманута.

23 августа, однако, последовало наступление англичан на центр позиции. После полудня три колонны английской кавалерии атаковали позицию Бетал-коммандо, и выставленная прямо к западу против **Лонг-Тома** № 3 английская батарея бомбардировала различные части позиции буров. К вечеру атаки на Бетель-команду участились, но были отбиты бурами. Взято было за день 42 пленных. Со стороны буров раненых 10.

24 августа англичане заняли Белфаст и выставили батареи по гребню Белфастской возвышенности к югу от Белфастского монумента. Батареи бомбардировали преимущественно центр позиции буров. Им отвечал **Лонг-Том** № 3, поддерживая неравную борьбу против 14 орудий. Расположенная впереди **Лонг-Тома** № 3 горка отлично, по-видимому, маскировала расположение **Лонг-Тома**, так как она подверглась усиленному обстрелу английскими орудиями. Потерь со стороны буров не было.

Вечером в тот же день (я) имел возможность наблюдать англичан (с) позиции Крюгерсдорпской команды; пехота, артиллерия и кавалерия были в расстоянии 4000 шагов прямо к западу.

25 августа, кроме орудий крупных калибров, англичане выставили батареи полевой артиллерии на расстояние до 4000 шагов против центра. Всего можно было насчитать три батареи. Огонь (шрапнельный) был направлен на позиции Йоханнесбургской и Крюгерсдорпской команд и йоханнесбургской полиции (все перелёты). Потерь со стороны буров не было. Отвечали на огонь английской артиллерией орудия **Крезо** и **Круп-па** (2 орудия), установленные позади Крюгерсдорпской команды и **Лонг-Том** № 3.

26 августа до полудня, по-видимому, англичане развертывали по гребню свои батареи и только изредка обстреливали

шрапнелью позицию йоханнесбургской полиции. Видно было близко также большое количество кавалерии. С 3-х часов началось усиленное бомбардирование значительной части позиции буров – центра и Witrand'a. Английские батареи (до 50-ти орудий) занимали, как было видно, весь гребень Белфастской возвышенности. Бороться с ними могли только два **Лонг-Тома** (№ 2 и № 3). К вечеру английская пехота атаковала позиции Йоханнесбургской команды, но встреченная сильным ружейным огнём, отступила.

Уже бомбардировка 25 августа показала намерения англичан прорвать центр позиции, почему для усиления сопротивления артиллерийскому огню противника ещё накануне решено было генералом **Бота** перевести **Лонг-Том** с левого фланга (№4) и установить в центре позиции позади расположения Крюгерсдорпской команды. Поэтому с утра 26 августа было приступлено к устройству углублённого окопа. Работа производилась людьми из йоханнесбургской полиции. Окоп был окончен к вечеру и в ночь на 27 августа орудие было перевезено и установлено, так что с 9 часов утра могло открыть огонь.

27 августа была произведена решительная атака на центр позиции. С утра началась бомбардировка, на которую отвечали три **Лонг-Тома** (№ 2, №3 и №4) весьма деятельно. Бомбардировка лиддитными снарядами происходила по позициям 3-х **Лонг-Томов**, шрапнелью же, – по позиции йоханнесбургской полиции. На выдающийся вперёд мысок, занятый этой командой, было направлено 6 полевых батарей с расстояния 3000–3500 шагов. Не было момента, чтобы 2–3 облачка типичного шрапнельного дыма не висело над этой горкой.

Несмотря на отсутствие каких-либо закрытий, кроме камней, люди Йоханнесбургской команды поддерживали живой ружейный огонь вместе с соседними командами. Во 2-м часу пошла на этот пункт в атаку английская пехота. Когда дело дошло до атаки в штыки, йоханнесбургская полиция не выдержала и один за другим стала отступать, держась вдоль выемки железной дороги. За ними отступили немцы Крюгерсдорпской команды и затем – остальные соседние команды, так как под

огнём с занятого англичанами клочка невозможно было держаться соседям.

Отступление центра послужило сигналом к общему отступлению.

Убыль йоханнесбургской полиции следующая: убитых – 8, тяжёло раненых, оставшихся на позиции – 12, легко раненых – (ушедших) 10 и 16 человек остались на позиции, неизвестно убиты ли они или взяты в плен. Комендант тяжело ранен, лейтенант убит. Из всей команды в 80 человек невредимыми отступили только 34 человека.

Потери в остальных командах незначительны.

28 августа продолжалось очищение позиции и отступление. Главные силы и значительная часть команд под начальством генерала **Бота** через Ватранд отступили по Лиденбургской дороге; небольшой отряд генерала **Вельюона (Фильюна)** отступил по железной дороге, для её прикрытия команды левого фланга (генералы **Смэйтс, Фури**) отступили по направлению к Барбертону. Для прикрытия отступления – Witrand был очищаем постепенно, причём стоявший там **Лонг-Том** и ещё один, перевезённый из центра, поддерживали целый день деятельный огонь. День 28 августа закончил ряд боёв за Машадодорпскую позицию.

Не имея под руками никаких известий о действиях англичан (прибывшие в Лоренсу-Маркеш натальские и капские газеты до 20 августа), а только собственные наблюдения над действиями буров, известия, полученные от генералов буров и односторонние правительственные сообщения, от заключений по поводу этого воздержусь.

Прилагаемое при сём крошки описываемой позиции составлено при помощи глазомерной съёмки. Карт местности почти нет, и бурские генералы не пользуются и иностранными. Из местных карт самая крупная в масштабе 1/500000 (12-вёрстная), но и та карта чисто землемерная, составленная исключительно с целью обозначить пространства и пределы земельных участков. Населённых пунктов на ней не обозначено, горы и вообще неровности, показаны в общих чертах и неверно. По-

сему, воспользовавшись этой картой для нанесения главнейших дорог и исправив местами их направление, остальное пришлось выполнить при помощи глазомерной съемки во время поездок по позиции. Положение некоторых точек определено засечками при помощи буссоли¹³ и проверялось из других точек, расстояния же определялись или шагами (редко) или, чаще, временем пробега лошади.

Из ближайшего знакомства с армией буров приходится вывести следующие заключения о положении в ней военно-инженерного дела.

Никаких знаний по устройству закрытий в поле и никакой привычки укрепляться у буров нет. У них даже и шанцевого инструмента, кроме нескольких лопат для бивачных надобностей, нет.

Но имея охотничий инстинкт, они умело пользуются существующими местными закрытиями. К сожалению, присущая им лень и наступившее у многих какое-то равнодушие (или усталость) к войне, имело результатом то обстоятельство, что никаких почти, самых незначительных улучшений этих местных закрытий не было сделано на последней позиции.

Из инженерных войск (постоянных) у них имелась лишь команда телеграфистов и гелиографистов (при артиллерии). Гелиографное дело поставлено у них превосходно. Военный телеграф теперь уже не работает, так как армия пользуется гражданским правительственным телеграфом уже с половины войны.

(Далее – крохи – карта почти нечитабельна на микрофильме, поскольку поделена на шесть кадров, поэтому приведена карта о сражении при Дальмануте из русской газеты – её можно сравнить с картой, нарисованной капитаном фон **Зигерн-Корном**, и приведённой ниже – Прим. авт.-сост.)

{А. Лиденбургская команда

{М. Миддельбургская команда

{Ј. Йоханнесбургская команда

Генерал **Бен Фильюн**

{К. Крюгерсдорпская команда

{Н.К. Немцы Крюгерсдорпской команды

{О.П. Йоханнесбургская полиция

{Б.С. Боксбургская команда

{Б.Г. Беталь команда

Генералы **Смис** и {Г. Гейдельбург команда

Фури {Е Ермело команда

С – укрепление на Witrand'e

+ – места **Лонг-Томов** в последний день боя 27 августа...

Z

E – Elands-cop

D – Drivelverdrift

Собранные мной сведения по этим отраслям военно-инженерного дела, а ровно по части разрушения и пользования железными дорогами, буду иметь честь представить вслед за сим.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном почтении.

Вашего Превосходительство покорнейший слуга капитан

Щеглов.

Верно. Полковник **Попов**¹⁴.

Продолжим цитировать некоторые небезынтересные отрывки из отчёта **фон Зигерн-Корна**, который подробно останавливался в четвёртой главе своего отчёта о снабжении бурской армии:

IV

Снабжение команд продовольствием и боевыми припасами. Обозы

Интендантство с многочисленными подведомственными ему учреждениями, которое имеет столь громадное значение в

других странах, в Трансваале в мирное время не существовало, не было, впрочем, и армии, была милиция.

Каждый бур – страстный охотник, отличный стрелок, отважный наездник и прекрасный разведчик. Одним словом, он прирождённый солдат. Он с ранней молодости привык к походной жизни, может свободно все дни проводить в седле, а ночи на воздухе, закутанный в одеяла, довольствуется самой скучной пищей. Его продовольствие состоит из сушёного мяса (biltong), хлеба, соли и табаку.

Мобилизация бурской милиции упрощена до минимума. Всем командантам и фельдкорнетам рассыпается приказ главнокомандующего о сборе бургеров с назначением места и времени.

Бур, услышав слово ВОЙНА!, тотчас седлает лошадь, наполняет седельные саквы провиантом, приторачивает на 14 дней билтону (biltongу), одеяла и кофейник, надевает винтовку и патронташ, закуриивает неизменную трубку и айда, на сборный пункт. Только спустя две недели о его продовольствии начинает заботиться правительство.

Продовольственный вопрос в Трансваале в данный период времени представляется в таком виде. Убойный скот был сосредоточен, главным образом, в двух местах: в обширной вечнозелёной долине Бушфельд (к северу от Претории) и в Свазиленде, куда с началом зимнего периода правительство отправило на попечение дружественной королевы около 50 000 голов рогатого скота и громадные стада овец. Сверх того, весь округ Лейденбурга представляет собой ещё нетронутый богатейший магазин.

В свежем мясе недостатка не было. Не так благополучно обстояло дело с хлебом. Его скоро съели, местные запасы иссякли очень скоро. Мука, равно и кукуруза в зерне для лошадей, привозились из заграницы через Лоренсу-Маркеш, по железной дороге. Португальские власти под давлением англичан с каждым днём делали всё большие и большие затруднения. В сентябре месяце 1900 г. все пищевые продукты, предназначенные для Трансваала, были объявлены военной контрабан-

дой; только после сношения президента **Крюгера** с Лиссабоном последовала отмена запрещения для некоторых несущественных продуктов, как, например, сгущённое молоко, сахар, кофе и тому подобное.

Продовольственный вопрос в значительной мере затруднялся и осложнялся ещё тем обстоятельством, что все семейства буров из местностей, занятых англичанами, покинувшие свои фермы и присоединившиеся к отрядам, состояли на полном содержании правительства.

Все функции интендантства выполнял импровизированный Кригкомиссариат. В данный период времени комиссарские склады были организованы на станциях железной дороги Претория-Лоренцо-Маркеш. В складах этих имелись не только продовольственные продукты, но и запасы одежды, обуви, белья для мужчин, женщин и детей; походная кухонная посуда, одеяла, мыло, попоны для лошадей, спички, иголки, почтовая бумага... Одним словом всё, что может понадобиться буру, его жене и детям, всё имелось в комиссариате. Каждый бур имел возможность получить всё, что ему угодно и без особых формальностей, достаточно было записки от фельдкорнета.

Надо отдать справедливость, что буры пользовались этим правом слишком широко. Бур по натуре скопидом и бывали случаи, что некоторые из них набирали по 10–15 пар верхней одежды, на чёрный день, так сказать. Это не считалось злоупотреблением и этому никто не удивлялся. Кригскомиссар, начальник склада, не протестовал тоже потому, что добра этого, мол, хватит и, видимо, почтенному бургеру столько и понадобилось.

При приближении неприятеля все бургеры считали уже своей священной обязанностью без всяких формальностей очистить склад возможно скорее, чтобы ничего не досталось неприятелю. На эту операцию требовалось много-много полчаса времени.

Боевые припасы находились постоянно погруженными в вагонах и передвигались по железной дороге смотря по надобности и по ходу военных действий.

Доставка всего необходимого в команды, находящиеся на позициях, была доведена до минимальной простоты. Когда запас убойного скота и баранов приходил к концу, то в ближайший комиссариат посыпался бур с запиской от фельдкорнета, даже просто со словесным извещением, и оттуда без малейшей задержки высыпалось с **кафром** стадо быков или овец.

За хлебом, кофе, кукурузой, ружейными патронами отправлялись повозки, так называемые троли. Это солидная платформа, на которой свободно могут усесться человек 20; в неё запрягалось 5, даже 10 пар мулов. В более крупные и ещё более солидные троли, предназначенные под большие тяжести, например, артиллерийские снаряды, мелкие орудия и тому подобное, впрягались волы, по 7-10 пар.

Чисто воинский лёгкий обоз, обоз 1 разряда так сказать, состоял из малых троли. Таких повозок на команду в 150 – 200 человек было не более пяти. Обоз этот с лёгкостью поспевал за командами с бивака на бивак.

К разряду лёгких обозов, как это ни странным может показаться, следует причислить и **Лонг-Том** с их имуществом (155-миллиметровые длинные осадные орудия **Шнейдера-Крезо**). Хотя в них и впрягали по 18 пар быков, но состояли они при отрядах на правах полевой артиллерии.

Лонг-Том появлялся на позиции, на самой маковке высокого копье, одновременно с командами, а покидал позицию чуть ли не последним. Увозя **Лонг-Том** из-под носа неприятеля, эти 18 пар почтенных животных при всей своей методичности принуждены бывали зачастую некоторое расстояние пробегать и рысью, а то и галопом. Громадная троль со снарядами, с зарядами и платформой следовала неотлучно за своим **Лонг-Томом**. Лучшим доказательством их подвижности служит то, что ни один из четырёх **Лонг-Томов**, заслужив почётную боевую репутацию, не был ни разу в плену!

Лёгкий воинский обоз, вследствие своей малочисленности, не встречал особых затруднений при своём передвижении. Со всем другую картину представляло передвижение всего табора

бурских семейств, следующих за командами. Это нечто стихийное!

Надо сказать, что всё добро фермера-бура укладывается для путешествия в колоссальный крытый фургон, запряжённый, самое меньшее, 7-ю парами волов. В фургоне этом сверх тряпья, мешков с картофелем, земледельческих орудий, которых, помещаются женщины, дети, больные, ягнята, поросыята, домашняя птица... Вообще всё, что не может ни верхом ехать, ни пешком идти, всё сидит в фургоне.

А женщины бурские, как известно, долговечны и плодовиты. Почти в каждом фургоне можно найти, кроме матери семейства и десятка детей ещё и бабку, и прабабку, и разных бездомных родственниц, двоюродных, троюродных и так далее и так далее. Бурские женщины как образцовые хозяйки, не теряют дорогого времени в пути и шьют, чистят картофель, кормят детей, стирают бельё, мелют кофе и тому подобное.

При фургоне по сторонам идут стада быков, овец, табуны лошадей; вся молодёжь, юноши и девушки, едут верхами и поддерживают порядок. Тут и **кафры**-пастухи с большими корзинами за плечами всё время бегают сзади стада овец и подбирают ослабевших ягнят, ловко бросая их себе за спину. Тут и **кафры**-погонщики с громадными бамбуковыми бичами в руках без перерыва щёлкают и орут на волов особынными, душу раздирающими голосами...

Вся эта живая лава медленно течет широкой полосой с горы на гору, в непроницаемых облаках красной пыли, растягиваясь на десятки вёрст, изнывая от зноя и жажды...

Приближение этого могучего потока чувствуется за несколько часов до его появления. Над горами поднимается кровавое облако и съшится зловещий неопределённый гул. Облако растёт, гул всё усиливается. Наконец доносятся отчаянные вопли **кафров**, щёлк бичей, жалобное и хриплое блеяние баранов, топот сотен тысяч копыт, глухой грохот фургонов...

При каждой переправе вброд через многочисленные ручьи и речки вся эта живая масса задерживается, сгущается, стада перемешиваются и происходит невероятная толчея. Спуски к

броду обыкновенно очень узки и круты. Требуется особенная энергия погонщиков, пастухов и конной молодёжи, чтобы перетащить фургон и перевалить всё хозяйство фермы со всеми стадами на другой берег.

Скорость движения при таких условиях не более 3-х вёрст в час. Подобный обоз является, понятно, большой обузой для конвоирующих его лёгких бурских отрядов и приводит всю их стратегическую подвижность к нулю. Неудивительно, что **Бота**, имея на своём попечении подобный обоз, базу и правительство с престарелым президентом **Крюгером**, чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Он не мог не жаждать всей душой свободы.

V

Полевая почта

Исправность передачи военной корреспонденции, как известно, имеет немалое влияние на успех военных операций. Как количество переписки, так и способы передачи её в военное время служат характеристикой организации данной армии.

У буров вся письменная работа в штабах, вся канцелярская работа была доведена до минимума.

Из этого не следует, однако, заключать, что буры не сознавали важного значения предварительного изучения обстановки всеми участниками, не стремились к гармонии в действиях отдельных отрядов. Изучение обстановки штабами и каждым в отдельности буром было безуказиценно и достигалось оно без осложнения переписки.

Общая, конечная цель каждой в отдельности операции была ясно и своевременно поставлена в известность всем отдельным начальникам, а достижение её, выбор соответствующих средств, были всецело делом личной инициативы. При таком порядке вещей участие главных начальствующих лиц, как и в предварительной подготовке отдельных боевых единиц к предстоящему бою, так и в детальном руководстве ими, почти

устранялось. Количество передаваемых донесений, приказаний и прочее было в высшей степени ограничено, а организация полевой почты весьма проста, что не мешало её исправному функционированию.

Полевая почта почти исключительно обслуживалась велосипедистами. Часть из них находилась при главной квартире, на биваке, а остальные были распределены по телеграфным и гелиографическим станциям, рассыпанным по горам.

Число велосипедистов никто не мог мне точно определить, да и штата на них ни в мирное, ни в военное время не было. Имелось их, по-видимому, около 25 штук. Пользовались ими чины военно-телеграфной службы, телеграфной службы, телеграфисты-ординарцы для доставки по назначению депеш и для передачи словесных приказаний на близкие расстояния, или в те пункты, где не было гелиографных станций.

Велосипед, вообще говоря, оказал бурам большие услуги в применении его к почтово-ординарческой службе. Хотя военные телеграфисты, как и все буры вообще, имели верховых лошадей, но велосипед оказался практичнее и им охотнее пользовались. Он не требовал ни корма, ни наблюдения при остановке, никогда не чувствовал усталости, всегда был в готовности принять любого седока и пуститься с ним в путь.

Гелиограф как средство передачи сведений на сравнительно большие расстояния, при данных топографических и климатических условиях страны сыграл также выдающуюся роль. Его значение особенно велико здесь в зимнее время, когда на ясном голубом небе целый день не видно ни малейшей тучки, когда яркое южное солнце непрерывно сияет с восхода до заката, а горный воздух удивительно прозрачен.

Гелиографы имелись двух размеров – с большими зеркалами (10 дюймов) и с малыми (6 дюймов). При помощи больших зеркал гелиограммы передавались свободно на расстояние до 125 км, а с малыми – до 50 км.

Кстати. Интересна маленькая подробность, характеризующая своеобразный патриотизм англичан-фабрикантов. Гелиографы, которыми работали буры, были выписаны в самый

разгар войны прямо из Лондона. Прежние инструменты, купленные в Бельгии ещё до войны, пришли скоро в негодность; английские же оказались более высокого качества. Как приобретение их, так и доставка не представили ни малейшего затруднения.

Весь бурский телеграфно-гелиографный парк по штату мирного времени состоял из:

1-го поручика, 5-ти сержантов, 3-х капралов и 23-х учеников. Материальное имущество имелось в неопределённом количестве и в большом изобилии.

Хотя с началом военных действий поступили на службу все наличные запасные телеграфисты, 45 человек, но к данному времени (июнь – июль 1900) почти половина этого числа людей убыла. Все чины телеграфно-гелиографной службы прекрасно обучены своему делу; безуказненно читают на слух и знают иностранные языки, английский, французский и даже немецкий, весьма мало распространённый в Юго-Восточной Африке.

Что же касается электрического телеграфа, то надо заметить, что вся масса чисто военной корреспонденции передавалась преимущественно гелиографически; телеграфом же пользовались лишь на большие расстояния в несколько сот миль по существовавшим уже в мирное время линиям: на Барбертон, Эрмело, Лейденбург и Лоренсу-Маркеш. Хотя беспрепятственное пользование телеграфом было предоставлено и всем частным лицам, но, благодаря малограмотности буров и патриархальности их быта, телеграфные линии не были николько обременены работой. Исключение в этом отношении представлял железнодорожный телеграф на Лоренсу-Маркеш; вследствие усиленного движения по железной дороге он работал день и ночь¹⁵.

Интересные, ранее не опубликованные сведения о боях близ границы с Португальским Мозамбиком оставил полуофициальный военный агент штабс-капитан **Потапов**:

Вход секр. жур. воен. уч. ком. № 405, 20 (?) ноября 1900 г.
 Агент отряда Красного Креста **Потапов**. Lorenso-Marques.
 15/2 июня 1900 г.

Его Превосходительству **В.У. Соллогубу**

Милостивый Государь
Василий Устинович.

Сего числа я прибыл в город Lorenco-Marques для закупок продуктов для отряда Красного Креста, завтра отходит в Европу пароход «**Kaiser**». Пользуюсь случаем донести Вашему Превосходительству о состоянии республики.

Отправлять донесения из Трансваала для меня затруднительно. Цензура не признаёт положений Женевской конвенции и ей подлежат все письма, выходящие из пределов республики.

21 июня я был командирован по делам отряда в Lorenco-Marques. На пограничной станции Komati-Port все мои бумаги были взяты полицией и препровождены в цензурный комитет.

Так как среди арестованных бумаг были такие, без которых я не мог исполнить возложенные на меня поручения, я вернулся к отряду. О строгости осмотра вещей на границе я знал до отправления в Lorenco-Marques и потому не взял с собой не только донесений, но и дневников. В цензурном комитете цензор в моих бумагах не нашёл ничего недозволенного цензурой и препроводил их русскому консулу в Lorenco-Marques, где мной сегодня мои бумаги и были получены.

В настоящее время правительство официально находится в Machadodorp, президент живёт в Vaterval Onder. Так как все дела решаются самим президентом, чиновники и правительственные учреждения, устроенные в пассажирских и товарных вагонах, постепенно переезжают тоже в Vaterval Boven. Сведения, как об англичанах, так и о расположении и действиях бурских войск – отрывочные и неопределённые. Изредка на станциях железных дорог вывешиваются официальные известия о победах буров. Слухов ходит много, но как слухи, так и телеграммы, как уже не раз пришлось убедиться, не заслужи-

вают доверия.

Правительству необходимо время от времени выпускать официальные известия о ходе военных действий в виде телеграмм, так как отсутствие таковых известий вредно отражается на войсках. Буры говорят, что если нет телеграмм – дела идут плохо. В настоящее время ходят слухи, что англичане выселили из Претории более 2000 семейств, что **Робертс** взят в плен, что англичане умирают от голода. Официальные известия говорят об отъезде **Робертса** в Англию, о большой смертности среди английских войск, о захвате бурами массы пленных, об отступлении англичан отовсюду. Об отряде генерала **De Wet** (**Девета**) около трёх недель нет никаких известий и правительство, по-видимому, не принимает никаких мер к восстановлению сообщения с ним.

Правительство предложило одному доктору ехать с госпиталем к генералу **De Wet**, но не могло дать указаний, где **De Wet**. Известно, что генерал **J. Bothe** и брат **De Wet** и президент **Stein** находятся где-то в Оранжевой Республике. Есть сведения, что **L. Botha**, генерал **De la Rey**, генерал **Grobler**, генерал **Lammer**, генерал **Viljun** подошли к Претории с запада, севера и востока, стараются окружить Преторию. Генералы **Chr. Botha, Fourie, Erasmus, Du Toit** находятся у Amersfort и Ermelo.

Я не имею сведений, где пребывают генералы **Du Prez** и **Snuyman** и **Vasthuizen**.

Генералы **Burgher** и **L. Mauer** большей частью находятся или в Machadodorp, или в Vaterval Onder. Генерал **van Alphin** – начальник охраны железнодорожной линии. Генералы часто переходят с одной части театра военных действий на другую по собственной инициативе.

Связи между действиями генералов нет и они иногда при наступлении англичан запрашивают президента, что им делать, которую из наступающих колонн атаковать.

Часто, оставив свои войска, они сами приезжают советоваться с президентом. Всех бурских войск считают не более 15 000 человек. Волонтёров осталось не более 100 человек.

Пленных англичан около 1700 человек в Nootgedacht охраняются бурами, не имеющими лошадей. Побеги пленных случаются, но редко.

Между Petersburg и Lydenburg **кафрский** король **Lecucuni** с 12 000, вооружённых большей частью ружьями **Henri-Martini** (**Генри-Мартини**) (есть и ружья **Mauser**) воюет против своего дяди **Calany**, у которого считают не более 700 человек. **Lecucuni** сторонник англичан, **Calany** – сторонник буров.

Буры выслали против **Lecucuni** 250 человек и месяц тому назад между бурами и войсками **Lecucuni** был бой, о результатах которого нет известий.

Во всяком случае, восстание это ещё не прекращено.

Сведения эти мной получены от жителей города Lydenburg и от Landrost Procuror города Pietersburg, проезжавших из Pietersburg в Machadodorp и попавших в плен к **Lecucuni**, который выпустил их из плена под белым флагом и дал им даже конвой для охраны. Кроме того, в плена у **Lecucuni** был граф **Бобринский**, который ездил охотиться на север Трансваала.

Замечается недостаток продовольствия. Правительство оставило большие запасы продовольствия в Претории и других пунктах, тогда как без затруднения могло своевременно перевезти эти запасы в другие пункты.

В таможне в Lorentz-Marquez лежали горы консервов, закупленных трансваальским правительством в Европе и теперь признанных португальским правительством военной контрабандой.

В частные магазины тоже нет подвоза, цены на остающиеся не распроданными продукты начали заметно подниматься.

Купленную для войск одежду трансваальские чиновники долгое время не могут привезти в республику и просили меня присоединить эти вещи к тому товару, который я должен буду купить для отряда Красного Креста. Я не только отказался взять с собой эту контрабанду, но и не уверен, что без затруднений со стороны португальского правительства доставлю отряду купленные мной продукты, так как, по рассказам самих трансваальских чиновников и английского консула, португаль-

ское правительство уже не раз имело случай убедиться, что под флагом Красного Креста буры не раз провозили контрабанду.

Сегодня у меня были два трансваальских чиновника и объявили мне, что им удалось подкупить португальских чиновников за 2000 фунтов стерлингов и завтра провезут одежду в Трансвааль.

Отступая из Претории и Йоханнесбурга, буры оставили патронный и динамитный заводы, не взяв с собой ни станков, ни машин для устройства новых заводов или небольших мастерских в тылу расположения бурских войск.

Оставшиеся артиллерийские запасы хранятся на станции Nelspruit в 36 вагонах и на 15 платформах.

Много орудий без снарядов находятся на платформах, разбросанных по станциям вдоль линии железных дорог.

Не так давно ещё буры стреляли всюду и везде. По разбросанным по дорогам патронам легко можно было найти дорогу в бурский лагерь. На днях вышел закон, запрещающий пальбу из вагонов во время хода поезда, по дорогам во время передвижения, охоту, состязание в стрельбе в цель и так далее.

Закон остался законом, а буры продолжают постреливать птичек. Ловить нарушителей нового закона некому, да и взять с виновных нечего, а то стрелок уйдёт домой на ферму.

Буры, остающиеся до сих пор, как здесь говорят, на фронте, принадлежат большей частью к северным округам Трансваала.

Буры из округов, занятых противником, и продолжающие сражаться, как они говорят, или заранее опустошили свои фермы или оставили свои семейства под белым флагом и уверены, что англичане не тронут их фермы.

Возвращаясь из Претории к своему отряду в Vaterval Boven и проехав через передовые посты англичан в полосе, лежащей между передовыми войсками англичан и буров, я видел много белых флагов, развевающихся на фермах буров, тогда как владельцы этих ферм, оставив дома своим семействам, сами ушли к бурским войскам.

Некоторые буры на днях мне говорили, что они положили бы оружие и возвратились бы на фермы, находящиеся теперь в тылу английских войск, но боятся буров.

Не раз случалось, что бур, положивший оружие и оставшийся на своей ферме в тылу англичан, через несколько дней попадал в руки буров, заехавших в тыл противника, и буры не щадили его фермы.

В лучших условиях находятся жители города Йоханнесбурга. Я знаю случай, когда люди, принадлежащие к отряду йоханнесбургской полиции, взяв в своём лагере trolley (повозку) будто бы для подвоза провизии из комиссариата в лагерь, на этих повозках уезжали домой в Йоханнесбург.

Бывали случаи, что и буры северных округов Трансвааля уезжали домой на фермы, но в этом случае, может быть, виновато само правительство, которое, взяв в ряды войск всё мужское население страны, не заботится о семействах сражавшихся буров.

Мне приходилось видеть письма, полученные бурами от своих жён, в которых они жалуются, что **кафры**, узнав об успехах англичан, отказываются от работы, говоря: довольно нам работать на буров, пора и нам быть господами.

Правительство не только не принимало мер к охранению семейств буров на фермах, но и не всегда выдаёт обещанное семействам буров продовольствие от казны.

Бур, получивший такое письмо и не будучи ничем обязан, иногда спешит вернуться домой и восстановить порядок на ферме.

Были случаи, что семейства буров устраивали общий лагерь в тылу расположения бурских войск. Такой лагерь я видел у Klerksdorp (в апреле) и, говорят, будет устроен в Vaterval-Boven.

Буры подумывают о занятии Lorentz-Marquez.

Большая часть нашего отряда находится в Vaterval-Boven, где устроен госпиталь на 20 кроватей.

Кроме того, высланы два передовых отряда, которые следуют вместе с войсками, и устроено в Machadodorp небольшое

отделение для приёма приходящих больных, и имеется в нашем ведении и распоряжении санитарный поезд.

Примите уверение в совершенном почтении
и преданности
Потапов¹⁶.

Коснёмся и очень интересного аналитического до-
клада **Потапова**, составленного им уже после воз-
вращения из командировки:

Вход. секр. жур. воен. уч. ком. № 511. получено 11 ноября 1900 г.

(Приписка **Куропаткина**: Очень содержательный и интересный доклад. прошу его напечатать. 18 ноября
Куропаткин).

Бывший агент Отряда Красного Креста в Южной Африке.
Состоящий в запасе гвардейского полка штабс-капитан
Потапов. 2 ноября 1900 г.

Управляющему делами Военно-учёного комитета Главного штаба.

По мнению политических и коммерческих деятелей Южной Африки, план **Cecil Rhodes'a** (**Сесиля Родса**) заключается в следующем: овладеть Трансваалем и Оранжевой Республикой; 2) присоединить Lorenso-Marquez с Мозамбикской провинцией; 3) образовать Соединённые Штаты под протекторатом Англии; 4) соединить Египет с Капской колонией железнодорожной линией Каир-Капштадт, которая сетью рельсовых путей связать с наиболее значительными пунктами Африки.

Положение дел в Трансваале и Оранжевой Республике во 2-й половине августа сего года.

Согласно прокламации главнокомандующего английской армии Трансвааль и Оранжевая (Республика) присоединены к владениям Англии, хотя военные операции, предпринимаемые английскими войсками для восстановления в завоёван-

ных странах спокойствия, порядка, мира и тишины, вероятно, продолжатся ещё несколько месяцев.

Как известно, большая часть буров обеих республик давно положила оружие, возвратилась к своим домашним очагам на фермы и в города, и принялась, насколько позволяла обстановка, за свои прежние мирные занятия, надеясь под охраной английских войск найти полную безопасность, спокойствие и спасти свою собственность.

Между тем бурские отряды, решившие продолжать, как они сами называют, партизанскую войну, стали чаще появляться на фермах положивших оружие буров и в городах слабо охраняемых английскими войсками, требовали от беззащитных жителей сведений об англичанах и забирали у местного населения всё, что находили.

В то же время проходя по стране, занятой уже англичанами, действуя на тыл и фланги расположения английских войск, такие отряды старались распространять среди местного населения слухи о массе убитых где-нибудь в бою англичан, об отозвании большей части английских войск из Южной Африки в Индию, где англичане будто бы терпят большие поражения, взятие бурами в плен наиболее известных английских генералов и о занятии бурами вновь главных городов, откуда английские войска бежали с огромными потерями.

Некоторые из положивших оружие буров, не имея возможности продолжать свои занятия, вполне доверяя полученным ими сведениям об успехах буров и надеясь скрыть от англичан своё отсутствие с ферм, присоединялись к проходившим мимо них отрядам, обещая своему семейству время от времени заезжать домой на ферму.

Чтобы обеспечить себе довольствие патронами многие буры, решившие продолжать войну ещё в конце июля месяца, заметив, что запасы патронов к ружьям разных образцов, состоявших на вооружении бурской армии, приближались к концу, поспешили перевооружиться, получив из правительства складов английские ружья системы **Ли-Метфорда**, патроны к которым они рассчитывали найти всегда и везде

в достаточном количестве убитых и захваченных небольших отрядах англичан.

Ввиду вышеизложенного и принимая во внимание, что с появлением подножного корма действия бурских отрядов могут получить большое развитие, тогда как с наступлением времени начала лихорадок в некоторых местностях операции английских войск значительно затрудняются, казалось бы, что отозвание более или менее значительного числа войск из Южной Африки в настоящее время является затруднительным.

О предстоящем присоединении Лоренсу-Маркеш к владениям Англии.

До начала войны Lorento-Marquez имел большое значение как ближайший порт Трансвааля. Во время войны, до мая месяца сего года, через Lorento-Marquez трансваальское правительство продолжало подвоз внутрь страны разного вида довольствия, доставляемого из других частей света.

В мае месяце по требованию английского правительства Португалия объявила, что провоз через португальскую территорию в Трансвааль консервов, некоторых других видов продовольствия, одежды, обуви и так далее, как военной контрабанды, не может более допускаться, и что все грузы, прибывающие из разных частей света, адресованные в Трансвааль и могущие быть рассматриваемые как военная контрабанда, будут задержаны в таможне в Lorento-Marquez.

Когда таким образом в означенной таможне накопилось большое количество разного вида довольствия, остановленного как военная контрабанда, а бурская армия в начале июня месяца стала ощущать недостаток продовольствия, зимней одежды и тёплой обуви, начальник бурской разведывательной команды **Эдвардс** предложил трансваальскому правительству план нечаянного нападения на Lorento-Marquez. Статс-секретарь **Рейц** вполне одобрил предложенный план действий, так как португальское правительство нарушило обещанный нейтралитет и ничего не отвечало на заявленный трансваальским правительством протест по поводу прохода английских войск через Бейру. Пока предло-

жение **Эдвардса** обсуждалось правительством, трансваальским агентам в Lorento-Marquez удалось войти в частные соглашения с португальскими железнодорожными чиновниками и большое количество запасов разного вида продовольствия, белья и обуви было доставлено в Трансвааль в течение небольшого промежутка времени.

Торговля в Lorento-Marquez за время войны сильно пострадала и коммерческие операции почти остановились.

С присоединением Трансвааля к владениям Англии приобретение Англией Lorento-Marques, казалось бы, не представит больших затруднений.

1) Дурбан как порт, по своим качествам, множеству портовых сооружений, как-то молы, хорошие маяки, прекрасная набережная, большая таможня и так далее имеет много преимуществ и значительно превосходит Lorento-Marquez.

Так, в Дурбане все суда могут производить нагрузку и выгрузку, отшвартовавшись¹⁷ у набережной, куда доставляются железнодорожные вагоны и платформы, тогда как в Лоренсус-Маркеш всякого рода грузы с берега на суда и с судов на берег доставляются на баржах.

2) Рабочие руки в Дурбане не дороже, чем в Лоренсус-Маркеш.

3) Расстояние обоих портов от ближайших угольных копей в настоящее время одинаково (французская компания «Kamermann et co» производит изыскания угля вблизи Lorento-Marquez).

4) Климат в Дурбане значительно лучше, чем в Лоренсус-Маркеше, где летом свирепствуют сильные лихорадки, а предпринятая работа по осушке близлежащих болот подвигается вперёд очень медленно.

5) Торговые операции в Лоренсус-Маркеш затрудняются сильным колебанием курса.

Кроме того, португальские правительственные учреждения принимают один фунт стерлингов за 4500 рейсов, тогда как по курсу (один) фунт стерлингов не падает ниже 5600 рейсов, а в настоящее время он доходит до 6500 рейсов и более.

При уплате кем бы то ни было в правительственные учреждениях свыше 4500 рейсов, португальские чиновники требуют уплаты английским золотом.

6) Если ко всему изложенному принять во внимание расстояния – Johannesburg от Lorentco-Marquez – 395 миль, или 24 часа по железной дороге и от Durban – 483 мили, или 27 часов по железной дороге, токазалось бы возможным, выработав временный дифференцированный тариф железнодорожный, в небольшой промежуток времени сильно подорвать значение Лоренсу-Маркеш как порта.

7) Падению торговли в Lorentco-Marquez может также существовать соглашение между банками.

В настоящее время в Lorentco-Marquez большинство банков находится в руках англичан.

Во время войны банки эти во исполнение инструкций, полученных ими из Лондона, отказались платить деньги по переводам лицам, принимавшим участие в войне против Англии.

При желании английского правительства те же банки в каждый данный момент могут сильно затруднить все коммерческие операции в Лоренсу-Маркеше.

8) Наконец, известный железнодорожный процесс проигран Португалией.

В 1880 г. португальское правительство выдало одной англо-американской компании концессию на постройку железнодорожной линии от Lorentco-Marquez к трансваальской границе у Komati-Port.

Ввиду того что постройка железной дороги компанией производилась очень медленно, португальское правительство взяло в свои руки окончание постройки и эксплуатации названной железнодорожной линии.

Компания предъявила иск. Дело в разных учреждениях тянулось 11 лет.

В мае месяце текущего года (1900), третейский суд в Берне, разобрав это дело, постановил решение, по которому португальское правительство обязано уплатить компании 600 000 фунтов стерлингов. Говорят, что права этой компании не-

сколько лет тому назад были куплены **Cecil Rhodes'ом** за очень скромную цену.

Таким образом, если Франция, как имеющая свою колонию на Мадагаскаре, и другие иностранные державы по разным политическим соображениям не воспрепятствуют Англии приобрести Lorento-Marquez, то Португалия через некоторый промежуток времени разными действиями английского правительства может быть поставлена в необходимость уступить этот порт Англии по назначенней Англии цене.

О возможности приобретения Англией всей или части Мозамбикской провинции.

Португальское правительство для привлечения белых, заселения и развития промышленности в Мозамбикской провинции учредило, так называемую систему prazos (вотчины, землевладения).

Всякий белый, изъявивший желание поселиться в этой колонии, без всяких хлопот получает от португальского правительства концессию на эксплуатацию указанной им площади, платя по 10 рейсов (около 1.1/2 копейки) в год за каждый гектар полученной им в аренду территории.

В течение 5 лет арендатор должен начать эксплуатацию не менее 1/3 арендованного им участка, после чего приобретает право, заплатив по 200 рейсов за гектар (около 30 копеек) эксплуатировать свой участок в течение 25 лет не платя более арендной платы за землю.

На приобретённой в аренду территории арендатор является полновластным владельцем не только земли, но и всех живущих на ней чёрных.

Для процветания, мира и тишины на своей территории арендатор организует по своёму усмотрению более или менее значительную вооружённую ружьем полицию и сам творит суд и расправу над своими чёрными.

За каждого взрослого чёрного, обитающего на его земле, арендатор обязан платить португальскому правительству арендную плату в размере 1 рубля 25 копеек в год.

Ввиду этого арендатор сам по своёму усмотрению облагает своих чёрных податью, которую собирает с них деньгами или натурой. Если чёрный вполне исправно платит все налагаемые на него подати, то, работая у арендатора по найму, он получает до 30 копеек в неделю и довольствуется рисом, который он должен собрать для себя в плантациях арендатора.

Большая часть мозамбикской провинции скуплена от португальского правительства несколькими акционерными компаниями, которые иногда также сдают в аренду участки более мелким арендаторам на тех же основаниях, как и правительство.

Наиболее значительной компанией является Mozambique Company, учреждённой в 1891 г., земли которой заключают в себе две большие провинции Софала и Маника и обнимают площадь 711 775 квадратных км, с населением более 300 000 чёрных. Обе провинции находятся в полном владении компании, администрация которой назначает свои таможенные тарифы, собирает налоги, строит собственные железные дороги и так далее.

Главнейшими продуктами вывоза являются: сахарный тростник, кофе, каучук, рис, слоновая кость.

Доходы компаний ежегодно значительно увеличиваются и белые служащие получают большое вознаграждение.

Дела других компаний за недостатком капиталов и невозможности конкуренции с Мозамбикской компанией за последнее время начинают расстраиваться.

Ввиду этого и принимается во внимание, что большое число акций Мозамбикской компании находится в руках англичан и многие высшие должности в администрации компании занимаются англичанами. Казалось бы, что для английского правительства не только приобретение необходимых участков территории для продолжения проектируемой железнодорожной сети, но и присоединение к своим колониям всей Мозамбикской провинции является вполне возможным и не представит никаких серьёзных затруднений.

Образование Африканских Соединённых Штатов

Таким образом, осуществление планов **C. Rhodes'a** – образование Соединённых Штатов в Южной Африке – вполне

возможно в недалёком будущем, но вероятно также, что в состав этих штатов, кроме вновь завоёванных и присоединённых стран, могут быть включены и другие близлежащие территории.

Так, до сих пор не установлено точно определённой границы между владениями англичан в Родезии и Западно-Африканской колонии Португалии.

Германия также может передать Англии за какое-нибудь вознаграждение часть и даже все свои колонии в Восточной Африке, тем более что лучший порт и самый заселённый пункт в этих владениях – Занзибар, ещё в 1890 г. был уступлен англичанам.

Но, вероятно, наиболее желательным является для Англии приобретение восточной части Конго, где должна пройти будущая Трансафриканская железная дорога.

Присоединение к английским владениям названной территории может быть значительно облегчено рядом ошибок, сделанных правительством Конго в последние 10 лет в вопросах внутренней и внешней политики.

По свидетельству лиц, служивших или производивших разного рода исследования в этой стране, пройдёт много времени и потребуется много сил и средств, пока будут подавлены волнения солдат, успокоено туземное население и устроено более отвечающее требованиям обстановки управление.

Состоявшие на службе в «Force République du Congo», то есть в местных войсках, датские и шведские офицеры, недовольные бельгийской администрацией, возвратились в Европу, не окончив заключённого ими с правительством контракта.

Последним из шведских офицеров выехал из Конго поручик I Bat du Frain du Roi de Luede – **Knut Gustaf Stalhandske**, который прибыл в Boina у устья реки Конго 23 сентября 1898 г. и участвовал во многих экспедициях, предпринятых местным правительством в разных направлениях, но, потеряв многих товарищей убитыми и погибшими от голода и болезней, решил возвратиться в Европу ближайшим путём через Бейру, куда он совсем больной и добрался 13/1 января 1900 г.

Как видно из рапорта, приготовленного им для представления шведскому военному министру и прочитанного им мне при встрече в Бейре и во время путешествия на пароходе, злоупотребления местных бельгийских администраций, стремившихся исключительно к обогащению своего кармана в возможно короткий срок, привели к неудаче экспедиции и Bar el-Gasal, и гибели нескольких иностранных офицеров от голода.

Те же злоупотребления вызвали восстание солдат и ожесточили туземное население против бесчеловечных бельгийских чиновников.

Различные частные компании, получавшие концессии в Конго, и правительственные комиссии при производстве измерений и геодезических работ делали большие погрешности в нанесении пунктов, и составленные на основании этих работ карты и планы далеко не точны.

Горный инженер **Bourget**, определявший положение границ полученной английской компанией концессии, показывая мне произведённые им работы, оценил допущенные ошибки в вычислениях и нанесении точек на карты в 50 и более вёрст.

Ввиду таким же образом произведённых географических измерений для определения границ государства понятно, что со временем между Конго и соседними колониями Франции, Германии и Англии могут возникнуть пограничные споры, что пока произошло только на восточной границе.

Германское правительство считает, что озёра, находящиеся к северу от озера Танганьика, как Kivon и другие нанесены на карту неправильно, что они лежат восточнее условного пограничного (30) меридиана и потому должны находиться в владениях Германии, а не Конго, как это значится на карте.

Для выяснения возникшего недоразумения на месте германским правительством предполагалось выслать географическую комиссию, в составе которой должны были находиться сведущие лица, назначенные бельгийским королём.

Между тем, из Бельгии отправилась в Конго военная экспедиция под начальством капитана **Milz**.

Экспедиция эта имела инструкцию занять оспариваемую и, как предполагалось, незанятую германскими войсками территорию Конго и таким образом, независимо от результатов работ комиссии, удержать названную территорию за Конго.

25 августа экспедиция из Капштадта прибыла в Дурбан, 30-го в Бейру, и 31-го в Шинде (Chinge), откуда в тот же день должна была отправиться в м. Uvira на северо-западном берегу озера Танганьика, где было назначено сосредоточение необходимых для операции войск.

В состав экспедиции, кроме капитана **Milz**, входили 5 офицеров, из которых 3 уже ранее были в Конго, 1 доктор и 1 оружейный мастер. Все – бельгийцы. При экспедиции – запас ружей, патронов и 3 (скорострельных) орудия **Максима** 57 (37) мм.

У каждого члена экспедиции – буссоль, фотографический аппарат и листки с вопросами, выданные из географического общества, министерства торговли, статистического комитета и других учреждений и обществ.

На предложенные вопросы каждый должен заполнить все имеющиеся графы на листках.

В местечке Uvira к экспедиции должны были присоединиться 8 бельгийских офицеров с 1000 человек нижних чинов при 9 орудиях **Maxim'a** (маршруты экспедиции мной могут быть представлены в конце этого месяца по получении писем от членов экспедиции).

Столкновение бельгийской экспедиции **Milz'a** с германской географической комиссией, казалось бы, должно произойти в недалёком будущем, что возбудит, вероятно, переговоры между Германией и Конго.

Английское правительство, как ныне известно, объявило о распространении английского протектората над Barotseland ограниченным с востока рекой Kafukwe или Loengi, с юга – рекой Замбези, с запада – португальскими владениями, граница с которыми точно не определена, и с севера – владениями Конго.

На южную часть пограничной провинции Конго, Катанги, одной английской компанией уже получена концессия. По

словам встреченного мной инженера, определявшего положение границ названной концессии, восточная и южная границы уступленной территории тянутся вдоль западной и северной границы Родезии от озера Танганьика до португальской границы. (Пароходство по озёрам Ньяса и Танганьика в руках англичан.)

Ввиду этого английское правительство по соглашению с Конго и Португалией может изменить взаимные границы владений и, уступив Конго западную пограничную спорную полосу или даже западную часть Родезии, может продвинуть границу Barotseland далее на север.

По договору 12 мая 1894 г., заключённому между Англией и королём **Леопольдом II**, Bahr-el-Ghasal был уступлен Конго до 25^0 восточной долготы и до 10^0 северной широты.

Между тем, по соглашениям с Францией, правительство Конго увеличило сферу влияния на восток до 30 меридиана и уменьшив означенную сферу на север до $5^030'$ северной широты.

Первоначальное положение северо-восточной границы Конго является более выгодным Англии для проведения проектируемой трансафриканской железной дороги и поэтому, казалось бы, что английское правительство со временем возбудит по этому поводу пограничные переговоры между Францией и Конго, с одной стороны, и Англией, с другой.

Примечание: в июле месяце сего года французский капитан **Decaen** организовал экспедицию из Занзибара к озеру Victoria Nyanza и далее в страну Uganda (Уганда), где провёл около 3-х месяцев. По его словам, в будущем месяце он будет командирован в Абиссинию.

Ввиду предстоящих пограничных переговоров между Конго, с одной стороны, и Англией, с другой, и принимая во внимание, что волнения солдат в Конго далеко ещё не подавлены и в Бельгии существует партия, недовольная политикой короля в Конго, весьма возможно, что Англии удастся: 1) восстановить северо-восточную границу Конго, согласно договора 12 мая 1894 г; 2) приобрести за какое-нибудь вознаграждение

часть оспариваемой Германией у Конго территорий и 3) пользуясь полученными концессиями в Конго, продвинуть к северу границы Barotseland, вознаградив Конго спорной западно-пограничной полосой Родезии и, таким образом, присоединить к своим владениям часть нынешней территории Конго, необходимой для проведения Трансафриканской железной дороги.

Далее в северу до Кордофана Трансафриканская железная дорога, вероятно, пройдёт по владениям Англии (кратчайшее расстояние). Участь же Кордофана решится в ближайшем будущем неизбежной экспедицией англичан из бассейна реки Нил.

Трансваальское правительство в течение войны для поднятия духа буров несколько раз объявляло в прокламациях о движении абиссинцев то на север, то на запад от Абиссинии.

Между тем чиновник, заведовавший сношениями Трансвааля с иностранными государствами **О. Menzel** и предоставивший все дела правительства мне для выбора более интересных для истории войны документов (5 июня (1900 г.) в Претории, в день сдачи Претории перед вступлением англичан в город) утверждал, что никаких сношений у трансваальского правительства с **Менеликом** ни до войны, ни во время войны не существовало.

В конце мая месяца мной было получено частное письмо от секретаря нашей миссии в Абиссинии, в котором он сообщал, что **Менелик** очень интересовался событиями в Южной Африке и просил меня писать ему для доклада **Менелику** о ходе военных действий. С ближайшей почтой мной был отправлен обзор событий с января по май включительно.

Поддерживать дальнейшие сношения оказалось затруднительным по причинам, изложенным в моём последнем донесении (из-за строгой цензуры в Трансваале).

По мнению английского консула в Бейре движение абиссинцев было возможно не только на север и на запад, но и на юг, так как белые, обитающие в Северной Родезии, получают скот из Абиссинии и страна вполне проходима.

Если Абиссиния не предпримет наступательных действий для расширения своих владений к северу или на запад до по-

стройки Трансафриканской железной дороги, таковое движение, казалось бы, может затрудниться.

Заключение:

Таким образом, вся политика Англии: как организация густой сети политических и коммерческих агентов, проведение железнодорожных путей, пересдающих чёрный материк в разных направлениях, расширение сферы влияния и протектората, образование торговых компаний и постепенное присоединение всё новых и новых территорий, по-видимому, стремится захватить в свои руки наиболее изобилующую природными богатствами часть Африки и создать новую, величайшую в мире колонию.

Приложение: карта постепенного распространения сферы английского влияния с юга на север Африки.

Русские подданные в Трансваале и Оранжевой Республиках

В переставших существовать Трансваале и Оранжевой Республике, кроме более 30 000 русских евреев, большинство которых бежало из наших пределов, спасаясь от воинской повинности, до войны и во время войны проживали тысячи русских, литовцев, поляков и финнов.

Многих из них привлекала в эти страны большая зарубежная плата (более 10 рублей в день). В течение нескольких лет в Россию приезжали агенты разных компаний, набирали у нас рабочих и через берлинские и гамбургские конторы отправили их на прииски за счёт компаний. Другие приехали за собственный счёт для занятия земледелием и торговлей (так, два киевских извозопромышленника имеют большие фермы в окрестностях Brandfort'a. Запасной вахмистр лейб-гвардии гусарского Его Величества полка открыл курорт в Warmbad и так далее).

В Кронштадском округе (district) самый богатый фермер – дворянин **Троицкий**.

Около Претории русский доктор **Тейхман** выстроил несколько ферм.

Третья поселилась в больших центрах для занятия разными профессиями: доктора, фармацевты, корреспонденты,

переводчики и так далее (наибольший % белых проституток в Южной Африке – русские уроженки).

Большинство русских, проживающих в названных странах, не теряют связи с домом, куда они посылают заработанные ими деньги и после нескольких лет пребывания в Южной Африке обыкновенно возвращаются в отчество. Мне не приходилось встречать русских, которые бы уже получили или желали получить права трансваальских граждан и не надеялись бы со временем вернуться домой на родину.

Что же касается евреев, уклонившихся от отбывания воинской повинности, то по прибытии в Трансвааль они получали русский паспорт без всяких затруднений, а по истечении законом установленных сроков для натурализации делались гражданами Южно-Африканской или Оранжевой Республик.

Ввиду отсутствия наших штатных консулов, иностранцы, исполнявшие должности русских консулов, выдавали русские паспорта всякому желающему по приводе двух русских подданных, которые помогли бы засвидетельствовать перед консулом, что проситель – русский и по уплате консулу 4 шиллингов.

В последнее время в Трансваале ходили слухи, что многие английские шпионы приезжали в республику с русским паспортом.

Что могла бы Россия ввозить в Южную Африку

По сравнению местных цен на некоторые продукты с нашими, и принимая во внимание все расходы по доставке, казалось бы, мы могли ввозить в Южную Африку: 1) лес; 2) льняное масло; 3) коровье масло; 4) керосин; 5) пшеницу; 6) мыло; 7) сахар; 8) спички; 9) некоторые аптекарские товары.

Таким образом, Южная Африка, являясь местом богатых заработка для наших подданных, в то же время могла бы служить нам обширным рынком для сбыта многих продуктов и производств.

Потапов¹⁸.

Коснёмся и малоизвестного факта о том, как англичане умело подрывали боеготовность буров, не только используя чёрных в качестве лазутчиков, но и умело вооружая и науськивая местные племена на африканеров:

VI Кафры

Раньше чем перейти к характеристике бурской тактики и изложению военных действий, не лишним будет коснуться одного весьма важного явления, искусственно вызванного англичанами в боевой жизни буров в целях чисто стратегических. Я говорю о перемене к худшему, происшедшей в отношениях **кафров** к бурам и достигшей наибольшей своей силы в период войны после взятия Претории. Суть этого явления в том, что почти всё чёрное население превратилось в даровых шпионов, весьма искусных и преданных англичанам, а мелкие разбойничьи шайки чернокожих своим необузданым зверством навели ужас на беззащитные фермы, всё мужское население которых ушло на войну.

Стратегический расчёт англичан был верен. Буры стали неохотно покидать свои фермы и оставлять на произвол судьбы свои семьи. Они уклонялись от призыва в ряды действующих войск и отлучались самовольно из команд. Все действия бурских отрядов не могли уже иметь столь скрытного и неожиданного для англичан характера, постоянно требовалась усиленная бдительность и осторожность.

История отношений буров к **кафрам** даёт много ценностного материала не только для нравственной характеристики буров, но и для ясного понимания характера военных действий в данный период.

Рабство в Капской колонии было уничтожено англичанами в 1833 (1834) г. Эта важная социальная реформа повлекла за собой целый ряд самых плачевых последствий для голландских колонистов. Возвышенная идея освобождения рабов

как акт христианского человеколюбия превратилась в орудие тяжкого политического гнёта. Реформа эта была проведена с таким жестоким экономическим насилием и так дурно в административном отношении, что положение буров в стране стало невыносимым.

С одной стороны, буры, лишившись рабочих рук, были разорены, а получение денежного вознаграждения было обставлено большими затруднениями; с другой стороны, дикие племена, неожиданно получившие свободу, были деморализованы и предались неистовому грабежу и разбоям, жертвами которых стали прежде всего их прежние владельцы.

Буры принуждены были покинуть свою старую родину и переселиться на новые места за Драконовы горы, в Наталь, за реку Оранжевую и далее за реку Вааль. В 1858 (1852) г. создалась таким образом Южно-Африканская Республика, или Трансвааль.

Буры не были никогда убеждёнными и закоренелыми, так сказать, рабовладельцами. Доказательством этому служит тот факт, что на следующий же год после основания ими республики на одном из митингов, весьма многолюдном, решено было добровольно и единогласно отказаться навсегда от порабощения чернокожих и от торговли невольниками. В таком духе была издана соответствующая прокламация. Она не вызвала ни одного протеста ни с чьей стороны и никем впоследствии не нарушалась.

В сущности, ею было отменено лишь формальное право собственности на живой человеческий товар, отношения же к покорённым чернокожим остались прежние. Оно и понятно. Буры никак не могли считать диких, только что побеждённых ими врагов за равных себе. Слишком свежо ещё было воспоминание продолжительной и кровавой борьбы с ними. В каждой почти семье ещё оплакивали убитых ими близких родных – где отца, где мать, где брата...

Установились, однако, относительно мирные отношения. Вся территория по праву победителей перешла во владение к бурам. Побеждённые негры, лишившись земельной соб-

ственности, остались волей-неволей жить на земле фермеров и таким образом подпали под полную экономическую зависимость от своих хозяев. Установлен был над ними строгий полицейский контроль, и все они от мала до велика были зарегистрированы, каждый имел свой известный номер, нечто вроде паспорта. Взамен за право жить на чужой земле, предоставленной чернокожим, фермер стал широко пользоваться всеми живущими на его земле как почти даровой рабочей силой. Заномерованному **кафру** бежать было нельзя, да и некуда.

Подобное положение дикарей, конечно, недалеко ушло от рабства. С другой стороны, трудно было и требовать, чтобы сразу же после жестокой и беспощадной борьбы установились вдруг сердечные и мягкие отношения между победителями и побеждёнными.

Да, отношения эти были суровы и остались такими и по сии времена.

Кафр по натуре ленив, упрям, жесток и мстителен. Ему присущи все низменные инстинкты дикаря-раба: лицемерие, коварство и глухая, затаённая, ничем непреоборимая ненависть к своему господину. Он долго терпит, тупо и молчаливо, но ни минуты не забывает, кто он и что рабства нет, и при малейшей возможности сводит кровавые счёты с ненавистным ему белым человеком.

Бур это отлично знает. Пока чёрный слуга служит ему с покорностью и преданностью, он относится к нему спокойно, справедливо и даже добродушно. Но достаточно, чтобы бур почуял в чернокожем малейший оттенок коварства, малейшую искру возмущения, как спокойный и добродушный хозяин превращается в грозного, неумолимого палача и подвергает непокорного жестокому наказанию, не смущаясь никакими последствиями.

Ещё Конфуций сказал, что есть два пути для покорения человека: путь милосердия и путь жестокости. При всей своей религиозности бур не мог следовать по первому пути просто из чувства самосохранения. Он сам был всегда предметом на-

силия, с оружием в руках отстаивал свою жизнь, жизнь своих близких и привык верить в могущество физической силы и оружия. Он глубоко верил, что сражается во имя Господа Бога, который «благословил его меч».

Буры весьма недружелюбно относились к различным миссионерам, в особенности английским и американским, которые, просвещая дикарей, прежде всего вселяли в них идеи равенства. «Вы такие же люди, мол, как и белые, перед Богом все равны, ваша кожа чёрная, но сердце белое» и т.п.

Не будучи в состоянии изменить натуру дикаря и привить ему христианские добродетели, они фактически возбуждали в нём только дух возмущения и поощряли всякий с его стороны протест. Всякий дикарь, принявший крещение, пользовался всевозможными пособиями и покровительством миссии. Ради этого главным образом он и приступал к обряду крещения, кроме чистейшей пользы для себя он в этом ничего другого не видел. В результате чёрные неофиты стали никуда не годным, вредным элементом в стране, ленивыми тунеядцами и безнравственными, мстительными проповедниками свободы и эманципации.

До войны спокойствие твёрдо поддерживалось как полной экономической зависимостью чёрного населения от землевладельцев, так и строгими полицейскими мерами. С началом же войны условия те изменились. Англичане скоро поняли, что в лице **кафров** они могут иметь весьма полезных союзников. Достаточно им было сделать несколько платонических обещаний, как среди чернокожих с невероятной быстротой распространился слух, что англичане, победив и изгнав буров, даруют всем **кафрам** полную свободу, возвратят им их землю, дадут им права гражданства, право самоуправления и т.п., а пока что всякого кафра принимают к себе на службу и платят хорошее жалованье.

Слухи эти имели, без сомнения, своё основание. Все санитарные и обозные войска англичан комплектовались почти исключительно **кафрами**. Всякий английский офицер имел прислуго по несколько человек **кафров**. Все явившиеся к англича-

нам **кафры** принимались на службу без отказа и получали по 2–3 фунта стерлингов жалования в месяц.

Все мужское чёрное население охотно бежало от своих хозяев к новым благодетелям. Само собой понятно, что и те немногие **кафры**, которые почему-либо остались, были всецело на стороне англичан и помогали им шпионством, доносами, служили проводниками, грабили бурские фермы, оставшиеся на руках одних женщин, и т.п.

Пойманные с поличным, так сказать, **кафры** жестоко за это платились. Здесь, между прочим, проявлялась одна своеобразная черта характера буров. Расправаясь с захваченным на месте преступления **кафром**, бур неумолим и жесток, он его лично пристреливает тут же и без всякого суда. Совершенно иначе он относится к **кафру**, приговорённому судом к смертной казни за подобные же преступления.

В мою бытность в Трансваале пойманы были 6 человек **кафров**, шпионов и грабителей, и препровождены в Барбертон для суда над ними. Их приговорили к повешению.

Во всём Трансваале не нашлось человека, который бы взялся привести в исполнение приговор суда! После тщетных и продолжительных поисков не нашлось, однако, среди буров ни одного палача! Президент Крюгер, идя навстречу общему несочувствию смертной казни, хотя и вполне законной и уместной в данном случае, и за невозможностью содержать преступников в тюрьме, своей властью даровал им полную свободу. И это не единственный случай. Подобной же участи удостоился и англичанин Купер, трансваальский африканер, взорвавший за известную премию от англичан мост на железной дороге Претория–Лоренсу-Маркеш у селения Маляянэ, близ португальской границы.

Бегство чернокожих к англичанам, как я уже сказал, имело влияние на характер военных действий. Не говоря уже о том, что, получив в лице **кафров** превосходных лазутчиков и проводников, англичане были лучше осведомлены о расположении неприятеля и вообще почувствовали себя увереннее, с другой стороны, все действия буров были значительно затруд-

нены. Влияние массового бегства **кафров** сказалось и в другом отношении.

Надо заметить, что коренной бур не привык работать у себя на ферме. Всё его благосостояние основано не на земледелии, а на скотоводстве, а потому и работы по хозяйству было мало и вся она исполнялась своими **кафрами**. Бур проводил целые дни на охоте, в гостях у соседей и чёрную работу считал недостойным для себя занятием. При данных условиях он оказался без рабочих и на ферме, и на биваке, и на позиции.

Хотя каждый взрослый **кафр**, с 16-летнего возраста, может быть привлекаем на государственные работы – своего рода повинность – на четыре месяца в год. Но настало наконец такое время, после взятия Претории, что на сто километров кругом не собрать было и полсотни **кафров**. Это единственная причина, почему буры после взятия Претории, а в особенности сразу после взятия Миддлбурга, отказались от всяких фортификационных работ на позициях. Если это обстоятельство и не имело заметного влияния на боевые успехи обеих воюющих сторон в рассматриваемый период времени, то только благодаря тому, что театр военных действий передвинулся в местность гористую, пересечённую, не нуждающуюся в усовершенствовании.

Исчезновение чернокожих было особенно заметно на станциях железной дороги. В мирное время все мелкие служащие, стрелочники, сцепщики, носильщики и т.п. рабочие были исключительно **кафры**. В данный же период времени при непрерывной работе железной дороги сплошь и рядом можно было видеть, как на ближайших к неприятелю станциях начальник станции за отсутствием **кафров** сам лично составлял поезда, сцеплял вагоны, поднимал сигналы, переводил стрелки и так далее. Надо отдать справедливость, что несмотря на такие затруднения, железная дорога функционировала энергично и исправно.

Англичане не ограничились переманиванием **кафров** на свою сторону и возбуждением в них наивных надежд на права гражданства, равноправность и т.п. Желая создать новые и весьма серьёзные затруднения для буров, они прибегли к

предосудительному для европейцев, в высшей степени опасному и обоюдоострому средству – они стали вооружать мелкие шайки чернокожих якобы для полицейской службы. На самом деле шайки эти, под предводительством английских офицеров или унтер-офицеров, весьма охотно и совершенно безнаказанно занимались грабежом, разбоем и всякого рода бесчинствами.

Мера эта была опасной и обоюдоострой потому, что для **кафра**, собственно говоря, всякий белый – враг, бур ли это или англичанин – безразлично. Вооружённые дикари, за неимением под рукой буров, так же легко могли не устоять от соблазна и обратить свою жажду крови и слепую ненависть к белым против своих же благодетелей.

В Европе в то время никто и не подозревал, что англичане решились утилизировать (использовать) подобным образом дикую, животную ненависть **кафров** к белым. Английская цензура не пропустила бы подобного разоблачения по весьма понятной причине – война, ведь, ведётся во имя цивилизации, свободы и других прекрасных идей...

В «Daily News» (Ежедневных новостях), однако, появилась частная телеграмма, единственная в своём роде, весьма загадочного содержания, на которую, по всей вероятности, никто не обратил внимания:

«24 июля. Лоренсу-Маркеш.

Предводитель буров **Ломбард**¹⁹ убит английским патрулём в Коматипорте, на границе Свазiland».

Сообщаемый факт, казалось бы, и не стоил того, чтобы его доводить до сведения европейской публики. Предводитель **Ломбард** – личность неизвестная, да, наконец, мало ли кого убивали английские патрули, на то и война. Одно странно, каким образом вдали от английских войск, в тылу у буров, мог появиться английский патруль. Да, известие вообще загадочное. Этим недостатком, впрочем, страдают почти все официальные сообщения с театра войны.

Загадочность бесследно пропадёт, если телеграмме этой придать редакцию, соответствующую истине, а именно:

«Бурский лейтенант **Ломбард**, безоружный, предательски убит разбойничьей шайкой вооружённых англичанами **кафров**, предводительствовавшей английским офицером, и так далее...»

Факт этот вызвал взрыв негодования среди буров. Эпизоды подобного рода участились. С разных сторон стали приходить известия о возмутительных зверствах вооружённых **кафров**. Слухи эти с быстротой молнии распространялись среди буров и наполняли сердца их ужасом и трепетом за участь беззащитных матерей, жён, детей, оставленных в глуши на одиноких фермах...

Что делать? Кого защищать? Родных или родину? Эти роковые вопросы заключали в себе всю суть, всю сокровенную идею английской затеи. Подобная борьба между сознанием священного долга защиты отечества, с одной стороны, и привязанностью к семье – с другой, не каждому была под силу. Многие бросились домой...

Всякое сомнение в участии в этом деле англичан исчезло вскоре окончательно. **Кафры** не посмели бы поднять руку на буров, не быв уполномочены англичанами. Вооружение их делалось не ради тех гуманитарных и просвещённых идей, которые вскружили голову дикарям; даже не ради численного усиления английских войск, что могло бы ещё служить некоторым оправданием, а с единственной, прямо намеченной целью – путём террора (устрашения) подавить в бурах всякое желание, всякую возможность борьбы.

Этого мало. Неожиданно распространился слух, что англичане вооружают целое воинственное племя **свази**, полунезависимое государство, состоявшее в некоторой политической зависимости от Трансваала.

Попытка была действительно, но она к счастью для буров не удалась. Дело в том, что незадолго до этого в Свазиленде произошёл государственный переворот. Молодой король **Бени [Бену]**, большой англофил, был отправлен своей матерью **[Лабо-щебени]**, которая и захватила власть в свои руки [стала регентшей при своём годовалом сыне – будущем короле **Собхузе II**, правившем в Свазиленде (с 1968 г. – независимое государство) в 1921–1982 гг.]. Она и раньше относилась весьма дружествен-

но к бурам, в данном же случае употребила всё своё влияние, чтобы удержать своих подчинённых от соблазна.

Настало тяжёлое и безвыходное положение. Всякие протесты со стороны буров и обращения к цивилизованному миру были бы бесполезны и неосуществимы, они бы и не ушли дальше африканского побережья; да и англичане в случае чего уклонились бы от всякой ответственности перед Европой, по недоказанности...

Непримиримая ненависть запылала в сердцах самых миролюбивых буров. Не только вопрос о сдаче англичанам, но и малейшая возможность каких-либо переговоров исчезла как дым, рассеялась под дуновением общего негодования²⁰.

Фон Зингер-Корн в следующей главе подчеркивал и своеобразие расположения бурских отрядов на передовой и делал очень интересные пояснения о ружейном огне буров и о способах стрельбы, практикуемых африканерами:

VII

План действия буров после взятия Мидльбурга. Позиция у Дальмануты. Тактика оборонительного боя. Разведки. Ружейный огонь

От Мидльбурга до Машадодорпа 130 вёрст. Местность между этими пунктами достаточно холмиста и по нашим понятиям представляет непрерывный ряд позиций, вполне пригодных для обороны. По понятиям же бурским, на всём этом пространстве нет совсем позиций.

Ввиду отсутствия позиций, главным образом, и невозможности поэтому оказать упорное сопротивление неприятелю, решено было после взятия Мидльбурга англичанами (28 июля) не засиживаться нигде, а прямо отступать по железной дороге на настоящую бурскую позицию.

На выбор направления отступления имели влияние следующие соображения. Правительство и президент находились в

Машадодорпе, и отступать могли не иначе как по железной дороге. На станциях железной дороги организовались комиссарские склады и наконец присоединившиеся к отрядам бурские семейства держались, весьма естественно, поблизости от складов и от железной дороги.

Впереди Машадодорпа, то есть к западу, верстах в 15–20, у станции Дальманута, была заблаговременно намечена настоящая бурская позиция, на которой и предполагалось оказать упорное сопротивление. Ближайший выбор позиции и её усовершенствования в фортификационном отношении были поручёны генералу **Луке Мейеру**.

Лука Мейер в данное время ничем не командовал, это генерал без войска, – подчинённые ему бургеры его покинули. Дело было в Натале.

Когда генерал **Буллер** делал тщетные попытки прорваться из Наталя в Трансвааль, через горное дефиле²¹, проход Лангснек, то **Лука Мейер**, которому была поручена защита этого дефиле, занимал с 600 буров неприступные кручи по обеим сторонам узкого ущелья. Надо заметить, что проход Лангснек представляет узкий и извилистый коридор в несколько вёрст длиною, образуемый двумя отвесными стенами. Это единственный выход в Трансвааль в северной части Наталя.

Позиция буров была настолько сильна, что, по мнению очевидцев и участников этой операции, **Буллер** мог бы свободно и по сиё время там стоять, если бы **Лука Мейер**, который вдруг, по непонятной причине, в одну прекрасную ночь ушёл, предоставив **Буллеру** свободный путь.

После такой непонятной операции доверие к **Мейеру** было сильно подорвано и некоторые подчинённые ему команды буров сейчас же его покинули. Затем, кажется при наступлении англичан из Претории на Мидльбург, он опять-таки по необъяснимой причине, отступил слишком рано вместе с другим генералом **Эразмусом**²². После этого его покинули и остальные бургеры.

Лишившись доверия и войска, **Мейер** так окончил свою боевую карьеру, что оставаясь всё-таки при отряде у генерала

Бота, стал, так сказать поневоле, генералом для особых поручений. Я позволил себе привести этот факт только потому, что он весьма ярко характеризует служебную терпимость буров и отношение их к своему начальству.

Дней за 10 до взятия Мидльбурга все жители города и окрестных ферм начали поспешно укладываться и толпами отступали походным порядком и по железной дороге в Машадорп. К ним присоединялись и владельцы покинутых ферм, состоявшие в командах, а также и те буры из действующих отрядов, которые почему-то лишились своих лошадей. Бур без лошади, по его понятиям, лишён возможности сражаться и считает себя уже вправе покинуть свою команду.

Таким образом, в Машадорпе за целый месяц поднажкопилось довольно много народа. Прибывающим бюргерам предлагалось исподволь занимать позицию по указанию генерала **Мейера**. Тут были представители от всех почти команд, входящих в состав отряда **Бота**. Это были, так сказать, желонёры²³, прибывшие заранее для обозначения мест. С каждым днём число прибывающих увеличивалось и предела своего оно достигло с отступлением штаба **Бота** к Дальмануте.

Вернёмся, однако, на позицию. (Приложение I.) Позиция, избранная **Мейером**, простиравась с севера на юг от реки Крокодиловой до реки Комати, то есть почти на 40 вёрст. Через центр её проходила железная дорога со станцией Дальманута. Позиция представляла ряд крупных скалистых холмов (копье) с прекрасным артиллерийским обстрелом, дальним и ближним, отделённых друг от друга труднопроходимыми оврагами, извилистыми ущельями и горными ручьями.

Впереди (то есть к западу) параллельно позиции тянулся длинный, вёрст на 25, хребет с довольно пологими склонами. У перевала через этот хребет находилась станция Белфаст. Кряж этот представлял прекрасную артиллерийскую позицию для неприятеля.

Всё пространство между этими позициями представляло совершенно открытую, местами болотистую долину. Наступле-

ние атакующего было поставлено, таким образом, самой местностью в весьма невыгодные условия.

Среди высот на бурской позиции по своему значительности командованию над всей окружающей местностью выделялась так называемая высота Витранд. С этой высоты были видны как на ладони станции железной дороги: Белфаст, Дальманута, Машадодорп, Ватерфальбовен и Ватерфаль-Ондер. На эту высоту буры обратили особенное внимание. Для обороны её назначена была лучшая часть бурских войск, йоханнесбургская полиция с капитаном **Схедером** (ныне генерал) во главе, который заблаговременно начал хлопотать об её укреплении.

В тылу позиция имела массу совершенно скрытых и безопасных сообщений, подступов, позволявших развить самую упорную оборону с излюбленными бурами засадами, моментальным исчезанием и неожиданным появлением.

Итак, позиция во всех отношениях была хороша. Она обладала лишь одним, но существенным тактическим недостатком – протяжение её более чем не соответствовало силе предназначенному для её обороны отряда. Отряд этот, под личным начальством **Бота**, был численностью не более 3000 человек, а к моменту боя оказалось налицо гораздо меньше – половина. 3000 человек на 40 вёрст!

Трудно предположить, чтобы буры растянули до такой степени свои скучные резервы по неопытности. Нет, напротив, это был совершенно сознательный, разумный приём, выработанный горьким опытом войн. А опыт этот был продолжителен.

Непрерывные войны с **кафрами**, ведённые несколькими поколениями, выработали у буров особенные, характерные тактические приёмы. Этим приёмам они остались верны и в настоящую войну, когда противником их стала европейская армия, тем более что армия эта, сверх многих присущих ей отрицательных качеств, была скована ещё и рутиной, от которой долгое время не могла освободиться.

Буры мало дорожат позицией. По их мнению, позиция выполнила своё назначение, если им удалось истребить часть

противника. С необыкновенной быстротой и ловкостью буры покидают позицию и так незаметно, что нельзя определить момент, когда они отступили.

В зимнее время, когда в продолжение 6 месяцев не упадёт на землю ни одной капли дождя и вся растительность выжжена солнцем, буры любят перед отступлением зажечь траву, чтобы отступать под покровом дыма и вместе с тем лишить корма неприятельских лошадей. Таким образом, в громадном большинстве случаев при взятии бурской позиции англичанами буров давно уже и след простыл. Бегство у буров не считается позором, напротив, отступление вовремя, при том быстрое и незаметное, принимается ими как весьма благоразумный и искусный манёвр.

Вследствие такой неустойчивости в бою вся нынешняя война представляет непрерывный ряд отступлений, даже бегств, которые могут быть оправданы лишь глубоко вкоренившимся в натуру бура чисто **кафрским** боевым взглядом на тактику. Суть его может быть сформулирована так: только тот может считать себя победителем, кто понес меньшие потери.

Отсюда понятно, что всякий обход позиции с фланга, всякое появление неприятеля в тылу, угрожающее окружением и, во всяком случае, затрудняющее отступление, заставляет буров немедленно сниматься с позиции.

Кровавые уроки, данные бурами англичанам, стали приносить последним некоторую пользу. Англичане, в конце концов, додумались, что атака бурских позиций с фронта не практична, а атака с обходом фланга и безопаснее и в большинстве случаев удается, заставляя буров отступать раньше окончания обходного манёвра.

Эта перемена в образе действий англичан не ускользнула от наблюдательности буров, тем более что англичане, не мудрствуя лукаво, применяли этот шаблон во всех случаях.

В ответ на эту панацею буры стали вытягивать свои силы в одну тонкую линию, употребляя этот тактический приём как специальное противоядие от обхода. Оно, действительно, не легко обойти 40-вёрстную позицию! За неимением достаточно-

го количества войск бурам пришлось прибегнуть к кордонному порядку расположения на позиции.

К такому кажущемуся отрицанию значения глубины боевого расположения и роли резервов они пришли под гнётом необходимости, вследствие своей малочисленности. Я сказал к кажущемуся отрицанию, потому что в действительности буры отлично понимали значение резервов в бою, но идею эту они осуществляли совершенно иначе, по-своему.

Владея удивительной тактической подвижностью, они не колеблясь ставили свои резервы временно на линию огня и, когда являлась необходимость в их присутствии в тылу позиции, то соответствующая часть буров стремительно бросалась к своим коням, всегда находящимся поблизости, и мчались по закрытым, извилистым тропинкам, оврагам и закоулкам к угрожаемому пункту и в одно мгновение открывали по неприятелю огонь. (Англичане в подобных случаях говорили, что они нарвались на засаду.) По минованию надобности, сыграв роль резерва, зачастую с большим успехом, команда таким же порядком и так же стремительно возвращалась на своё место в передовой линии.

Если куда-либо требовалось послать подкрепление, то перебрасывалась одна из команд с пункта позиции, менее угрожаемого; а таких пунктов в любой момент боя на позиции в несколько десятков вёрст было всегда достаточно.

Имея 3000 людей, буры, не задумываясь, наметили 40-вёрстную позицию. Её трудно было, конечно, обойти с фланга, а атаковать с фронта непрактично. Дальше мы увидим, что творилось у англичан, когда им окончательно выяснилась досадная неизбежность применения непрактичного приёма атаки фронтальной.

Я уже говорил, часто позиция у Дальмануты заселялась исподволь в течение целого месяца, начиная за неделю до взятия Мидльбурга (28 июля) и по 24 августа, когда раздался первый английский выстрел по позиции.

Впереди, под прикрытием Белфастского хребта, располагались биваком полевые орудия со своей прислугой, по одному

Буры отстреливаются от англичан в 1900 г.

Британские артиллеристы обстреливают буров во время битвы при Спионскопе

орудию, с промежутками версты по 3–4, без всякого прикрытия. Далее, к стороне неприятеля, за хребтом бивакировали небольшие сторожевые заставы, человек по 25. Заставы эти, или наблюдательные отряды, буры называли попросту брандвахтами. Они имели, главным образом, охранительный характер.

Как на биваках команд, так и на брандвахтах большая часть людей обыкновенно отсутствовала, едва десятая часть находилась налицо. Отлучались по разным поводам, кто был на своей ферме, кто на охоте в окрестностях, кто в Машадодорпе за покупками, кто в комиссариате, а кто и просто уезжал в город выпить бутылку-другую пива. Отлучки эти допускались, даже не как неизбежное зло, а как вполне нормальный порядок вещей. Надо, однако, отдать справедливость, что очень многие буры употребляли не без пользы свободное время. Они отправлялись на разведки из любви к искусству и, кстати, с целью добыть себе у англичан лошадку, сельдце (седло), бутылочку виски...

В особенности специализировалась в этом отношении интернациональная сборная команда капитана **Риккиарди²⁴ (Риччиарди)**. В состав её входили чуть ли не 12 национальностей, в том числе 2 китайца и 1 еврей. Списочная численность её – около 150 человек, налицо же никогда не бывало и половины.

Всё это были люди с несомненным призванием, страстные любители боевой и бивачной жизни, истинные спортсмены. Они жили сравнительно роскошно, хотя пополняли свои проводольственные запасы, амуницию, вооружение, патроны, лошадей, преимущественно у англичан.

Свободное время они проводили очень охотно за карточной игрой; играли же не на деньги, а на патроны. Патроны с пульями **дум-дум** особенно высоко ценились, их достать можно было только у англичан. Проигравшийся находил неудобным рассчитывать на патроны своих товарищев, это было бы непорядочно с его стороны, а отправлялся при первой возможности в разведки, на промысел.

Такой полезной и почтенной деятельностью команда эта завоевала себе бесспорное право на громкий и почётный ти-

тул Итальянский (в честь предводителя бывшего итальянского офицера) разведочный корпус команданта **Риккиарди**.

К чести буров надо, однако, сказать, что не все вдруг покидали свои места, а соблюдали некоторую очередь, и всегда кто-нибудь оставался на биваке для присмотра за имуществом.

Особенных распоряжений относительно времени сбора не делалось по той простой причине, что, во-первых, трудно было определить вперёд, когда неприятелю угодно будет появиться, а во-вторых, и это самое главное, никто и не сомневался в том, что лишь только неприятель появится верстах в 10-ти от брандвахт, так все преисправно явятся на свои места, да ещё принесут массу ценных сведений о неприятеле, приведут пленных, приедут на новых и свежих лошадях, не говоря уже о виски, до которого буры большие охотники и продажа которого в пределах Трансваала была строго воспрещена.

Последствием такого пристрастия к разведочному спорту, если можно так выразиться, было то, что неприятель всегда, днём и ночью, в походе и на биваке, находился под наблюдением невидимых бурских разъездов, окружавших его со всех сторон и зорко выисматривающих, что кому нужно.

Бур разведывает образцово! Оно и понятно. Там, где целое столетие единственной целью жизни цветного и белого населения была охота, грабежи и война, не могло не накопиться громадного опыта, искусства и сноровок. Разыскать в горных цепях целый отряд относительно не трудно, но выследить одиночных людей не так легко. Среди целого лабиринта диких скал, оврагов, ущелий, можно легко пройти мимо неприятеля, не заметив его. С буром этого не случится. Он замечает всякую, самую ничтожную примету. Малейший след английского башмака, английской лошадиной подковы, сдвинутый со своего места камень, всё это неминуемо влечёт за собой разыскание врага.

Сверх того природный бур обладает удивительно острым зрением. Он отлично видит на таком расстоянии, на котором мы, европейцы, не можем обойтись без бинокля.

Сэр **Редверс Буллер**, вернувшись в Англию, на одном из обедов, данном в честь его, говоря о трудности войны и о доблестном поведении английских войск, принуждён был сознаться, что одно из существенных преимуществ буров над англичанами составляет их превосходное зрение. Они, по крайней мере, мили на 2 дальше видят, чем англичане. В то время когда английские войска ничего кругом не замечают, бродят как в потёмках, буры в то же самое время всё видят хорошо.

Я из моих личных наблюдений могу засвидетельствовать, что во всём отряде генерала **Бота** имелись бинокли, дай бог, если у пятерых начальников; остальные отлично обходились без него. У фейерверкеров при **Лонг-Томах**, которые по установившемуся обычаю ведут стрельбу совершенно самостоятельно, начинают её, когда хотят, выбором цели они тоже нисколько не стеснены, я не видел ни разу в руках бинокля. А стреляли они сплошь и рядом на дистанцию в 6–7 вёрст и стреляли наверно хорошо, потому что стрельба на авось не в натуре бура.

Неотступное и невидимое сопровождение бурскими разведчиками каждого английского отряда весьма чувствительно отражалось на характере разведочной и охранительной службы в английских войсках. Слабый патруль в несколько человек не смел отделиться и на версту от своей части. Буры уже издалека видели и заблаговременно устраивали ему западню.

Ночью обстановка английского отряда становилась ещё серьёзнее. С бивака никто не смел отлучиться и на несколько сот шагов; всякого отделившегося буры обязательно убирали, не дав ему возможности даже выстрелить.

Понятно, подобная обстановка не только вредно отражалась на успехе военных предприятий, но и страшно утомляла английские войска. Сторожевая и охранительная службы отправлялись целыми, более или менее крупными частями. Относительная безопасность людей на отдыхе и в походе достигалась ценой усиленного наряда людей.

Днём, при расположении англичан на биваке, против их сторожевой заставы, совершенно невидимо для них, обязательно появлялась на расстоянии хорошего ружейного выстре-

ла бурская брандвахта. О присутствии её англичане узнавали только тогда, когда раздавался выстрел и кого-нибудь из них подстреливали; да и то, при бездымности пороха, трудно было определить откуда стреляют. Тут-то и затевалась любимая бурская забава – перестрелка с разными ухищрениями. Тут-то буры один перед другим и показывали своё искусство.

Англичане, зная по опыту меткость стрельбы буров, сидели обязательно за хорошими закрытиями и не проявляли, по обыкновению, сильной охоты принять участие в подобной забаве, тем более, что никого и видно не было по направлению выстрела²⁵.

Зегерн-Корн также сделал очень интересные пояснения о ружейном огне буров и о способах стрельбы, практикуемых в особенности пожилыми бурами:

Старик бур неспособен уже выносить все невзгоды походной жизни. Его 12 сыновей с самого начала войны сражаются верой и правдой. Один он, да старуха жена остались на ферме и живут, пока англичане их оттуда не прогонят и не сожгут родное гнездо.

Тоскливо ему на душе... Он дряхл, да, но в нём всё же теплится страсть былого неутомимого и смелого охотника, искусного стрелка и ловкого наездника.

И вот до его опытного, чуткого уха донеслись отдалённые звуки ружейной перестрелки... Англичане близко. Не спится ему ночью.

Утрышком, чуть свет, он седлает лошадку, надевает любимую винтовку, патронташ и является на ближайшую брандвахту маленько пострелять, да, кстати, молодёжь поучить и посмотреть, не делает ли она каких-либо поблажек англичанам. К вечерней заре он возвращается на ферму и за чашей дымящейся похлебки делится со своей старухой впечатлениями дня...

Вот эти-то старики в назидание молодёжи и показывают изумительные фокусы, снимают, например, с седла скачущего всадника на 600–800 шагов и тому подобное.

Наблюдая неоднократно стрельбу буров, я подметил три характерные черты.

Во-первых, бур никогда не стреляет на авось.

Он с малолетства привык при стрельбе беречь патроны. Мальчика 6-7 лет отец уже обучает стрельбе в цель из кавалерийского (карабина) **Маузера** и берёт с собой на охоту. Когда же мальчику минет 8 лет, отец даёт ему винтовку и 3 патрона и отпускает одного на охоту в горы. Если бурёнок принесёт антилопу, получает в таком случае винтовку и патроны уже в полную собственность и приобретает неотъемлемое право охотиться, когда хочет. Событие это в каждой бурской семье считается большим семейным праздником. Если ему на охоте не повезло, а патроны он расстрелял, то испытание откладывается на будущий год...

Мне однажды случилось ехать с одним знакомым буром из Машадодорпа на позицию. В его патронташе было всего 3 обоймы с 15-ю патронами, а в целом патронташе помещается 12 обойм с 60-ю патронами. Я был крайне удивлён, почему он не пополнил патронташа. Я сам только что видел раздачу патронов в комиссариате. Я его и спросил, что это значит? И вот что он мне ответил:

«Когда я 8 месяцев тому назад поехал на войну, то у меня тогда был полный патронташ. За это время я убил по крайней мере 40 «хаки». Дай мне Бог, подстрелить ещё 15. Если бы каждый из нас захотел убить только 15 человек, то нам бы на всех не хватило англичан».

Вторая отличительная черта стрельбы – та, что буры стреляют только с упора; если же стреляют с руки, что редко бывает, что только навскидку, по-охотничьи.

По поводу этого я позволю себе сделать маленькое уклонение. Как известно, буры не имеют штыков. По крайней мере в мою бытность в Трансваале их не было, да и не собирались их заводить, не придавая им никакого значения. А в атаку-то они ходили, хотя и редко.

После битвы под Спионскопом (25 января)[1900 г.], когда буры произвели несколько весьма смелых и удачных атак, атаки английских позиций бурами встречаются всё чаще и чаще.

Как же они обходились без холодного оружия? Этот вопрос меня очень интересовал и мне, кажется, удалось его выяснить до некоторой степени.

Оказывается, что сам штурм производится, не торопясь, с заряженными ружьями наизготовку. Наступая спокойно густой цепью и стреляя навскидку, они не позволяют неприятелю, что называется, и носа высунуть.

Двигаясь необыкновенно медленно, они сохраняют дыхание и успевают на ходу и ружьё зарядить. Добравшись до врага, они его попросту расстреливают в упор, а остатки доколачивают прикладами или берут в плен. Впрочем, выбор той или иной участки буры предоставляют неприятелю, который, как известно, охотнее выбирает плен.

Следовательно, если буры и не особенно часто атакуют, то объяснение этому надо искать, конечно, не в отсутствии холодного оружия, а в привычках охотника и в том своеобразном тактическом взгляде на войну, который у них выработался непрерывными войнами с малостойкими, но весьма подвижными чернокожими племенами.

Ближайшей и конечной целью войны они считают истребление врага. Из двух противников тот считается победителем, кто больше набил врагов, и чем больше набил, тем блестящее его победа. Когда же удобнее побольше настрелять неприятеля и себя получше сохранить как не за закрытием, при обороне. Вот почему буры редко атакуют и редко преследуют отступающего.

Третья характерная черта стрельбы бурской является уже неизбежным последствием большой практики и привычки стрелять навскидку. Громадное большинство буров стреляет на все расстояния без установки прицела, а изменяя соответственно расстоянию точку прицеливания. А открывают они огонь сплошь и рядом на 1500 шагов по небольшим группам людей, а с 600–800 шагов и по одиночным; впрочем, это лучшие стрелки.

В бою каждый бур начинает стрелять, когда хочет, и в этом отношении сообразуется лишь со своим искусством. Он временно зря не теряет, но и на авось не стреляет.

Управление огнём начальниками, в нашем смысле слова, здесь совершенно не существует. Воздержаться ли надо от ружейного огня, чтобы раньше времени себя не выдать, начать ли его, усилить ли его до последнего предела – всё это каждый в отдельности бур понимает сам, без постороннего вмешательства. Идеал боевой подготовки стрелка!

VIII

Фортификационные работы на Дальманутской позиции. Витрандский форт

После взятия Претории англичанами, вследствие почти поголовного бегства **кафрского** мужского населения к англичанам, как я уже сказал, буры были лишены рабочей силы и в принципе от фортификационных работ на позициях отказались. Тем не менее, Дальманутская позиция настолько заблаговременно была намечена, за месяц слишком, что явилась возможность кое-что на ней сделать. Предполагалось построить 4 окопа для **Лонг-Томов** и на высоте Витранд возвести сильное, самостоятельное укрепление.

По распоряжению генерала **Мейера**, которому был поручен главнокомандующим детальный выбор позиции, были разосланы во все стороны гонцы для сбора всех наличных **кафров**. С трудом удалось согнать человек 40. Из них в первые же дни сбежало 12 человек, остальные, человек 25, целый месяц возводили окопы для **Лонг-Томов** и кое-что ковыряли на Витранде.

Окопы для **Лонг-Томов** были самого примитивного устройства. Каменистый грунт не позволял углубляться более 1-го фута. Четырёхугольный дворик 10 футов ширины и длины, глубиною в 1 фут был окружён бруствером в 5 футов высоты из больших мешков из-под кукурузы, набитых хрящеватой землёй. Никаких ниш, никаких закрытых помещений для довольно многочисленной орудийной прислуги (около 25 человек), устроено не было. Снаряды, заряды, ящик со слесарным инструментом, банники²⁶, вёдра, всё это находилось тут же на платформе, около орудия, совершенно открыто.

Места для окопов были избраны очень хорошо как в отношении угла обстрела, так и дальности. Надо заметить, что для **Лонг-Томов** обыкновенно выбирались вершины самых высоких гор (копье), независимо от крутизны и удобства въезда на них. 18–20 пар быков доставляли пушку насколько возможно близко к месту назначения, а дальше, на самую вершину, тащили её уже люди, человек около 80-ти.

Вершина Витватерсрандской высоты – небольшое круглое плато, шагов 400 в диаметре. На этом плато имелось нечто вроде воронки или кратера потухшего вулкана, шагов 100–150 в поперечнике; громадные груды скал и камней, наваленные по краям этой впадины, образовали как бы ограду, которую оставалось только приспособить к обороне.

Значение этой высоты в стратегическом отношении было весьма велико.

Надо заметить, что буры в это время базировались на железную дорогу Претория–Лоренцо-Маркеш, по которой шли из-за границы в Трансвааль все жизненные продукты и на станциях которой были организованы комиссарские склады. К востоку от Дальмануты, в тылу действующих отрядов, было большое скопление бурских семейств, покинувших свои фермы спасаясь от англичан. Они бивакировали у ближайших железнодорожных станций со своими стадами, фургонами и всем движимым имуществом.

Вся эта толпа не могла иначе отступать, как вдоль железной дороги, во-первых, потому что всё продовольствие она получала от правительства, следовательно, должна была держаться комиссарских складов; во-вторых, вдоль железной дороги пролегал единственный колёсный путь на восток. Поэтому отступать семействам куда-либо в другом направлении и по другой дороге не представлялось возможным.

В Лейденбургский округ уйти они не могли. Дело в том, что округ этот, хотя самой природой и обеспечен от вторжения неприятеля, но представляет весьма труднопроходимую местность. Хотя там сосредоточены были богатейшие запасы продовольствия, но путей сообщения никаких не было, и про-

браться туда по дикой, гористой и в высшей степени пересечённой местности можно было только верхом и с самым лёгкими повозками при усиленной запряжке. Местность к югу от железной дороги была уже в опасности, за исключением окреста Барбертона, самого дальнего на востоке, куда и вела колёсная дорога вдоль железной. Итак, единственным путём отступления для бурских семейств был колёсный путь на восток, к Барбертону.

С Витранда видны были как на ладони три ближайших станции: Машадодорп и оба Ватерфала, верхний (бовен) и нижний (ондер). При этом железная дорога и колёсный путь извивались на всём этом протяжении настолько близко, что поставленная на Витранде батарея полевых гаубиц могла бы бомбардировать почти сплошь весь этот участок дорог.

Само собой разумеется, отряду генерала **Бота**, как прикрытию, предстояло отступать по тому же пути, по которому двигались семьи. Да, наконец, англичане, придерживаясь в эту войну особых взглядов и обычаев, не постеснялись бы бомбардировать и семейства.

Буры правильно оценили важное стратегическое значение этой высоты и для защиты её была назначена лучшая часть бурского войска – йоханесбургская полиция под командой капитана **Схедера**.

Надо сказать, что бурские военачальники фактически никаким военным наукам не обучались, а фортификации и по-давно. И тактика, и фортификация у них свои, доморощенные. Это им не мешает сражаться с успехом, укреплять свои позиции, и укреплять хорошо. Под влиянием громадного боевого опыта они инстинктивно выработали и усвоили себе два основных принципа, составляющих всю суть и цель фортификации: удобство стрельбы и закрытие от огня неприятеля. При соедините сюда простой мужицкий здравый смысл, присущий им всем, и мы получим всю теоретическую и прикладную фортификацию буров.

Капитан **Схедер** – один из лучших бурских офицеров. В сентябре месяце при реорганизации армии он одним из первых про-

изведён был в генералы. Прибыв на место и получив рабочих-кафров, окончивших к тому времени окопы для **Лонг-Томов**, он энергично принял за создание на Витранде неприступного «орлиного гнезда». Он стал смыкать отдельные груды камней земляными брустверами, приспособлять эти груды для стрельбы, устраивать блиндажи под патроны и тому подобное.

Увы! За целый месяц работы почти ничего не было сделано. Патронный блиндаж, или погреб, так и не был совсем перекрыт, и ящики с патронами во время боя стояли просто под брезентом, да и ограда была не вполне сомкнута. Виною этому был, прежде всего, недостаток рабочих рук, а затем возмутительная, непреодолимая лень **кафров**.

Достаточно раз только видеть, как они работают, и всякая надежда на возможность довести до конца начатое дело пропадёт. Всякая работа, как бы она легка ни была, сопровождается непрерывным кряхтением и стонами. Раньше чем взяться руками за что-либо **кафр**, прежде всего, начинает кряхтеть, соблюдая при этом некоторый равномерный темп, и кряхтит до тех пор пока энергичные понукания не заставят его приняться за дело. По страшному напряжению тела, по потному, дико искажённому лицу всякий неопытный зритель вообразит, что работа ему положительно не под силу, между тем, это чистейшее притворство, весьма наивное при этом. Буры это отлично понимают, но они вместе с тем знают, что никакие наказания не помогут ускорить работу.

Итак, проектированные капитаном **Схедером** работы остались ко дню боя в зачаточном состоянии...

К счастью для буров, англичане, как мы дальше увидим, не поняли значения Витватерсрандской высоты, и когда буры покинули позицию, совершенно ею не воспользовались для подготовки дальнейшего наступления. Благодаря своей недогадливости, англичане потеряли лишних два дня времени и много людей²⁷.

Перейдём теперь к тому, что писал **фон Зигерн-Корн** по поводу последних крупных регулярных войсковых операциях той войны:

IX

Операции англичан к востоку от Претории.

Движение Буллера к востоку от Претории.

Движение Буллера из Наталя к северу.

Войска Бота. Бой за позицию у Дальмануты

24, 25, 26 и 27 августа

Со взятием столицы Трансвааля англичане не имели никакого основания считать войну с бурами оконченной. Большая часть страны находилась ещё во власти буров.

Правительственные учреждения были перенесены в железнодорожные вагоны и временно находились на станции Машадодорп. Здесь же жил в вагоне и маститый президент **Крюгер.**

Железная дорога Претория–Лоренсо-Маркеш как питательная артерия буров, правда, единственная, находилась тоже в их руках.

Несмотря на угодливость англичанам португальских властей относительно стеснения по отправке грузов в Трансвааль, буры не испытывали недостатка ни в продовольствии, ни в боевых припасах; а главное, не падали духом и твёрдо решились бороться до последнего человека, до последнего патрона.

Англичане не могли остановиться на полпути. Рано или поздно надо было продолжать умиротворение страны, каких бы жертв это ни стоило. Общественное мнение в Англии, искусно побуждаемое на почве национального самолюбия энергичным министерством, душою которого стал **Чемберлен**, требовало безотлагательно дальнейших завоеваний.

После продолжительного отдыха фельдмаршал лорд **Робертс** решился, наконец, в 20-х числах июля покинуть Преторию и двинуться на восток, вдоль железной дороги.

К югу от железной дороги двинулся **Френч** и конная пехота **Гэттона.**

Вдоль железной дороги, в центре, – **Поль-Карью.**

К северу от железной дороги – **Гамильтон** и полковник **Мэгон.**

27 июля заняты были **Френчем** Бронхорст и Бальмораль почти без боя.

28 июля, после лёгкой стычки, **Френч** занял Мидльбург.

Сделав это наступление, видимо в угоду общественному мнению Англии, фельдмаршал **Робертс**, однако, должен был приостановиться: дела англичан в тылу не обстояли благополучно. Положение дел было таково:

Деларей бьёт англичан на Эландсривере, завладевает Рустенбургом и всем округом. Отовсюду к нему стекаются вновь поднявшиеся фермеры-буры.

Девет, которого целый месяц безуспешно ловят, в то же самое время прерывает сообщение Претории с базой. Он настолько крепко себя чувствует в Оранжевой Республике, у Линдлея, что доносит правительству о своей полной уверенности в том, что до конца войны будет в состоянии не допускать никакого движения по опекаемой им железной дороге и будет бить неприятеля. Он переходит 6 августа реку Вааль, соединяется с **Делареем** у Рустенбурга и двигается с ним к Претории.

В Натале, в окрестностях Ньюкасла действуют весьма успешно в отношении порчи железной дороги мелкие бурские отряды.

На юге Оранжевой Республики беспокойно, у Гаррисмита удачно работает **Оливье**.

Буллер только к 8 августа подошёл к реке Вааль и остановился у Амерсфорта, в 40 милях к северу от города Фолькруста. Впереди его – **Христиан Бота** (братья **Луи Бота**) с 2000–3000, по крайней мере. При таких условиях успех переправы **Буллера** через Вааль был более чем необеспечен.

Ко всему этому надо прибавить, что против **Робертса** у Белфаста и Дальмануты находился **Луи Бота** с 5000. Я должен оговорить, что численность отрядов генералов **Христиана Бота** и **Луи Бота** показана мною по английским сведениям, а потому сильно преувеличена. На самом деле в это время у **Христиана Бота** было около 1000 человек, а у **Луи Бота** около 1500 человек.

Приняв даже английские числа за верные, оказывается, что количество войск, двинутых из одной только Претории на восток, было более чем достаточно для оперирования против **Луи Бота**. Благоразумие и опытность маститого фельдмаршала взяли, однако, верх, и он, находя свои силы недостаточными, решился ожидать прибытия **Буллера**, чтобы Соединёнными силами в 30 000, уже с полной уверенностью на успех двинуться против **Бота**.

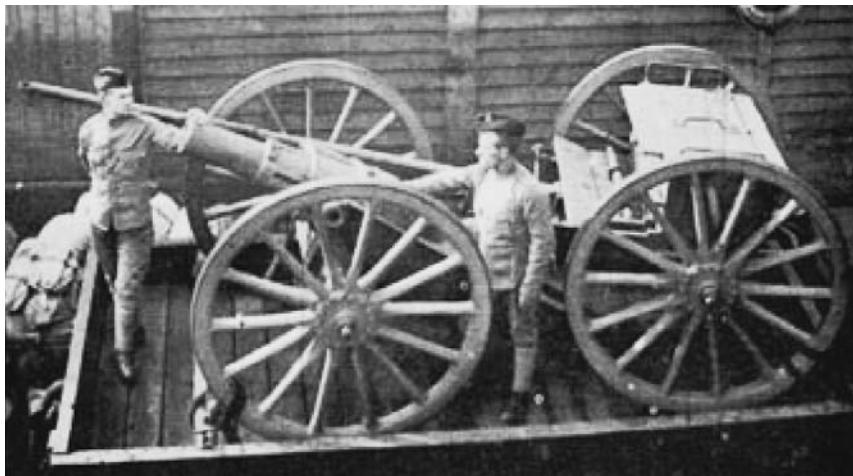
Зная, что и **Буллер** очень осторожный генерал, **Робертс** решается, по-видимому, облегчить ему это передвижение, создать для него такую обстановку, чтобы буры по пути нигде его не задержали.

Мне невольно представляется, что **Робертс**, обдумывая эту идею, сделал предварительно следующий маленький расчёт: от Ваала до железной дороги из Претории на Лоренсо-Маркеш и до бурской позиции у Дальмануты около 120 вёрст. Если **Буллеру** не будут мешать и если ему предложить поторопиться, то он может это расстояние пройти в 6 дней. На 6 дней, следовательно, надо придержать на месте все отряды буров, находящиеся в восточном Трансваале.

Я, конечно, не могу утверждать, что вышеприведённые соображения именно в такой форме зародились в уме **Робертса**. Последующие факты, однако, не оставляют никакого сомнения, что суть дела была именно такова.

8 августа **Бота** получает от **Робертса** любезное письмо приблизительно нижеследующего содержания:

Ввиду постоянной порчи железнодорожных сообщений Претории с южными портами он, главнокомандующий английской армией фельдмаршал **Робертс**, пришёл к единственному в этом случае и непреклонному решению выслать 3000 женщин и детей из Йоханнесбурга и Претории к станции Вундерфонтейн. Высказывая затем по этому поводу своё глубокое сожаление, он предлагает на время экспортирования семейств установить перемирие на 6 дней, с 10 по 16 августа, до 4 часов пополудни. При этом упоминается о само собой понятном условии: не делать в это время никаких передвижений отрядов,

Английская гаубица калибра 127 мм (пять дюймов), установленная и закреплённая вместе с передком на железнодорожной платформе во время англо-бурской войны

что без всякого сомнения, и с его стороны будет точно исполнено.

Письмо это было получено на биваке у Дальмануты и содержание его сообщено некоторым военным атташе, бывшим в это время налицо. Генерал **Бота** высказал с горечью своё глубокое убеждение, что письмо это, судя по бывшим раньше подобным фактам, предвещает какую-то каверзу, а в чём она выразится, трудно пока предугадать.

Перемирие это было, конечно, волей-неволей принято, и соответствующие распоряжения переданы всем войскам в восточной части Трансваала. Прибывающих женщин и детей решено было отправить по железной дороге в Барбертон. Это единственное решение возможное в данное время, кроме железной дороги, никаких других перевозочных средств в распоряжении генерала **Бота** не было.

Лишь только это стало известным в раскинутых на десятки вёрст командах, как, весьма естественно, со всех сторон ста-

ли стекаться в Машадодорп мужья, отцы, братья, сыновья... Всё это устремилось встречать родных, возвращающихся из английского плена, с которыми они так давно не виделись. Но это не всё. Надо же их проводить в Барбертон и там, на чужбине, устроить их как-нибудь, обезопасить от разбойничьих шаек чернокожих, начинавших уже пошаливать.

Одним словом, добрая половина войск **Бота** собралась в Машадодорпе. Многие, однако, прискакали напрасно. Прождав 6 дней, они убедились, что из Претории-то никого не высылали.

Вместо 3000 человек выслано было всего 600, по 100 человек в день, и из одного только Йоханнесбурга!

По этому поводу остаётся сделать только одно предположение, что **Робертс** раздумал: не надо, мол, горячиться и обещать 3000, следует что-нибудь оставить и на другой раз.

Ближайшим следствием всего этого было то, что одна половина численного состава бурских войск была в Машадодорпе, а другая была прикована перемирием к своим местам.

Что же происходит в это время у англичан? А вот что.

10 августа **Буллер** переходит через Вааль без боя у Бетиндерлина. **Христиан Бота** безмолвно отступает в Эрмело.

12 августа **Буллер** занимает беспрепятственно Эрмело. Мало того. Чтобы буры, уехавшие со своими семьями в Барбертон, не очень-то торопились вернуться на свои места, из Эрмело он посыпает отряд прямо по дороге в Барбертон. **Христиан Бота** повернулся тоже к Барбертону, чтобы вместе с тем прикрыть тыл главного отряда своего брата **Луи Бота**. Числа 20-го был уже занят англичанами Вармбад на реке Комати, находящийся в 50-ти верстах в 50-ти от Барбертона.

14-го **Буллер** занимает Хриссиемерт, между Эрмело и Ка-ролиной.

15-го **Буллер** занимает Каролину, в 20-ти милях от Бундерфонтейна, не встретив никакого сопротивления, хотя генералы **Смэйтс** и **Пит Фильюн** с 800-ми человек находились вблизи.

После всего вышесказанного становится понятным, почему **Буллеру** удалось явиться к сроку, намеченному **Робертсом**,

и зачем **Робертс** умышленно умолчал о **Буллере** в письме своем к **Бота** и не подчинил войска **Буллера** условиям перемирия.

Раньше чем продолжать описание дальнейшего хода операций, я приведу данные о той боевой силе, которая в действительности оказалась к этому времени в распоряжении главнокомандующего генерала **Луи Бота**.

Ко дню появления неприятеля перед Дальманутской позицией отряд, занимающий её, был в следующем составе:

Генерал Бен Вильюон

{Йоханнесбургская полиция около 200 человек
(конной – 85 и пешей – 115).

{Йоханнесбургская команда – 75

{Крюгерсдорпская команда – 300

Генерал Пит Вильюон

{Преторийская полиция – 150

{Преторийская команда – 120

{Разведочный Итальянский корпус
команданта **Риккиарди** – 150

Генерал Тобиас Смэтс

{Мидльбургская команда – 150

{Бетельская – 200

{Лейденбургская – 200

Всего – 1545 человек

Численность этих команд определена приблизительно, она менялась ежедневно и точно определить её не могли даже сами команданты.

Состав артиллерии:

155-мм осадных орудий **Шнейдера-Крезо** – 4.

Предельная дальность (выстрела) – 8000 метров, а более точная стрельба с 6000 метров.

75-мм скорострельных полевых орудий **Круппа** и **Шнейдера-Крезо**²⁸ – 2.

Предельная дальность (выстрела) – около 5000 метров.

37-мм автоматических орудия **Максима-Норденфельда** – 2.

Снарядов к ним ко дню боя имелось:

Для **Лонг-Томов** в достаточном количестве.

Для полевых орудий – по 10–15.

Для автоматических орудий – по 40.

Сравнивая по качеству английскую артиллерию с бурской видно, что английская артиллерия по дальности и действительности огня не могла состязаться только с одними **Лонг-Томами**. У англичан самыми крупными орудиями были полевые гаубицы 5-дюймовые (127 сантиметров, с витыми стволами²⁹), стреляющие, кроме шрапнели, ещё и лиддитными гранатами. Затем имелось десятка два орудий тяжёлых морских калибров 4,7 дюйма (120 сантиметров), поставленных на временные лафеты. Дальность тех и других не превышает 6000 метров, то есть орудия эти почти равносильны с **Лонг-Томами**.

Что же касается числа орудий вообще и количества снарядов, то, без сомнения, на стороне английской артиллерии был громадный перевес. Впрочем, я ещё буду иметь случай к этому вернуться.

Очень характерны за этот период времени сведения из английских источников, появлявшиеся в газетах. Так, из Претории сообщают, что у Машадодорпа стоит 8000 буров со всей бурской артиллерией и с тяжёлыми орудиями! В другом сообщении говорится, что численность всех буров к западу от Белфаста до Крокодиловой реки 20 000!

В этих умышленных преувеличениях, прошедших через цензуру, есть своего рода расчёт не скрытый, а белыми нитками сшитый. Во-первых, не имея таких данных, английская публика была бы в полном недоумении, зачем понадобилось сосредотачивать к Белфасту 30 000 армию и тратить на сидение в Претории столько драгоценного времени. Во-вторых, в случае неудачи есть возможность оправдаться большими силами противника; а в случае удачи значительно возрастёт доблесть войска и генералов, победивших столь многочисленного и сильного противника.

Заняв с лёгкостью Каролину, **Буллер** стал отдыхать. Только через три дня, 18 августа, он двинулся дальше на север по дороге в Машадодорп с видимым намерением обойти позицию с тыла.

Увы, перемирие кончилось, и он наткнулся у Дорнкопа на генерала **Смэтса**, который настолько энергично начал его теснить, что ему пришлось не только отступать, но и передвинуться на 10 миль к западу от Эрмело в Твейфелляр, и отказаться от попытки действовать на тыл бурского расположения.

22-го, отдохнувши после перехода из Дорнкопа, он делает попытку наступления на север, на левый фланг неприятеля, на Белфаст. Я позволил себе сказать слово «отдохнувши», потому что от Дорнкопа до Твейфеляра всего 20 миль, а времени на это ушло 3 дня.

Эта новая попытка могла оказаться для него ещё более неудачной, если бы не вовремя подоспевшая помощь. У Вандикслея, на полпути к Белфасту, буры устроили ему, то есть, вернее, бригаде **Стивенса**, западню и нанесли тяжкие потери, как сообщает **Робертс. Френч** бросился на выручку и с трудом освободил **Стивенса** от гибели.

План буров, таким образом, не удался, – пишет **Робертс** в своём донесении, но вследствие недоразумения две английских роты отделились от главных сил, были бурами окружены и понесли тяжкий урон, а именно: убитых – 13, раненых – 61 и без вести пропавших – 33 человека.

Пока **Буллер** находился в окрестностях Каролины, происходит ряд боёв, с 17 по 22 число августа, к северу от Претории между **Пэджетом, Баден-Пауэлом** и арьергардом соединённых сил **Девета, Деларея** и **Гроблера**. Буры, двигаясь по дороге из Претории в Питерсбург, отвлекли, таким образом, часть английских сил от участия в операции против Дальмануты.

Президент **Стейн**, прибывший с отрядом **Девета** из Хеброна, в 15 милях севернее Претории, прямо бросился на восток с небольшим конвоем под начальством своего брата и кружным путём, обогнув Ботасберг к северу от Мидльбурга, к 25 числу явился в Ватерфаль-Ондер к **Крюгеру**.

Девет, без сомнения, прибыл в Трансвааль не столько с целью участия в боях, сколько для сопровождения президента **Стейна**. Это явствует из того, что, отпустив **Стейна** 22-го и предоставив англичанам бесплодную погоню за **Делареем** и **Гроблером** по Питерсбургской дороге, он сделал незаметный поворот кругом и, обойдя Преторию с востока, разрушил по-путно железнодорожный путь, устремился опять на юг, обратно в Оранжевую Республику, к излюбленной им железной дороге, ведущей с юга к Кронстаду и Йоханнесбургу.

23-го англичане вышли из Вундерфонтейна, и **Поль Ка-рью** занял Белфаст.

Буллер ещё раз пробовал обойти левый фланг позиции, но генерал **Смэлтс** его отбросил назад. **Френчу** и на этот раз пришлось выручать **Буллера**. Все попытки обойти позицию, одним словом, не удались.

С этого дня англичане, видимо, пришли к горькому убеждению, что выработанный ими универсальный шаблон атаки бурских позиций оказался в данном случае неприменим. **Буллер**, руководивший всей этой операцией, прибег к другому излюбленному им приёму: к невероятно продолжительной и беспрерывной бомбардировке позиции из всех наличных как полевых, так и морских орудий.

Пальба эта продолжалась в течение 24, 25 и 26-го числа, с утра до вечера, с маленьким получасовым перерывом (для lunch?) от часу до половины второго.

В первые три дня вправо и влево от Белфаста стояло на позиции около 40 орудий.

По какой же цели они стреляли?

Буры были превосходно маскированы и представляли весьма жиidenькие цели, кое-где рассеянные по громадному пространству позиции. Ни разу в эти дни не раздалось ни одного ружейного выстрела. Где сидели буры, англичане и знать не могли. Правда, 2 их полевых орудия выпустили в первый же день свои немногие снаряды и были увезены с позиции обратно в Машадодорп, а 2 пулемёта молчали и берегли свои заряды для решительного последнего момента боя. Продолжали

бороться лишь два **Лонг-Тома**, ближайшие к железной дороге. Видимая цель, следовательно, не была достойна такого сильно-го огня.

Но англичане рассчитывали поразить и невидимого, и почти не существующего врага. Исходя должно быть из поговорки, что пуля виноватого найдёт, англичане стали самым энергичным образом обстреливать все склоны гор, обращённые к ним, между Витрандом и Дуйфедрифтом, последовательно место около места, начиная с вершины и до подножия, с рассве-та до заката...

25-го, по-видимому, производилась у них рекогносцировка позиции. Группа всадников двигалась вдоль по хребту, оста-навливаясь по временам. Буры устояли от соблазна и не вы-дали себя ни одним выстрелом. Как потом выяснилось из га-зетных телеграмм, производил рекогносцировку сам **Робертс**, только что утром прибывший из Претории в Белфаст.

Результатом этой рекогносцировки было то, что 26-го утром часть артиллерии перенесена была на новую позицию к северу от Белфаста и стала бить главным образом по позиции Йохан-несбургской конной полиции, несколько им в тыл.

Пуля виноватого всё-таки не нашла! За все эти три дня ар-тиллерийского огня не убыло ни одного человек у буров. Стре-ляли всевозможными снарядами, – шрапнелью, гранатами, простыми и лиддитными, стреляли залпами и поорудийно... Это была просто салютационная пальба, а не артиллерийская подготовка атаки.

В этот день, 26 числа, **Буллер** опять делает тщетную по-пытку обойти левый фланг позиции, а **Френч**, между тем, дви-нулся к северу вдоль Белфастского хребта, намереваясь, веро-ятно, сделать обход правого фланга. Он принуждён был, одна-ко, отступить, несмотря на помощь **Поля-Карью**. Оба обхода ещё раз не удались.

Робертс по этому поводу доносит:

Вероятно, неприятель получил с севера и востока значи-тельные подкрепления. Далее: буры на позиции (главной) вы-ставили множество орудий, местность здесь удобная для бу-

ров, а для английской кавалерии она так неблагоприятна, как не бывало ещё ни разу.

Никакого подкрепления буры не получали, да и получить его было неоткуда. Благодаря своей подвижности, те же самые команды, которые занимали позицию, успевали являться во время для встречи неприятеля, обходившего их. Да и никакого множества орудий не было, а стреляли всего два **Лонг-Тома**.

27 августа очень интересный день.

Ночью с 26 на 27-е бурские патрули зажгли траву в нескольких местах севернее Белфаста. На биваках у англичан произошёл переполох. Некоторые биваки поспешили переселиться на новые места. Все поднялись, ожидая ночного нападения. Ветер был южный, и огонь стал медленно подвигаться на Белфаст. Всё дело обошлось сравнительно благополучно.

Поджигание травы, как я уже сказал, применяется бурами, между прочим, как тактический приём для маскирования отступления. Тут является вопрос, почему же буры вздумали отступать, не потеряв ни одного человека после трёхдневной, совершенно бесплодной бомбардировки позиции?

Дело в том, что буры бесподобно изучили психологию своего противника вообще и сэра **Буллера** в частности.

Они хорошо понимали, что вся эта пальба велась не столько для нанесения им потерь, сколько для того, чтобы поднять дух своих войск, подбодрить их перед атакой. Этим наркотическим средством пользовались все английские генералы весьма охотно, но в различных дозах. Особенное значение придавал ему **Буллер** и буры безошибочно научились определять ту дозу артиллерийской пальбы, которую он прописывал своим войскам. Они инстинктивно чувствовали, что в этот день будет произведена атака.

Ночным переполохом на английских биваках буры не воспользовались в полной мере для нечаянного нападения на англичан. Захвачено было бурскими разъездами лишь человек 12 английских солдат.

К утру 27-го пожар всё ещё продолжался. Вся позиция англичан была затянута непроницаемым дымом. Что происходи-

ло у англичан, неизвестно. Эта дымовая завеса продолжалась до 12 с лишком часов дня. Кое-где раздавался выстрел одного из нескольких английских орудий, оставленных на позиции южнее Белфаста. Затем следовал ответный выстрел из **Лонг-Тома** на Дуйфельфердрите. Опять тишина... Все чувствовали, что это зловещее затишье предвещает скорую развязку, но в каком виде она созревала, никто не знал.

Я находился в это время на Витранде, на юго-западной его оконечности, откуда видна была вся впереди лежащая местность как на ладони, вплоть до железной дороги. Здесь же сидели на камнях с трубками в зубах генерал **Бота, Мейер**, телеграфист- рядовой и фейерверкер ближайшего **Лонг-Тома**. Все мы молча следили за дымом и испытывали, вероятно, одно и тоже досадное чувство неизвестности.

Бота угрюмо молчал, но, видимо, был смущён. В уме его зарождалось тревожное сознание, что инициатива действий ускользает из его рук. Очевидным было, что англичане могли и должны были воспользоваться, так или иначе, этим дымом в свою пользу.

Вдруг, в какие-нибудь 10 минут, дым исчез. Была половина первого. Наши глазам представилась новая картина.

Вся английская артиллерия заняла новую позицию далеко к северу от Белфаста. Число орудий увеличилось до 50-ти.

Громадная эта батарея, как только прояснилось, открыла сильнейший огонь из всех орудий, сосредотачивая его на позициях йоханнесбургцев конных (80 человек) и крюгерсдорпцев (300 человек). Интенсивность его была доведена до последней степени. В то же самое время видны были уже довольно далеко, против правого фланга бурской позиции, большие массы кавалерии, двигающиеся параллельно позиции по дороге на Лейденбург. То был **Френч**, обходное движение которого не удалось накануне.

После некоторого совещания главнокомандующего с фейерверкером относительно выбора цели витватерсрандский **Лонг-Том** смело открыл огонь по 50-ти орудийной батарее неприятеля. Он сразу же привлек на себя огонь 10-ти орудий, веро-

ятно гаубиц, или морских орудий, потому что стрельба была лиддитными гранатами.

Англичане стреляли плохо! Из 10 снарядов не разрывалось 2–3. Хотя **Лонг-Том** был от нас позади в 150 шагах, но многие снаряды рвались впереди, вправо и влево от нас, шагах в 25.

Бота сидел неподвижно, с трубкой в зубах, на том же камне, что и раньше, и не удостаивал эти прославленные англичанами лиддитные снаряды никаким вниманием, – он весь был поглощён рассматриванием в бинокль неприятельской позиции.

Так как лиддитные гранаты новость, то я воспользуюсь случаем и выскажу мои личные наблюдения над ними. После разрыва лиддитный снаряд оставляет в скалистом грунте воронку глубиной не более фута с весьма пологими скатами. Не слышно совершенно полёта осколков и камней, обдаёт только песком. Видимо, дробящая сила лиддита очень велика, а баллистическая мала. При взрыве образуется большой столб густого зелёного дыма, очень удушливого запаха. Звуковой эффект не особенно внушительный, звук довольно мягкий и болезненного ощущения в ухе не вызывает. На мой взгляд, в этом случае, обыкновенные пороховые гранаты производили бы гораздо большее действие как механическое, так и нравственное.

Вообще говоря, надо удивляться, зачем англичане употребляли лиддитные снаряды против буров, скрывающихся не за солидными брустверами и не в блиндажах, а так же неизвестно где сидящих. Действие этих снарядов нельзя и сравнивать со шрапнелью. Насколько буры игнорируют лиддитные гранаты, настолько они очень не любят шрапнели, и они, конечно, правы.

Во втором часу началась атака. С Белфастского хребта стали сползать густые неприятельские цепи. Артиллерия неприятельская усилила ещё больше свой и без того сильный огонь по ничтожным и невидимым бурским цепям, – стреляли и поорудийно, и залпами, и всевозможными снарядами. Заворчали и два бурских пулемёта у крюгерсдорцев. **Лонг-Томы**, кроме правофлангового, энергично отвечали на огонь неприятеля.

Англичане без выстрела медленно двигались широким фронтом, нацеливаясь на станцию Дальмануту. На мой взгляд, в атаку шло (севернее железной дороги) около 1000 человек. Столько же, как я потом узнал, было двинуто и по другую сторону железной дороги.

Бота всё сидел неподвижно на прежнем месте и смотрел в бинокль. Его внутреннее волнение проявлялось лишь в одном, – он поминутно перекладывал давно потухшую трубку из одного угла рта в другой.

Англичане шли совершенно открыто, не торопясь, без выстрела, направляясь концентрически на станцию. Со стороны буров гробовое молчание. Оно продолжалось до тех пор, пока атакующий не дошёл шагов на 700 до них. Тут вдруг пошла трескотня. Ряды неприятеля стали заметно ре-деть. Англичане после некоторого смятения прибавили ходу и открыли беспорядочную, торопливую ружейную пальбу по обороняющемуся.

В то же самое время все орудия развили свой огонь до последней степени напряжения. Огонь этот продолжался и тогда, когда англичане подошли к бурам шагов на 150. Но чтобы не поражать своих и неожиданным прекращением канонады не уничтожить подъёма духа у атакующего, батареи подняли орудийные прицелы настолько, что снаряды стали перелетать через позицию буров на значительное расстояние.

Не дождавшись рукопашного боя, йоханнесбургцы первые бросились назад, потом крюгерсдорпцы, немцы барона **Гольдека**, и так далее. Через каких-нибудь два-три часа не осталось никого на позиции, все ринулись в Машадодорп. Все **Лонг-Томы** тоже благополучно отступили.

Потери буров: убитых – 8, раненых – 22 и пропавших – 16 человек.

Потери англичан были значительно больше. Приблизительно на глаз, их пало не менее 500 человек.

Раньше чем высказаться критически о действиях обоих отрядов, предоставим слово самому фельдмаршалу **Роберт-су**. Сравнение его донесений с действительностью должно

привести очевидца в полное смущение и недоумение. Он пишет следующее: «Сегодня у нас были удовлетворительные успехи».

Затем далее: «Надеюсь, что наши потери не превышают 50 или 60 человек. Потери меньше, чем можно было ожидать, потому что идти к позиции пришлось через открытые поля 2-3 тысяч ярдов. Неприятель бился решительно. Многие буры пали, особенно те, которые находились на скалистом холме; они были сражены лиддитными снарядами. Взята в добычу одна митральеза. Дело было блестящее. **Буллер** командовал войсками очень искусно. Совместное действие артиллерийского и пехотного огня было в высшей степени сильное».

На следующий день, 28 числа, **Робертс** пишет следующее: «**Буллер** сообщает мне о вчерашних операциях и взятии Боргендааля. Он говорит, что после сильного обстреливания холмов город был взят храбрым натиском двух пехотных батальонов.

Надо заметить, что города Боргендааля нет, это просто ферма с несколькими хозяйственными постройками и с небольшим **кафским** поселением вблизи».

Далее в донесении говорится: «Город был взят сильнейшим штурмом. Взято в плен 19 буров. Неприятель оставил на поле битвы 20 убитых. Взятие этого холма дало нам возможность занять все высоты, с которых неприятель отступил, по-видимому, в обе стороны (то есть к северу и к югу). С британской стороны убиты: 1 капитан, 13 рядовых; ранены 7 офицеров и 57 рядовых. Потери, вероятно, несколько (?) больше, но точные цифры ещё неизвестны. Буры намеревались оказать отчаянное сопротивление, но...»

Бурское официальное объявление о той же операции гораздо скромнее: «Неприятель прорвал позицию у Дальмануты. Из Машадодорпа убрано всё ценное имущество».

К сожалению, донесения **Робертса** читает вся Европа, а бурский «Вестник» остаётся в Трансваале.

Английская публика, читая блестящие реляции своего любимца **Бобса**, была, конечно, в восторге. Она и не подозревала сколько в них фальши, скольких человеческих жертв

и каких громадных материальных затрат стоила эта грандиозная операция против двух, в сущности, бурских команд. Она, вероятно, и не обратила внимания на то обстоятельство, что успехи, достигнутые в столь блестящем деле, при очень искусном командовании **Буллера** и при в высшей степени сильном совместном действии артиллерийского и ружейного огня, – сам фельдмаршал **Робертс** оценивает довольно скромно: «сегодня у нас были удовлетворительные успехи», – пишет он.

При всем своём искусстве **Буллер** сделал крупнейшую ошибку, – не занял Витранд, громадное значение которого в стратегическом отношении мною выяснено выше. Поставленная на ней батарея морских орудий, или гаубиц, могла бы обстреливать не только железную дорогу вплоть до станции Ватерфаль-Ондер, но и единственный колёсный путь, идущий параллельно ей. Таким приёмом англичане могли бы отхватить сразу, не двигаясь с места, довольно значительный участок железной дороги, а отступление громадных бурских обозов превратить в настоящее бегство. Завладели же они этим участком железной дороги только после двухдневного непрерывного боя³⁰.

К июню 1900 г. боевые крупномасштабные действия уже заканчивались и военные агенты покидали Южную Африку:

Командированный на театр военных действий в Южную Африку Генерального штаба полковник **Стахович** телеграммой из Претории от 1/14 сего июня донёс:

Лорд **Робертс** считает главные операции оконченными; полагая своё поручение исполненным, испрашиваю разрешения возвратиться.

(неразборчиво) июня 1900 г.

Подполковник (неразборчиво)³¹.

В ответ ему была послана следующая телеграмма:

Pretoria.

Colonel Stachovich

Await further events and orders.

(Претория. Полковнику **Стаховичу**.

Ждите последующих событий и приказов)

(подпись неразборчива)

9 июня 1900 г.

(По Главному штабу)³².

И повторная просьба **Стаховича** об отзыве военных агентов в Россию:

Телеграмма Генерального штаба полковника **Стаховича** из Претории от 9/22 июля 1900 г.

Важных операций не предстоит вовсе. Главная квартира остаётся в Претории. Убеждён, что ничего более не придётся увидеть. Испрашиваю разрешения воротиться.

Стахович³³.

Через несколько дней **Стахович** получил долгожданное распоряжение:

Pretoria **Colonel Stahovich**

Return home

(Претория. Полковнику **Стаховичу**

Возвращайтесь домой.)

подпись (неразборчиво)

28 июля 1900 г.

(По Главному штабу)³⁴.

Лишь в конце июля разрешение на отзывание двух военных атташе было получено, однако военных инженеров оставили на театре военных действий:

Министерство военное, в Первый департамент
Министерства иностранных дел, Главный штаб,
Канцелярия Военно-учёного комитета, 31 июля 1900 г.
№ 1238.

Главный штаб уведомляет, что последовало распоряжение об отзывании состоящих в Южной Африке военными агентами: при великобританских войсках полковника **Стаховича** и при войсках Южно-Африканских Республик подполковника **Гурко**.

Полковнику **Стаховичу** распоряжение это передано по телеграфу в Преторию.

Подполковник **Гурко**, согласно его последнему донесению, находился в Бальморале, в настоящее время, по газетным известиям, уже занятом английскими войсками. Ввиду сего Главный штаб просит не отказать передать распоряжение о возвращении подполковника **Гурко** через подведомственных Министерству иностранных дел консульских агентов; тем же путём Главный штаб просит передать находящимся при войсках Южно-Африканских Республик инженер-капитану **Щеглову** и 1-го сапёрного батальона капитану (**фон**) **Зигерн-Корну**, распоряжением военного министра о продлении пребывания их в Южной Африке ещё в продолжение трёх месяцев.

О последующем Главный штаб просит не отказать уведомить.

Управляющий делами
генерал-лейтенант **Соллогуб**³⁵.

Итак, решение об отзыве **Стаховича** и **Ромейко-Гурко** было принято высшим военным руководством после соответствующего запроса у «Государя

Всемилостивейшего», который, однако, как явствует из нижеприведённых документов, распорядился продлить срок пребывания военных инженеров:

Министерство военное. Доклад по Главному штабу.
Канцелярия ВУЧа. 27 июля 1900 г. № 38.

Состоящий при великобританских войсках в Южной Африке Генерального штаба полковник **Стахович** в последнее время неоднократно доносил телеграммами о прекращении действий значительных отрядов обеих воюющих сторон и состоявшемся уже отзовании из Африки военных агентов про-
чих государств.

В соответствии с сим в настоящее время полагалось бы своевременным отозвать к месту постоянного служения как полковника **Стаховича**, так и состоящих при войсках южно-африканских республик Генерального штаба подполковника **Гурко**, инженер-капитана **Щеглова** и 1-го сапёрного батальона капитана **Зигерн-Корна**.

Справка. Высочайшее соизволение на командирование по-именованных чинов состоялось: полковника **Стаховича** 3 октября 1899 г., подполковника **Гурко** 21 ноября 1899 г. и капи-
танов **Щеглова** и **Зигерн-Корна** 29 апреля сего (1900) г.

Испрашивается: благоугодно ли будет Вашему Император-
скому Величеству соизволить на изложенное³⁶.

Интересны и аналитические статьи **Едрихина** о по-
ложении дел в Южной Африке в то время:

Во всякой армии временный упадок духа далеко ещё не слу-
жит симптомом разложения её. После сдачи **Кронье** и оставле-
нии Ледисмита, буры были потрясены настолько, что сам пре-
зидент вынужден был явиться в армию, где 5 марта, увещевая
бюргеров, просил их «продержаться ещё хотя бы месяц, так
как в течение этого времени – поможет ли Европа или нет, мир
всё равно будет заключён». По поводу этих слов, напечатанных

тогда в этих газетах, мне тогда же пришлось говорить с одним уитландером, живущим в Трансваале около двадцати лет.

– О, не обращайте внимания на то, что говорил **Крюгер**, – сказал мой знакомый. – Война ни в коем случае не может окончиться так скоро; дай Бог, чтобы она окончилась ещё через год.

– Неужели вы полагаете, что у буров хватит настолько и энергии, и материальных средств?

– Что касается энергии, то я в этом ничуть не сомневаюсь, по своему характеру – это железо. Правда, есть между ними небольшая часть цивилизованных, то есть заразившихся космополитизмом, которые в случае продолжительных неудач могут отказаться от борьбы, но зато если бы вследствие каких-нибудь причин перестала бы существовать вся армия, то и тогда из среды фермеров наберётся тысяч семь–восемь отчаянных «зилотов»³⁷, руководимых чувством смертельной ненависти к врагу, которые, соединившись в мелкие отряды, начнут партизанскую войну, гораздо более упорную, чем даже филиппинцы³⁸. И до тех пор пока будут существовать эти партизаны, англичане не могут вывести из страны ни одного солдата, потому что малейшее ослабление английских сил послужит сигналом к новому всеобщему восстанию.

Со времени этого разговора прошло уже пять месяцев, в течение которых англичане заняли большую часть территории противника, но эти результаты нельзя назвать решительными, ибо даже в Оранжевой Республике они до сих пор не могут справиться с партизанами, смело хозяйствующими у них в тылу. Трансваальская же армия ещё вся цела. Запасов, вывезенных из Йоханнесбурга и Претории, хватит на долгое время. При таких условиях отказ буров от продолжения борьбы и добровольное признание английского владычества было бы похоже на самоубийство больного, у которого ещё очень много надежд на выздоровление. Это отлично понимают как буры, так и англичане. Но желание – повелитель мыслей, говорит английская пословица. Желание поскорее закончить дорогую войну после каждого мелкого успеха заставляло англичан ве-

рить в безотлагательное изъявление бурами покорности. Желание иметь теперь под руками свободную армию, чтобы играть выдающуюся роль в настоящих и, возможно, в ближайших будущих международных осложнениях, начало давать англичанам ежедневно тысячи пленных буров. Но желания остаются желаниями, а события идут свои чередом, и увязшей в Южной Африке Англии суждено барахтаться там ещё многие месяцы, ни на минуту не забывая при этом, что война представляет собой сплетение таких неожиданностей, о которых очень часто разбиваются самые точные расчёты.

А. Вандам³⁹.

Этот же автор к середине августа 1900 г. (по новому стилю) отмечал в статье под рубрикой «Дела в Южной Африке», что:

За последние дни на театре военных действий в Южной Африке обе воюющие стороны ведут весьма оживлённую деятельность. Вчера буры захватили английский гарнизон в Эландс rivере, сегодня англичане взяли в плен 4140 буров, 4000 лошадей и пони и уничтожили большое количество снарядов. Кроме того, **Метузэн** и **Китченер**, отказавшись от неудачной досель тактики окружения, вытеснили Девета из ряда холмов после упорного боя, стоившего победителям 7 убитыми и 4 ранеными. Словом, англичане хотят уверить себя и других, что они отыгрались с лихвой.

Но о том, что при счёте пленных у англичан десятерило в глазах, мы узнаем, по всей вероятности, из завтрашних же телеграмм. Что же касается настоящих вытеснений англичанами своего противника из занимаемых им укреплённых позиций, то поэтому поводу следует сказать несколько слов о бурской тактике.

Тактика буров развилась совершенно самостоятельно, под влиянием исключительных условий. Привыкнув подкарауливать дичь, действовать из засады, буры и на войне предпочи-

тают оборону атаке. При приближении неприятеля они прежде всего стараются устроить ему ловушку. Для этого занимается весьма растянутая позиция, состоящая обыкновенно из ряда холмов. Занятая позиция сейчас же укрепляется траншеями, причём траншеи состоят не из одного бруствера, идущего непрерывной каменной стеной по наружному гребню вершины, а из нескольких десятков коротких (на 5–10 человек) валиков, высотой около одного аршина, раскинутых по всей вершине горы. (При таком расположении траншей вся наружная покатость горы лежит в необстреливаемом (мёртвом) пространстве; это, однако, не считается неудобством, так как буры не подпускают близко противника, но зато разбросанные таким образом траншеи кажутся издали кучами камней, которыми вообще усеяны все горы Южной Африки, то есть укрепления маскируются сами собой. За этими траншеями скрытно располагается цепь стрелков, причём один из наиболее важных по своему местоположению, но менее заметных по своему виду холмов занимается сильнее. Чаще всего здесь ставится и артиллерия. Из разнообразных видов оружия буры всегда предпочитают пушки (скорострельные орудия) **Максима**, которые по их лёгкости, удобству и быстроте действия, пожалуй, было бы полезно придавать у нас дальним разъездам и партизанским отрядам.)

Наблюдение за флангами производится по распоряжению младших начальников фланговых частей, вернее даже без всяких распоряжений – по инициативе рядовых буров, всегда проявляющих в бою сознательный и живой интерес к делу.

В период подготовки атаки артиллерийским огнём буры совершенно не отвечают на выстрелы противника. Несколько человек обыкновенно наблюдают, остальные лёжа пьют кофе, закусывают, вообще чувствуют себя спокойно и только почтительно раскланиваются с пролетающими близко гранатами. Но лишь только неприятель начинает подходить на дистанцию верного ружейного выстрела (1000–800 шагов), обстановка на позиции быстро меняется. В до сих пор хладнокровном, полном сознания собственного достоинства

фермере сейчас же сказывается охотник, – более того – артист, страшно любящий своё искусство. В рысих глазах его начинают мелькать огоньки. Припав к земле, он сквозь отверстие между камнями уже высматривает и намечает себе жертву. Ещё несколько мгновений – и со всей позиции, точно по сигналу (хотя команд нет – каждый ставит прицел и стреляет когда, как и куда хочет), сразу раздаётся сухой, как будто колючий треск ружейных выстрелов, которому гулко и весело начинает вторить **Максим**. Почти не отнимая от плеча своего **Маузера**, бур неторопливо и метко шлёт пулю за пулей с таким чувством, точно каждая из них отрывается у него от сердца. Увлечённый стрельбой, он, однако же, зорко следит за всеми передвижениями врага, и при малейшей оплошности последнего, чуть только представится возможность, часть охотников снимается с позиции, бежит к пасущимся в тылу лошадям и через несколько минут открывает огонь уже с фланговой позиции.

Видя же невозможность удержаться, буры редко подпускают себе противника ближе 300 шагов – сейчас снимаются и уходят на другую позицию. Таким образом, эти отступления являются не следствием поражения, а просто одним из приёмов бурской тактики. Но английские генералы каждый раз неукоснительно шлют в Лондон стереотипные телеграммы: «Неприятель был вытеснен из ряда холмов, на которых он упорно держался».

Нет сомнения, что прилив энергии у буров явился вследствие событий, совершающихся на Дальнем Востоке. Ещё в Претории мне показывали № газеты, в котором рассказывалось, как «нашему уважаемому бургеру **Потхитеру** виделся на поле сражения под Гленко белый воин с огненным мечом, направленным против англичан». В нынешних же китайских событиях мистический **Крюгер** видит особую милость и помощь, посланную бурам с неба. Со свойственным же ему необычайным религиозным красноречием он перельёт эту уверенность в сердца бургеров обеих республик и, вполне возможно, что вслед за сегодняшними известиями о сдаче пленных начнут

получать известие о вспышках восстания среди населения, уже изъявившего свою покорность, и о новых победах буров.

А. Вандам⁴⁰.

В том же месяце он писал в прежней рубрике:

Сегодня мной получены из Южной Африки известия, рисующие положение обеих воюющих сторон в весьма печальном виде. Обе армии быстро разлагаются. У буров нет отрядов, численность которых достигала бы и 3 тысяч. Причём ни один бурский генерал не может знать наверное, какими силами он будет располагать завтра. Сегодня он засыпает на бивуаке с 1000 человек, наутро у него оказывается уже 600, к вечеру 500; через неделю, если нигде не было удачи, остаётся только 400. Но дошла весть о случайном успехе где-нибудь в другом конце – и через два дня в отряде уже 1500.

Если нет армии, зато по всей стране рассеялись и бродят партии недовольных, и этого оказывается вполне достаточным, чтобы поддерживать и развивать панику среди английской армии. Стычки происходят часто, но все они случайные, и потери в них убитыми и ранеными крайне ничтожны.

Английские солдаты, после того как убедились, что в плену им не грозит никакая опасность, охотно кладут оружие, но буры не имеют возможности брать пленных, так как их некуда девать, некому стеречь и нечем кормить.

Отчаяние и раздражение англичан вполне естественны. Потеряв голову, они хватаются за разные репрессалии, а через это ещё больше возбуждают недовольство и усиливают контингент сопротивляющихся теми, которые уже изъявили было покорность. В свою очередь, гуманность и бездействие принимаются за признаки упадка и вызывают у буров попытку, напрягши все силы, покончить с ослабевшим врагом. Получается какой-то заколдованный круг, из которого можно выйти одним способом: присылкой новых значительных подкреплений, которые могли бы сменить изнемогшие от ли-

шений и голода части, обратив эти части на службу в тылу и в гарнизонах.

Для действий против небольших мелких партий необходимо несколько дивизий свежей конницы. Но после заявления лорда **Уолслея** о полной непригодности солдат, оставшихся в метрополии, задача сформирования новых отрядов оказывается просто невозможной. Словом, Англия в Южной Африке очутилась в положении щуки, захватившей в пасть ерша, которого не может ни проглотить, ни выпустить.

А. Вандам⁴¹.

Едрихин продолжал описывать текущие события:

13 и 14 августа (1900 г.) между бурами и англичанами на обширном пространстве к северу-западу и юго-востоку от Белфаста происходили довольно серьёзные стычки, названные лордом **Робертсом** блестящим делом. Я раза два проезжал по этой местности, и она резко запечатлелась у меня в памяти. Глядя на огромные, в беспорядке перепутавшиеся между собой горы, отвесные скалы, глубокие пропасти, казалось, что здесь когда-то бушевало бездонное море расплавленной лавы. Взбитое ураганом, оно как будто застыло в страшных конвульсиях, а затем на охладевшей поверхности происходил бой титанов: тысячепудовые камни, точно вырванные исполинской рукой из одной скалы и брошенные на другую, повисли в воздухе, каким-то чудом держась на вершинах и по скатам гор. При малейшем сотрясении в воздухе они кажется готовы рухнуть вниз. Действительно, здесь часто происходят обвалы; лощины и котлованы засыпаны обломками скал, между которыми прорываются сухие, колючие акации, кактусы и агавы.

В некоторых местах здесь трудно пройти даже одинокому охотнику. На такой местности и при искусстве буров устраивать засады, **Буллеру** представлялось много шансов поддержать свой престиж, устроив второе Колензо. Но, очевидно, продолжительная и упорная борьба с вдесятеро превосходя-

щим численностью противником, истощила и ослабила буров. Угрожаемые обходом с тыла, они, по своему обыкновению, переменили позиции после нескольких выстрелов и этим навлекли на **Буллера** совершенно незаслуженное обвинение в будто бы искусном командовании войсками, взятием в плен одной митральезы (пулемёта?) и убившими одного бура.

Лорд **Робертс** доволен своими генералами, а его настроение сообщается и всем генералам: в марте месяце они готовили **Крюгеру** и **Стейну** квартиры на острове Святой Елены, теперь же благородно разрешают им выехать в Европу. Впрочем, так как война ещё не закончилась, то вопрос о судьбе почтенных президентов следует отнести в область фантазии. Из всего же сделанного англичанами, до сих пор наиболее положительным и возбуждающим удовольствие даже среди самих буров является изгнание из Йоханнесбурга и Претории немцев.

А. Вандам⁴².

Одну из статей **Едрихин** посвятил отношению Германии и Великобритании в Трансваале:

Англичане и немцы

Несмотря на кое-какие успехи, достигнутые за последнее время в Южной Африке, Англия долгое время ещё не будет иметь возможность взять оттуда ни одного солдата. С теми же жалкими крохами, которые ей удалось собрать и направить в Китай⁴³, чрезвычайно трудно выступить в роли руководительницы оппозиции, направленной против русского предложения. Поэтому англичане всеми силами стараются притянуть на свою сторону немцев. И английским газетам грезится уже новая политическая комбинация: союз между Германией и Англией.

Посмотрим, однако, какие до сих пор существовали отношения между этими предполагающимися союзниками.

Покойный **Бисмарк**, как известно, был ярым противником колониальной политики, находя, что колонии для немцев такая

же роскошь, как соболья шуба для поляка, не имеющего рубахи, и что поддержание добрых отношений с Англией должно быть поставлено выше тех призрачных выгод, которые сулят новые земельные приобретения. Железному канцлеру не удалось, однако, сдержать пыл своих соотечественников. Немцы хлынули в Африку, но как будто для того только, чтобы оправдать опасения старого дипломата, то есть войти в столкновение с англичанами и потерпеть целый ряд крупных политических неудач. В самом деле, уже по договору 1 июля 1890 г., в Восточной Африке Германия принуждена была уступить захваченный ей Витту, явившийся чресполосным владением в английском Ибеа; оказалась от права взимать пошлины за все английские товары, провозимые через восточноафриканские владения, первой признала законными претензии англичан на Верхний Нил и (самое курьёзное) для того, чтобы англичане могли иметь постоянный надзор за немецкой колонией, уступила им стратегически важный и сам по себе великолепный остров Занзибар. За всю эту благодать англичане подарили немцам полуразрушенную скалу Гельголанд.

Не менее удачными оказались операции немцев и в Южной Африке. Здесь, по берегу Атлантического океана, они захватили довольно большой кусок пустыни Дамараленд, имея в виду сделать из него подступ к соседним возвышенным плато. Заметив этот манёвр, англичане решили, что приглянувшиеся немцам земли, хотя ещё и не были английскими, но *in character and its history* (по своему характеру и истории) должны быть таковыми. (Характер же и история их заключались только в том, что они были девственными, и вот в течение самого короткого времени Англия захватывает Бечуаналенд и Родезию. А запертые в своём печальном Дамараленде немцы и здесь, как во всей остальной Африке, очутились в положении подвальных жильцов, в то время как их противники благодушествуют в бельэтажах.)

Затаив злобу, немцы перенесли своё соперничество с англичанами в Трансвааль, являющийся кульмиационным пунктом всей Южной Африки. Здесь на их стороне были

все шансы. Ожесточённые враги англичан, не жаловавшие католиков-французов, буры весьма сочувственно относились к единоверным немцам. Телеграмма **Вильгельма**, истолкованная бурами как ясное доказательство заступничества могущественного императора, ещё больше укрепила их в упованиях на немцев.

Между тем последние под угрозой войны откращивались уже от всякой солидарности с бурами и писали новый договор с англичанами, завещая им все притязания на гавань Делагоа.

Не отказываясь от открытого соперничества, немцы действительно вели против англичан тайную игру, вызвавшую, в конце концов, южноафриканскую драму.

Англо-бурская война, – не раз говорили мне трансваальские уитландеры, – есть вместе с тем и генеральное сражение немецкой дипломатии с Англией. Если буры проиграют эту кампанию, то и немцы за свою нерешительную и двуличную политику поплатятся тем, что все они будут изгнаны из Трансваала, для них запрут все южноафриканские рынки, то есть, иначе говоря, в самом корне подрезано будет начинавшееся было разрастаться могущество немцев как колониальной африканской державы.

Война ещё не окончилась, но эти предсказания уже сбываются: немцы уже изгнаны из Трансваала, ввоз в Африку сократился на 3/3; англичанам, несмотря на все противодействия немцев, удалось получить согласие на проведение железной дороги от Капа до Каира через Бельгийское Конго.

Словом, вся не длинная, но довольно яркая история взаимных отношений Англии и Германии на почве колониальных вопросов даёт англичанам полное основание рассчитывать не только на дальнейшую дружбу, но, пожалуй, и на формальный союз с таким деликатно уступчивым народом, как немцы, к которым нужно только предъявить требования!

А. Вандам⁴⁴.

Среди неофициальных российских военных агентов, побывавших у буров, был и штабс-капитан запаса **Виктор Тимофеевич Айп**. Он написал небольшую пробурскую книгу о тех событиях, выпущенную в 1901 г. Процитируем её полностью, поскольку данное сочинение интересно не столько своим содержанием, сколько упрощённой подачей сведений, предназначенных для массового народного чтения.

Война Англии с бурами

Самую южную оконечность Африки составляет страна Капландия, или Капская колония, принадлежащая англичанам. К северу от этой колонии лежит страна Трансвааль, в которой живёт народ – буры, воюющий в настоящее время с англичанами.

Так как этой войной интересуется теперь каждый – и старый и малый, то, я думаю, нелишне будет и вам узнать, что это за такая страна Трансвааль, какой в ней живёт народ и почему англичане завели с этим народом войну. Обо всем этом я и постараюсь вам здесь рассказать.

До 1497 г. южная оконечность Африки была совершенно неизвестна европейцам, и лишь в 1497 г. один учёный португальский мореплаватель по имени **Васко да Гама** на своём корабле подошёл к самому выдающемуся мысу Африки, названному мысом Доброй Надежды. После этого корабли разных государств стали ежегодно подходить к мысу Доброй Надежды, чтобы запастись свежей водой и провизией. Селиться же на мысе тогда никто ещё не думал, так как вся местность, известная теперь под названием Капландия, пользовалась дурной славой у моряков. Коренные её обитатели, **готтентоты**, считались чуть ли не самыми кровожадными и зверскими из всех дикарей.

Мысль поселиться на южной оконечности Африки впервые возникла у голландцев. Благодаря разумным мероприятиям голландцы вскоре внущили **готтентотам** полное дове-

рие, выразившееся, между прочим, в том, что те охотно стали уступать голландцам землю в обмен за разные хозяйствственные предметы и безделушки. Поселенцы усердно принялись за обработку земли, разведение виноградников и скотоводство.

Из Голландии стали прибывать целыми семьями колонисты и начали селиться частью на берегу, частью – внутри страны. Через несколько лет после поселения первых колонистов колония уже начала процветать. Много невзгод впоследствии пришлось потерпеть этой колонии от англичан. Несколько раз эта колония переходила из рук в руки, то к англичанам, то обратно к голландцам, пока договором 19 августа 1814 г. колония не была официально признана собственностью Англии.

Однако англичанам не удалось завершить доверие капитанов, оставшихся в душе голландцами.

Недостаток сил для охраны колонии от нападений дикарей и другие неблагоприятные условия вынудили голландских колонистов искать себе новое отечество. Английское правительство не препятствовало им в этом, и они отдельными партиями стали пробираться через Оранжевую реку в местности, лежащие к северу.

Но и там англичане не дали им покоя и гнали их всё дальше и дальше к северу, где им наконец удалось прочно основаться за реками Оранжевой и Ваалем. Поселившись здесь, голландцы спокойно зажили себе, зарабатывая свой хлеб буквально в поте лица обработкой земли.

Небольшая сначала голландская колония с течением времени увеличилась настолько, что голландцы признали необходимым учредить у себя подобие правительства, которое управляло бы всей их страною по особо составленным правилам или законам. Это было в 1848 г.

Так как поселенцы были люди простые, малограмотные, то и сама форма правления, придуманная ими, была тоже незамысловатая. Таким образом, на Юге Африки образовалась настоящая «крестьянская республика», которая долгое время называлась не Южно-Африканской Республикой, а просто Трансваалем, то есть землею за рекою Вааль. Англичане, в шутку

называли эту страну «крестьянскою» и название это, несомненно, имело основание, так как переселенцы были потомки голландских крестьян, или боэров (боэр, или бур, по-голландски значит крестьянин, мужик).

Англичане смотрели на эту страну как на что-то забавное, смешное, но такой взгляд был только до тех пор, пока страна была бедна и пока жители её добывали тяжёлым трудом каждый кусок хлеба. Первое время буры занимались хлебопашеством, скотоводством, а более предприимчивые – охотою за слонами, буйволами, носорогами, львами и другими крупными хищниками.

Но вот во владениях крестьянской страны случайно открыты залежки золота – и картина быстро меняется. В страну буров хлынули новые поселенцы: англичане, американцы, немцы, итальянцы и другие. Страна стала быстро покрываться железными дорогами и телеграфными линиями. В золотоносной области, главным городом которой стал Йоханнесбург, началась непрерывная работа.

С появлением в Трансваале золотых залежей англичане не могли уже воздержаться, чтобы не проявить своей обычной алчности. Англия стала заявлять свои претензии на молодое государство и пожелала непременно присоединить страну буров к своей Капской колонии, управляемой энергичным министром **Сесилем Родсом**.

Долгое время всё-таки англичане не решались выступить против буров. Но вот нашёлся смелый и предприимчивый человек, некто доктор **Джемсон**, предложивший силою захватить золотоносную страну. Составленная **Джемсоном** шайка успела уже вторгнуться в пределы «крестьянской страны», но буры, разбив его шайку, захватили в плен самого **Джемсона**. Англичане согласились для вида приговорить **Джемсона** к 15-месячному заключению, а **Родса** отставить, обвинив их в неслыханном нарушении международных обычаев, но приговор этот, к стыду англичан, не был приведён в исполнение, и они оба даже были оставлены в Южной Африке.

Природные богатства этого единственного в своём роде края заключаются не в одном только изобилии драгоценного металла. По восточным окраинам владений буров и далее по направлению к бухте Деланой (Делагоа) тянутся каменноугольные залежи, ещё и до сих пор не исследованные во всех своих частях.

Исследование угольных пластов обнаружило местами их необычайную толщину, так что со временем, как утверждают люди, побывавшие в Трансваале, одна только эта добыча может доставить заработок сотням тысяч людей.

Близость каменноугольных пластов к бухте Деланой с её гаванью Лоренсу-Маркеш может сделать то, что эта гавань будет одною из главнейших в мире угольных станций.

После неудачной войны с бурами в 1881 г. Англия заключила с ними договор, по которому английская королева призналась покровительницей Трансвааля. Англия официально признала за Трансваалем название Южно-Африканской Республики – имя, которого до тех пор избегали англичане. По смыслу этого договора буры пользуются обширной свободой в своих внутренних целях. Они боятся принимать в число своих управителей иностранцев и всеми силами стараются удержать в стране первобытный порядок. Но так как иностранные поселенцы числом уже теперь значительно превышают буров, то выходит, что треть населения распоряжается судьбою остальных двух третей его. Но что всего интереснее, так это то, что правящая страной треть состоит из упрямых и враждебных всяким новинкам буров, а управляемые ими иностранцы сделали колонию тем, что она представляет теперь, вложив свои капиталы на улучшение мануфактурной промышленности. Такое положение вещей, конечно, должно было – долго ли, коротко ли, – привести к тому, что трансваальская страна стала бы под властью не буров, а европейцев.

Столица «крестьянской страны» Претория точно так же, как и другие города – Йоханнесбург, Крюгерсдорп, выросла в какие-нибудь десять лет исключительно благодаря иностранцам. Ещё так недавно там, где теперь стоит город, стояли **кафические** посёлки и фермы буров.

Кто мог предвидеть, что в короткий промежуток на этом месте вырастет богатый город с прекрасными улицами, лавками, магазинами, электрическим освещением, богатыми ресторанами, клубами, театрами и тому подобным! Жителей в Йоханнесбурге теперь около 70 000 человек.

Уже теперь Трансвааль занимает единственное в своём роде положение, как главный поставщик золота для целого света, а между тем, богатства его далеко не исчерпаны – в стране постоянно находят новые залежи золота и до сих пор обрабатывается только незначительная часть источников. В золотой промышленности Трансвааля сами буры не принимают участие. Эта промышленность почти всецело в руках иностранцев, и в самом Йоханнесбурге, в этом центре золотопромышленников, буров почти не видно. Привыкшего с детства к вольной жизни и широкому простору полей, нелюдимого и флегматичного бура пугают большие города и торгово-промышленная деятельность. Этот народ сохранил свои простые потребности и ведёт по-прежнему сельское хозяйство.

О нравах и обычаях буров можно сообщить следующие небезынтересные сведения.

Жилище крестьянина-бура большей частью низкое, одноэтажное здание, крытое соломой, домик всегда окружён верандой. Двор крестьянский в большинстве случаев просторный и без всякой ограды. Один двор от другого отделяется небольшой кучкой камней. Буры вообще любят одиночество. Дым, выходящий из трубы соседнего дома, уже смущает бура и заставляет его опасаться, чтобы как-нибудь поблизости не возникла фабрика. При малейшем неудобстве бур уже стремится перекочевать куда-нибудь подальше, лишь бы сохранить свою личную свободу.

Буры более склонны к скотоводству, нежели к земледелию. Редко можно встретить огород или сад поблизости от крестьянского двора, но зато почти везде можно видеть персиковые деревья.

Ежегодный урожай персиков даёт Трансваалю огромные доходы. Летом можно видеть длинные ряды возов, запряжён-

ных быками, на которых персики доставляются в большие города. Возница обыкновенно держит в правой руке длинную палку, на конце которой красуется персик, – знак, что товар продается. Сотня персиков на наши деньги стоит 50 копеек.

Буры ведут чрезвычайно простой образ жизни. Бур любит простую пищу и не нуждается ни в изысканных блюдах, ни в роскошной обстановке. Жилище бура большей частью состоит из двух, много – трёх комнат.

Первая комната, в которую вы входите прямо с веранды, обыкновенно служит столовой, гостиной и залом для танцев. Здесь спят также мужчины, чаще устраивая своё ложе прямо на полу. Вторая комната в распоряжении хозяйки дома и дочерей.

Мужчины отличаются здоровьем и крепким телосложением. Высокорослые, широкоплечие, с крупными чертами лица, буры производят приятное впечатление своей внешностью.

Одним из главных развлечений для буров служат танцы. В определённый день, в послебеденные часы, сходятся молодые люди и девушки из соседних ферм, иногда даже из очень отдалённых деревень. Гостеприимный хозяин отводит им самую большую комнату в своей квартире, из которой заранее удаляется вся мебель, весь домашний скарб. По сигналу, подаваемому музыкантом, начинаются танцы. Роль музыканта исполняет обыкновенно один из чёрных туземцев, научившийся играть на концертино: о бальных туалетах⁴⁵, разумеется, не может быть и речи – кавалеры и барыни являются на танцы в своих обычных ежедневных костюмах. Женщины носят почти исключительно чёрные платья, в редких случаях украшенные парой лент. О наших кадрилях и лёгких танцах буры не имеют понятия. Все их танцы однообразны и мало чем отличаются один от другого; это нечто среднее между вальсом⁴⁶ и полькой. Девицы возлагают обе руки на плечи своих кавалеров, а молодые люди обнимают стан своих подруг. Через два часа после начала танцев комната наполняется густой пылью, дышать становится нечем, тогда, опять-таки по сигналу, танцующая публика выходит на веранду и начинает подкрепляться дэком

(особого рода водка), лимонадом, печеньем и сладостями. Танцы затем возобновляются и тянутся уже всю ночь. К утру, когда сон одолевает девиц, все гости-женщины устраиваются в открытом поле, под своими повозками. Гости опять сходятся к обеду, после которого танцуют ещё часа три-четыре, а потом начинается разъезд по домам.

Церковь буры посещают вообще редко, хотя они народ очень религиозный.

– Куда это вы собираетесь? – спрашивает бура его сосед, видя приготовления к отъезду со всем семейством.

– На богослужение – отвечает тот; это значит, что бур с семейством останется в городе дней пять-шесть и будет жить в своей повозке, которая на это время превращается в палатку. Если в данный город таких семейств соберётся много, то площади превращаются в своего рода маленькие лагери; здесь можно видеть целые семейства, расположившиеся вокруг костра, на котором хозяйка готовит обед; здесь дети весело играют, а взрослые обмениваются визитами, покупают, продают, приискивают женихов для дочерей и приглашают молодёжь на танцевальный день.

Как и подобает «крестьянской стране», во главе её стоит человек из того же крестьянского сословия. Личность этого президента, то есть главного управителя страны, – сильно выдвинутая, благодаря последним смутам очень интересная. **Павел Крюгер**, президент Южно-Африканской Республики, родился 10 октября 1825 г. в зажиточной трансваальской крестьянской семье. Несмотря на свои 75 лет, он обладает громадной энергией и несокрушимым здоровьем. Подобно всем бурам, он не получил почти никакого образования. Его отец вёл бродячую жизнь, воюя с дикими **кафрами**; в стычках с ними **Крюгер** ещё в молодости проявил необыкновенное мужество. Когда образовался Трансвааль, отец **Крюгера** был назначен чиновником, ведущим списки граждан и ополченцев; его сын служил при нём для переписки; ему было тогда 13 лет и он, помогая отцу, научился составлять письма. Замечательные природные дарования и громадная память помогли **Крюгеру** дойти

до известной степени образования, отличавшей его от своих товарищей буров. **Крюгер** обладает даром слова, то есть умеет отлично говорить, он знает свой народ превосходно и смело и уверенно решает все дела. Его считают «железным» человеком. Благодаря хитрому своему уму, он сумел неоднократно провести англичан, разрушая и предугадывая их замыслы. Но положение **Крюгера** на его высоком посту весьма трудное. Ему приходится лавировать между «иностранным» населением края, обладающим образованностью, капиталами, предпримчивостью и прочим, и первобытным простым народом.

Буры Трансваала – народ сильный, энергичный, настойчивый, упрямый и отчаянно смелый, и потому борьба с ними не так легка, в особенности покуда во главе их стоят такие люди, как **Крюгер** и их замечательные сановники. Буры – не дипломаты и не тонкие политики, но всё же они отлично понимают, что уступки с их стороны англичанам составят начало полного захвата последними обеих республик. В речах, произносимых в Народном собрании, нередко слышатся голоса: «Да, мы крестьяне, мы сравнительно с переполненными нашу страну иностранцами бедные, необразованные крестьяне, но лучше остаться нам таковыми и пользоваться свободой, нежели сделаться рабами Англии и её представителя мистера **Сесиля Родса**». Буры – народ миролюбивый, на войну они смотрят как на кровопролитие, каждому сражению предшествует горячая их молитва о прощении и ниспослании победы.

«Один только Бог решит дело. Он – Господь неба и земли. Просите Его, да даст Он нам разум и силу для победы, дабы весь мир знал, что Бог держит в руках меч». Эти слова, сказанные президентом **Крюгером** при похоронах павшего в бою одного из военачальников буров, генерала **Кокка (Кока)**, невольно вспоминаются при взгляде на картину, изображающую войска буров на молитве перед боем.

Сознание, что «Бог держит в руках меч», проникает в душу каждого бура, видящего в победах своего народа Промысел, Его заступничество за маленький народ, отстаивающий свою родину, свою независимость, созданную десятками лет тяжкой

борьбы. В горячей надежде на помощь Божию они ринулись на борьбу с могущественнейшим врагом, словами и молитвами началось и закончилось заседание трансваальского парламента, постановившего начать войну. В своих молитвах буры не только просят у Господа ниспослание победы, но и, видимо, молят Всевышнего простить их за то, что они идут на кровопролитие, на братоубийство.

Из всего этого, что я вам рассказал, вы можете судить, что это за народ – буры, и чего от него можно было ожидать в настоящем столкновении.

Несмотря на всевозможные уступки со стороны буров, Англия всё-таки довела их до такого состояния, что им пришлось наконец взяться за оружие и силой защищать свою свободу и право. И, действительно, это единственное средство, которое им ещё остаётся, чтобы жить.

По прежним опытам англичане знали, что воевать с бурами не особенно легко. Ни один выстрел не пропадает у буров даром, да и время, когда пришлось начать войну, – октябрь месяца, – не особенно удачен, так как это начало сильных дождей. В течение октября, ноября и декабря дождь льёт беспрерывно, превращая равнину в непроходимое болото. При таких условиях бурам нетрудно было задержать наступление англичан в их страну, возможное только по двум путям. Военные силы Трансваала хотя и невелики, но надёжны. В мирное время постоянное войско состоит из 400 человек артиллеристов, шести отрядов кавалеристов (волонтёров) и трёх пехотных отрядов тоже из волонтёров. В военное же время всё мужское население страны от 16 до 60-летнего возраста берётся за оружие, так что Трансвааль может выставить в поле по меньшей мере 26 000 человек. По наружному виду войска буров не похожи на наши. У них даже нет определённой формы, но это нисколько не ослабляет их мужества и храбрости. В случае надобности, как это и оказалось, буры могли выставить до 75 000 войска, а соседняя с ними Оранжевая Республика – свыше 20 000 человек. Надо принять во внимание, что соседняя с Трансваалем страна – Оранжевая Республика – в дружбе и союзе с бурами,

потому что оранжисты точно так же, как и трансваальцы, не желают подпасть под власть англичан.

Во главе Оранжевой Республики стоит президент **Стейн**, тоже весьма энергичный человек. Он зачастую лично присутствует в сражениях, умело поддерживая воинский дух оранжистов для борьбы с ненавистным врагом.

По объявлении войны, буры всеми силами стремились к тому, чтобы военное счастье, то есть победы, в первое время войны было бы на их стороне, так как от этого зависит, на чью сторону склоняются остававшиеся в нерешительности африканские народы: **зулусы, свази** и другие.

Во главе трансваальских войск вначале стал генерал **Жубер**, ближайший друг и помощник президента **Крюгера**.

Жубер, умерший во время этой войны от болезни, происходил из французской семьи, давно переселившейся в Капскую колонию. Он считался одним из лучших знатоков военного дела в Трансваале и особенно славился умением вести оборонительную войну. Он руководил военными действиями во время войны 1880–1881 гг. с Англией и затем быстро и умело подавил «набег Джемсона». Буры не напрасно надеялись на своего предводителя, сумевшего не раз одержать победу над англичанами.

Главным начальником английских войск в Южной Африке сперва был назначен сэр **Редверс Генри Буллер**, тоже бывший в боях и долго служивший именно в Африке. Ему уже за 60 лет. Он участвовал в войне против **зулусов**, сражался против буров, состоя начальником штаба при главнокомандующем английской армией. Затем он отличился в сражениях во время Египетской кампании.

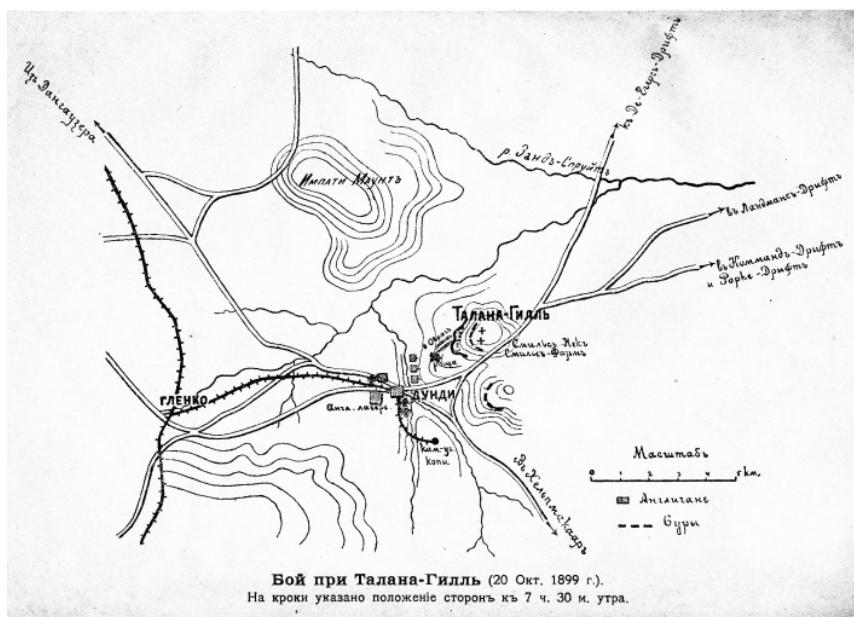
По истечении срока, назначенного **Крюгером** на 29 сентября (11 октября), отряды трансваальцев начали наступление с двух сторон – в юго-восточном и юго-западном направлениях; одновременно начали наступление и буры Оранжевой Республики. Оранжисты и трансваальцы решили подняться вместе, все как один, и старый и малый, для борьбы с притеснителями и нарушителями правды.

Бригадный генерал Юл (Brig-Gen Yule)

Генерал Пени-Саймонс

Бой при Талана-хилль. 20 октября 1899 г.

В ночь на 1 октября буры западного отряда атаковали блиндированный поезд, то есть такой поезд, вагоны которого обшиты бронёй. Он шёл из Капштадта в Мафекинг с двумя орудиями и артиллерийским отделением. Англичане знали, что неприятель угрожает железнодорожной линии со всех сторон. При виде неприятеля англичане могли бы дать задний ход и тем спастись бы; но они ринулись через линию буров и, прежде чем они достигли их, поезд сошёл с рельсов. В ту же минуту буры открыли огонь из орудий; англичане не могли отвечать на этот огонь, так как при сходе поезда с рельсов, их орудия опрокинулись. В таком положении англичанам, осыпаемым снарядами и пулями, осталось только сдаться в плен. На следующий день начался бой около города Мафекинга. Англичане были разбиты, и буры овладели окрестностями города.

С первых же дней военных действий война широко охватила всю границу Трансваала и Оранжевой Республики. Завязался ожесточённый бой. Буры сразу стали выказывать свои боевые способности. Город за городом, укрепление за укреплением стали переходить из рук англичан в распоряжение буров, победоносно движущихся вперёд, всё ближе на запад, к городу Кимберлею, в котором хранятся несметные сокровища в виде добываемых там бриллиантов, и заперся главный враг буров и один из виновников войны, **Сесил Родс**, захват которого буры обещали 50 000 долларов.

На востоке же они прежде всего стали подвигаться к порту Дурбану, служащему для англичан главным связующим пунктом со своей страной. Особенно сильный натиск буры стали выказывать на восточные границы. К 8 октября отряды буров после мелких стычек стали сосредоточиваться вблизи главного английского лагеря у города Ледисмита. 11 октября [старого стиля] буры произвели атаку на Гленко, заставив англичан отступить. Отступление было совершено при крайне неблагоприятных условиях, по испорченной дождями дороге, обходным путём к Ледисмиту. Англичане, отступая, вынуждены были бросить всех раненых, врачей, обоз с провиантом, тяжёлые орудия и боевые припасы; солдаты сбрасывали с себя

амуницию; сотни отставших попали в руки напирающих буров. Среди брошенных раненых оказался сам начальник отряда генерал **Саймонс**⁴⁷, которого в этом сражении заменил генерал **Юль**⁴⁸. С целью облегчить отступление войскам генерала **Юля** генерал **Уайт** вышел из Ледисмита, чтобы отвлечь на себя хотя часть неприятельских сил, но ничего не мог сделать и принуждён был отступить. Затем 18 октября буры атаковали английский отряд, причём англичане потерпели крупную неудачу. Войска генерала **Уайта** потеряли 42 офицера и 2000 человек нижних чинов одними пленными. Кроме того, весь эскадрон гусар и горная батарея сдались бурам. Замечательно, что в плен взяты не отдельные оторвавшиеся от своих частей люди, а целые строевые части, что свидетельствует о сильном нравственном их потрясении.

Каждая вылазка английских отрядов, каждый бой оканчивались потерей нескольких сотен солдат и десятков офицеров, частью убитыми, частью пропавшими без вести. Все эти «пропавшие без вести» обыкновенно оказывались пленными у буров. Это громадное число английских солдат, отдающихся в плен бурам, доказывает, как слаб боевой дух в английской армии.

Нам, русским, помнящим и свято чтящим былье боевые подвиги наших солдат и матросов, геройски умиравших и всегда готовых скорее взлететь на воздух со своею крепостью или кораблём, чем сдаться врагу, как-то странной, даже позорной кажется эта податливость английских солдат.

Полную противоположность представляют буры, отличающиеся непоколебимою верою и упованьем. Доказательством религиозности буров может служить следующий рассказ одного очевидца, голландца, случайно находившегося в лагере буров.

«Весь наш лагерь (в округе Претории) собрался в одно место для молитвы, мужчины стояли сплотившись, тесной кучкой⁴⁹. Вдруг в воздухе засвистали пули, с правой и с левой стороны от нас посыпались ядра. Англичане заметили, вероятно, с воздушного шара, скопление народа, и начали стрелять в нас.

Я обратил внимание одного из присутствующих на опасность и спросил его, не лучше ли нам разойтись.

— Нет, брат мой, — сказал бур, — пока мы молимся, Господь защитит нас, и они ничего не могут нам сделать.

И действительно, буры, несмотря на стрельбу, спокойно продолжали петь свои псалмы, а потом не спеша разошлись, оставшись все невредимыми. Когда я возвратился в свою палатку, то нашёл перед ней куски шрапнели, которые, может быть, убили бы меня, если бы я не присутствовал на богослужении. Случай этот произвёл на меня глубокое впечатление».

Успехи буров навели такой страх на англичан, живших в Трансваале, что они массами стали убегать из городов Претория и Йоханнесбург в более безопасные места. В то время как англичане, охваченные страхом, думали только о том, чтобы укрыться в безопасном месте, в Претории и других городах Трансваала кипела горячая работа. Буры, все до единого, решили отстаивать свою родину, и ежедневно собирались новые отряды, спешащие на помощь своим истомлённым уже борьбою братьям. Значительная часть мужского населения ушла в действующую армию, остальные же, по приказанию генерала **Жубера**, должны были приготовлять ружья и огнестрельные снаряды.

Воинов-буров сопровождают их жёны и дети, исполняющие различные не трудные, но крайне опасные обязанности, а именно: во время боя женщины и дети занимаются снабжением патронами своих близких. Английским солдатам и офицерам приходилось наблюдать, как к стрелковой цепи подносили патроны совсем маленькие дети, которые могли тащить с собой только несколько пачек патронов.

Англо-трансваальская война, вопреки ожиданиям англичан, затянулась довольно надолго и заставляет не на шутку английское правительство призадуматься. Артиллерия буров хотя и малочисленнее английской, но зато она вооружена почти исключительно скорострельными орудиями; прислуга при орудиях хорошо обучена. Единственное и весьма важное затруднение, в которое поневоле вначале были поставлены буры, — это осада

крепостей Ледисмита, Мафекинга и Кимберлея, так как в то же время бурам приходилось давать отпор английским войскам, двинутым на освобождение этих осаждённых городов.

Запертые в Ледисмите англичане находились в безвыходном положении: запасы патронов и снарядов уже иссякли, провианта тоже не особенно было много, сообщение было прервано, железнодорожные линии разрушены и даже бронированные поезда перестали служить англичанам и перешли в руки буров. Из Англии всё время отправлялись большие пароходы с сухопутными войсками.

1 ноября генерал **Уайт** пытался выйти из Ледисмита, но потерпел ужасное поражение. Большинство старших офицеров было убито или ранено. Убито и ранено более 1000 человек нижних чинов. **Жубер** предложил **Уайту** сдаться, но **Уайт** отверг это предложение.

Чтобы предупредить вторжение неприятеля в родную землю, буры сами пошли вперёд и вторглись в северную часть Капской колонии. Они заняли 20 городов и на большом протяжении Оранжевой реки взорвали мосты. Завладев северной частью Капской колонии, буры приобрели хорошие оборонительные позиции, каковыми представляются проходящие в этой местности горные цепи. Большое число африканеров Капской колонии присоединилось к вооружённым силам буров.

Вследствие этого главнокомандующему английской армии генералу **Буллеру** пришлось спасать запертого в Ледисмите генерала **Уайта** и в Кимберлее **Сесила Родса** и, таким образом, понадобилось раздробить прибывшие из Англии свежие силы на три части для одновременного выполнения трёх задач – на востоке, в центре и на западе широко раскинувшегося театра войны. В силу этого решения составилось 3 колонны: западная – под начальством лорда **Метуэна**, средняя – под командою генерала **Гатакра** и восточная, или натальская – под предводительством генерала **Клери**; тут же находился и сам главнокомандующий английской армией генерал **Буллер**.

Против генерала **Буллера** на восточном театре военных действий находился бурский главнокомандующий генерал

Жубер; на западе против генерала **Метуэна** – бурский генерал **Кронье**, который пользовался среди буров славою первого боевого генерала. Давно уже трансваальцы держались мнения, что по части военных хитростей, по неисчерпаемой изворотливости, никто не в состоянии состязаться со старым искусным тактиком, который ещё в 1881 г. принудил к сдаче английский гарнизон Потчефстрома, а впоследствии сумел заманить в Дорнкоп войска **Джемсона**. На юге против английского генерала **Гатакра** умело и энергично действовал бурский храбрый генерал **Оливье**⁵⁰.

В середине ноября на западном театре военных действий при реке Моддер произошёл ряд крупных сражений, окончившихся полной неудачей для английского оружия, несмотря на то, что англичане численностью в десять раз превосходили своего врага. Особенно неудачен здесь для англичан был бой 16 ноября. 8 000 буров заняли позицию на северном берегу реки Моддер. Река эта имеет обыкновенно 30 футов ширины, но тогда, в период дождей, она была вдвое шире и течение её было так быстро, как течение горного потока. Оба берега покрыты густым кустарником, а на левом берегу её возвышаются ещё группами большие скалы. Буры расположились по ту сторону этих скал, служивших им действительно великолепным прикрытием. В 5 часов утра английские колонны развернулись для боя, артиллерия открыла огонь, и войска двинулись вперёд к реке Моддер, прикрываясь кустарником. Буры, расположившиеся за скалами, стреляли по англичанам, словно как по мишени. Наступал полдень, англичане, поражаемые меткими пулями буров, несли тяжкие потери. Нестерпимая жара, голод, жажда были причинами сильного переутомления англичан. Несколько английских орудий были сбиты с лафетов; прислуга при орудиях перебита, а между тем англичане находились почти в таком же расположении неприятеля, как в начале боя. В 2 часа дня генерал **Метуэн** двинул вперёд все свои резервы, стараясь переправиться через реку. Генерал лично подвергал себя страшной опасности, но все его усилия оказывались тщетными. Наступавшая темнота принудила генерала **Метуэна** пре-

кратить бой. Войска были совсем измучены, не говоря уже о понесённых ими потерях. Некоторые полки лишились половины офицеров, а в морской бригаде все офицеры, за исключением двух, были перебиты.

На севере Капской колонии генерал **Гатакр**, армия которого должна была перейти южную границу Оранжевой Республики, не мог выполнить своей задачи вследствие восстания африканеров на южной границе Оранжевой Республики и замечательных действий бурского генерала **Оливье**, предугадывавшего все планы генерала **Гатакра**, которого он разбил в нескольких сражениях.

На востоке, в 10 верстах от Эст-Корта, английские войска потерпели полную неудачу; при этом во время ночного движения один английский батальон открыл огонь по другому английскому же батальону, который, в свою очередь, бросился в штыки против ошибочного врага. Когда наконец ошибка обнаружилась, то всё поле уже было усеяно трупами.

Вслед за этими поражениями английский генерал **Метуэн** проиграл большое сражение у Маггерсфонтейна. Отряд лорда **Метуэна** состоял из 3-х пехотных бригад, 2-х полков кавалерии и 6-ти батарей; пехотные бригады состояли главным образом из гвардии и батальонов гайлендеров и гордонцев. Вообще весь этот отряд принадлежал к цвету английской армии. Англичане в несколько раз превосходили своего врага. Бой начался с рассвета 28 ноября и в продолжение 15-ти часов англичане тщетно пытались произвести атаку. Буры перехитрили своего врага. Когда артиллерия англичан заняла позицию на одной из возвышенностей и открыла огонь по позиции буров, то орудия последних сперва отвечали, но затем стали как будто смолкать. Ободрённые этим, англичане решили, что настал момент решительной атаки; но когда они подошли на 150 саженей от расположения буров, то из окопов вновь начался такой страшный огонь, что противостоять ему не было никакой возможности. Устилая поле сражения телами убитых и раненых, англичане поспешно отступили и более уже не пытались возобновлять атаки. Потери англичан были громадные; кучи тел

*Британское полевое орудие в походном положении (прицеплено с передком),
захваченное бурами в сражении при Стромберге в 1899 г.*

покрывали поле сражения. Общая потеря генерала **Метуэна** простиралась до 2000 человек.

В тот же день на юге генерал **Гатакр**, рассчитывая застать буров врасплох, вблизи Стормберга предпринял ночной марш и вследствие хорошо организованной бурами сторожевой службы генерал **Гатакр**, втянувшись в лощину, сам попал в засаду. Не успели они втянуться в лощину, как вдруг совершенно неожиданно начался страшный огонь справа. Произошло полное замешательство; оторопевшие солдаты в панике бросались на возвышенность, которая оказалась занятой бурами и откуда посыпался град пуль на оторопевших англичан. Английские войска, не спавшие всю ночь, проведшие 33 часа на ногах, из которых три часа под метким огнём буров, положительно бежали. Буры взяли 3 орудия и 672 человека, пленными; общая потеря англичан в этом деле простирается до 1200 человек. Известие о тяжёлых поражениях, понесённых отрядами генерала **Гатакра** под Стормбергом и генерала лорда **Метуэна** под Маггерсфонтейном, побудило генерала **Буллера** произвести атаку с целью освободить Ледисмит. Если бы она ему удалась, то это был бы успех, который мог бы заставить англичан позабыть о тяжёлых ударах, испытанных британским оружием. Генерал

Буллер имел в распоряжении для этой цели 20 000 человек. С целью уяснить себе хорошенко расположение неприятельской позиции англичане открыли сильный огонь, но буры не отвечали; молчание их на этот раз оказалось ловкою хитростью; на самом же деле они занимали на северном берегу реки Тугелы прекрасно укреплённую позицию, во многих пунктах которой были устроены окопы в 3 яруса. Буры засели до решительной минуты в стрелковых ровиках, покрытых листвою и огороженных проволочными сетями. Когда же английские войска двинулись на штурм, то они очутились под перекрёстным огнём и несли страшные потери. Тщетно прискакавший сюда генерал **Буллер** старался восстановить порядок, подвергая себя большой опасности; несколько адъютантов и офицеров штаба **Буллера**, генерал **Клери**, начальник артиллерии полковник **Лон** были убиты; а затем, в какие-нибудь полчаса, все офицеры и до половины артиллерийской прислуги оказались убитыми или ранеными; прежде чем успевали запрячь орудия, приводимые лошади падали под неприятельскими выстрелами; таким образом, пришлось бросить 11 орудий и все зарядные ящики. Английские войска бежали в страшном беспорядке; буры не преследовали их, но провожали их сильным и метким огнём. Англичане потеряли 62 офицера и 1 105 нижних чинов.

Таким образом, английские войска потерпели на одной неделе три тяжких поражения – при Маггерсфонтейне, под Стромбергом и на реке Тугеле.

Известия об этих поражениях произвели на Англию сильное, потрясающее впечатление; вся Англия погрузилась в глубокую печаль.

Потеря англичан могла быть ещё несравненно больше, если бы буры, после того как отразили их нападение и обратили в бегство, продолжали бы их преследовать. Но буры не истинные воины – они только обороняются и отражают, отнесясь к военным действиям как к неизбежному злу. Как только исчезает эта неизбежность, их орудия умолкают, их ружья опускаются.

Они, видимо, стремятся пролить как можно меньше крови – этим только и можно объяснить, что буры дали отбитым ан-

глийским войскам спокойно переправиться назад через реку Тугелу. Это не растерянность с их стороны – блестящая победа могла их только воодушевить к преследованию и полному уничтожению врага, припертого к реке, – нет, это строгая последовательность действий, это стремление ввести нравственные, христианские начала даже в такое дело, как война. При всей своей военной неопытности буры так умело распределили свои войска, что совершенно разъединили силы англичан. Почти все английские войска обречены на неподвижность не потому только, что их окружили буры, умело воспользовавшиеся природными условиями – горами, оврагами, непроходимыми вброд реками и прочее, но и благодаря своим огромным обозам, задерживающим переходы.

Буры же совершенно избавлены от этих громадных обозов: они в своей стране, съестные припасы им доставляются беспрерывно, небольшими частями, всюду их гостеприимно принимают. Притом, бурам вовсе не нужно такого обилия и таких дорогих съестных припасов; привыкшие довольствоваться малым, нетребовательные в обыденной жизни, они ещё более неприхотливы на войне, и в этом громадное преимущество мужиков-боевров над изнеженными воинами великой Британской империи!

Да! Не так-то легко оказалось на деле тягаться с бурами, как англичане предполагали до войны.

В настоящее время все европейские народы возмущены этой войной; во всех городах Европы производится сбор пощертований в пользу буров, устраиваются концерты, спектакли и разные празднества с целью оказать им денежную поддержку. Что касается России, то тут не только собираются пощертования, и притом довольно значительные, но даже был отправлен в Трансвааль санитарный отряд Красного Креста и идут добровольцы. В самой Англии начинают уже раздаваться голоса о примирении с бурами. Пастор одной из выдающихся церквей открыто, в речи, призывал королеву **Викторию** покончить миром несчастную войну. Нельзя не присоединиться к этому возвзванию и нам. Действительно, совершенно напрас-

но и незаконно возгорелась эта война. В силу того обстоятельства, что число европейских народов, прибывающих в Трансвааль, с каждым годом всё делается больше и больше, можно было предположить, что через несколько лет «крестьянская страна» распалась бы сама собой и без такого ужасного насилия со стороны англичан. Англичане поторопились, сделали крупную ошибку и тем возбудили против себя неудовольствие всех европейских народов. Несмотря на поражения, понесённые англичанами, их решение победить и сломить буров осталось непоколебимым.

В Лондоне, по получении депеши о новом поражении на реке Тугеле, созван был совет министров, на котором было решено отправить несколько пехотных дивизий и кавалерийских бригад, убыль офицеров пополнить экстренным выпуском последнего класса военной школы, и так как положение дел в Натале требовало постоянного присутствия генерала **Буллера**, было решено передать общее командование английскими войсками фельдмаршалу **Робертсу**. Это маленький, но крепкий человек; большую часть своей жизни он провёл в индийских войсках. Ему в настоящее время 70 лет. Он участвовал во многих сражениях. В этой войне на реке Тугеле погиб его сын, лейтенант **Робертс**⁵¹, который был ранен пулей в живот в тот момент, когда он пытался спасти пушки, оставленные прислугой.

Начальником штаба лорда **Роберта** назначен лорд **Китченер**. Это генерал, приобретший себе известность в борьбе с дикими суданскими племенами. Привыкнув вести войны с дикими племенами, он не останавливается в выборе всяких непозволительных средств при ведении войны, лишь бы эти средства оправдывали цель. Он не пользуется никаким уважением даже среди своего войска: об отсталых, больных и раненых он не имеет никакого попечения.

Между тем положение осаждённого Ледисмита сделалось очень тяжёлым. Это побуждало генерала **Буллера** поспешить на выручку Ледисмита. Неоднократно повторенные наступательные движения закончились известным поражением англичан при **Спиона-скопе**, в котором боарами предводительствовал

молодой генерал **Людвиг Бота**, заменивший на время заболевания **Жубера**. В начале этого сражения английскому отряду удалось взять часть позиций бозеров, но оправившиеся буры осыпали их таким убийственным орудийным и ружейным огнём, что английский генерал **Уоррен** вынужден был вскоре отступить со страшными потерями. Наиболее сильное на англичан впечатление произвела фронтальная атака буров и то, что они в первый раз приступом взяли позицию, занятую англичанами, не страшась штыков. Английские генералы постоянно подчеркивали, что буры сражаются под прикрытием утёсов и в траншеях, но после этого англичане поняли, что «буры на всё способны», если только обстоятельства требуют особых усилий. Из многочисленного отряда в несколько тысяч человек вернулось очень мало.

Положение осаждённых английских крепостей Ледисмита, Мафекинга и Кимберлея становилось ужасным, так как съестные припасы, фураж и боевые припасы приходили к концу. Комендант крепости Кимберлея полковник **Баден-Пауэлл** несколько раз производил отчаянные вылазки, но каждый раз принуждён был возвращаться в крепость, неся большие потери убитыми и ранеными.

После всех этих поражений весь интерес сосредоточился на операциях главнокомандующего лорда **Робертса**, лично принявшего начальство над войсками, собранными на реке Моддер. Генерал, собрав на реке Моддер огромное войско, быстро двинулся для освобождения Кимберлея. Генерал **Кронье**, имея незначительное число войск, был принуждён снять осаду с Кимберлея и решился броситься в тыл армии **Робертса**, но, получив поздно уведомление о наступлении генерала **Робертса**, он во время своего движения на восток принуждён был задерживаться, обороняясь от лёгких неприятельских частей, вследствие чего он вскоре был окружён всей армией генерала **Робертса**. Генерал **Кронье** ещё мог бы уйти, если бы он решился бросить тяжёлые орудия и обоз, но он не хотел ими пожертвовать. Немало затруднений создало для буров присутствие в их лагере женщин и детей, кото-

рые вместе с войсками зачастую делят все труды походной жизни. **Отряд Кронье** силою около 4 000 человек расположился в длинном овраге. Все атаки англичан были отбиты с большим для них уроном. Генерал **Робертс**, убедившись, что овладеть такой позицией можно только с огромными потерями, решил обстреливать её артиллерией вплоть до сдачи. 100 орудий были направлены на этот маленький лагерь; лиддитные снаряды подымали громадные клубы дыма – это был настоящий ад! Наконец, после того как англичанам удалось взорвать повозки с боевыми припасами и обезоружить таким образом боевиков, генерал **Кронье**, израсходовав последний заряд, вынужден был после десятидневной обороны положить оружие. Десять дней горсть храбрых буров, с храбрейшим из храбрых во главе отбивалась в теснинах реки Моддер от неприятеля, более чем в 10 раз сильнейшего, руководимого лучшим из английских генералов. Два миллиона снарядов пришлось **Робертсу** истратить на горсть храбрецов, которых он рассчитывал засыпать свинцом и осколками чугуна, рассчитывая удушливым газом лиддита задушить их дыханье.

После целого ряда постыдных поражений – это была первая победа, выпавшая на долю англичан. Ликование было всеобщее. Множество городов украсилось флагами, устраивались иллюминации, рассчитывая возвыситься этими детскими про-делками, на которые все народы смотрели с величайшим презрением.

Если **Робертс** и победитель, то **Кронье** положительно герой. Он и его отряд беспримерной борьбой доказали всему миру, какой нравственной силой обладают буры. Правда, ведь какими бы ни были мужество и самоотверженность буров, блистательный пример которых показала геройская самооборона **Кронье**, вызвавшая удивление и преклонение во всём цивилизованном мире, как бы ни были благоприятны для них шансы борьбы на собственной земле, прекрасно защищённой природой и очень удобной для народной войны, численное превосходство английских войск слишком велико, чтобы можно было

их легко сломить, тем более, что по сие время эта армия находилась в опытных и умелых руках фельдмаршала **Робертса**, сдавшего ныне главнокомандование генералу **Китченеру**.

После ряда позорных для англичан поражений и уступая сосредоточенной большой английской армии, боэры наконец сняли осаду с крепостей и сдали обе столицы – Преторию и Блумфонтейн. В настоящее время боэры не только в тылу английской армии, но и повсюду окружают их. Они уничтожают пути сообщения, перехватывают поезда с войсками и транспортами, уничтожают телеграфные линии, зачастую захватывают целые отряды и гарнизоны городов, и таким образом они успешно ведут партизанскую войну по всему пространству своего отечества. Ими руководит молодой бурский генерал **Людвиг Бота**, заменивший умершего от болезни желудка храброго генерала **Жубера**. **Людвиг Бота** – победитель англичан при Спионскопе, человек опытный, энергичный и решительный, пользующийся большим доверием и любовью среди войск буров. Все народы, интересующиеся этой войной, знают примеры человечного обращения его с ранеными и пленными, уважение его к убитым врагам. Англичане принуждены иметь гарнизоны в городах, охранять на длинном пространстве железные дороги, чтобы получать подкрепления, боевые и жизненные припасы и, таким образом, по необходимости разбивают свои силы, подставляя их под удары незначительных боэских отрядов. Ввиду тяжести войны англичане в настоящее время ведут самую постыдную войну, попирая все международные договоры о войне между цивилизованными народами. Всё, что могло бы сломить и поколебать сопротивление боев, предпринимается с большим ожесточением: подкупы, ложные обещания, прокламации, насилие, грабежи, избиение мирных жителей, женщин и детей и даже доходят до угроз смертью доблестному президенту **Крюгеру**. Но пока во главе боев стоят такие военачальники, как **Бота**, **Девет**, **Оливье** и **Мейер**, трудно будет англичанам сломить сопротивление боев.

Даже и теперь положение в Южной Африке таково, что внушает англичанам серьёзные опасения. В Южной Африке

настало снова дождливое время года, которое должно гибельно отразиться на английской армии, растянутой на громадном пространстве обеих республик; во всём занятом англичанами районе господствует голод и опустошение; все фермы сожжены англичанами. Боэры ежеминутно тревожат их; они не видают их, но чувствуют их присутствие. Стоит только нескольким английским офицерам отъехать от лагеря, как незримые пули поражают их.

Рассчитывая найти правду, буры отправили в Европу миссию из нескольких сановников с целью добиться вмешательства держав как третейского суда, но, по-видимому, трансваальская дипломатия потеряла всякую надежду; европейские государства хранят полный нейтралитет, несмотря на то что англичане попирают ногами все международные договоры о войне, ведя самую варварскую войну.

Судя по последним известиям из Капштадта, самые зверства англичан грозят обратиться против них. Возмущённые истязанием женщин и детей в Трансваале и Оранжевой Республике, Капские африканеры готовятся ко всеобщему восстанию. Компетентные лица утверждают, что если все капские колонисты голландского происхождения действительно восстанут, то Англии придётся послать в Южную Африку ещё сто тысяч человек, которые ей будет уже решительно негде взять.

Англичанам ещё трудно победить буров. Партизанская война, ведомая этими героями, может быть гибельной для всей английской армии, которой поневоле пришлось растянуться, с целью охранения железнодорожных путей сообщения и телеграфных линий. Боэрские войска, всегда с полным успехом одерживающие победы над вдесятеро сильнейшим врагом, теперь могли бы быстро справиться с этой армией, но англичане ведут себя как в завоёванной стране, присоединённой к английским владениям, и за каждое поражение, нанесённое боэрами английским войскам, англичане уничтожают их фермы, убивают жён, детей; при таких условиях борьба для боевров слишком тяжела.

Чтобы добиться наконец вмешательства держав, в настоящее время прибыл в Европу престарелый президент Трансва-

альской Республики **Крюгер**, дипломатические способности и проницательный ум которого вызывали удивление самого **Бисмарка**.

Престарелый **Крюгер** приехал в Европу, одетый в траур по несчастиям своей страны, с именем Бога на устах, он является издалека не только представителем своего народа, но и судьёю английского бесправия. Пожелаем же от души, чтобы скорее умолк свист пуль и бомб, скорей утихли бы алчные порывы и настал желанный всеми мир!

Не станем отчаиваться в успехе боев, не будем терять надежды в том, что добро восторжествует над злом и правда – над бесправием!

Всеми глубокочтимый пастырь, отец **Иоанн Кронштадтский**, сказал: «Господь есть праведный Царь и Судия всех народов и всем воздаст по делам их!»⁵².

Перейдём теперь к совету бурских вождей, обсуждавших дальнейшую стратегию действий:

Х

Отступление буров после боя за позицию у Дальмануты. Совет в Ватерфаль-Ондере. План дальнейших действий

Итак, как я уже сказал, буры не приняли штыковой атаки англичан, уклонились, по обыкновению, от рукопашного боя. Прекратив свой меткий, убийственный ружейный огонь с приближением неприятеля на расстояние около 150 шагов, они бросились к коням, стоявшим сзади укрыто за скалами, и исчезли в лабиринте ущелий и закоулков.

Англичане удовольствовались вполне занятием станции Дальманута (Боргендал) и близлежащих холмов. Они не рисковали вытеснить буров одним махом, так сказать, с других, более отдалённых пунктов позиции, а остались на месте ночевать, зная наперед по опыту, что буры, из опасения быть отрезанными, сами покинут занятые ими горы.

На самом деле так и случилось. Ближайшие к железной дороге **Лонг-Томы**, стоявшие верстах в 2 от неё, снялись со своих позиций спустя час после занятия Дальмануты, расстреляв предварительно все снаряды; другие же два **Лонг-Тома** были увезены часа два спустя. Тут неизвестно, чему более удивляться, недостатку ли боевой предприимчивости у англичан, или быстроте отступления тяжёлых осадных орудий из-под самого носа неприятеля. Во всяком случае, факт налицо, **Лонг-Томы** отступили беспрепятственно, в полном порядке и сохранности, а команды вместе с ними.

В последний момент боя разыгрался, между прочим, очень интересный эпизод. В этот день с самого раннего утра на станции Дальманута стоял под парами в полной готовности паровоз с несколькими вагонами, в числе которых был один белый, с весьма явственно изображённым на нём красным крестом, – это был перевязочный пункт. Другие два вагона предназначались для станционных железнодорожных служащих. Принимая в соображение беспорядочность стрельбы английской артиллерии в смысле меткости, следует признать, что поезд этот, оставаясь на посту своём до последней минуты, подвергался серьёзной опасности, отдававшись незначительными повреждениями. Если локомотив и уцелел, то это благодаря только счастливой случайности. Как только южанесбургцы отступили, раздался свисток, и поезд, осыпаемый градом пуль, полным ходом скрылся...

Этот же поезд привёз первую весть в Машадодорп о взятии англичанами Дальмануты и об отступлении южанесбургцев.

Известие это в один миг облетело все фургоны, шатры, все самые отдалённые биваки. Для всех дело стало ясно, никто и не стал выжидать дальнейших известий – южанесбургцы отступили, значит, все будут отступать. Весь гигантский муравейник вдруг зашевелился. Начался переполох, беготня, собирание стад, табунов, укладывание пожитков в фургоны, за прягание волов....

Всё это стало с поспешностью вытягиваться бесконечной вереницей по узкой дороге, ведущей на восток. Все с трепетом

поглядывали на Витранд, не появится ли там зловещий клубок белого дыма, указывающий на появление неприятельской батареи. Началось бы тогда беспощадное истребление всего этого беспомощного люда, сбитого вместе с повозками, стадами, в одну плотную, кишащую массу...

Буры, не имеющие почему-либо перевозочных средств, с многочисленными семействами на руках, бросились с отчаянием к вагонам, брали их силой, с бою, и нагружали их женщиными, детьми, своими бренными пожитками... В этот момент едва ли кто был бы в силах их оттуда удалить.

Комиссарский склад был открыт и растилкивался по рукам. Беспрерывно прибывали люди из различных команд. Одни торопливо раскладывали костры и варили кофе; другие, потолкавшись и переговорив кое с кем, поспешно куда-то исчезали. Такая деятельность кипучая, лихорадочная, стихийная, продолжалась всю ночь напролёт.

Стояла тихая, тёмная ночь. Вдали, к стороне неприятеля, на высокой вершине сиял громадный керосиновый факел, который служил ориентировочным пунктом, единственным вы этой непроглядной темноте для всех отступающих.

Оба президента, **Крюгер** и **Стейн**, находились в Ватерфаль-Ондер. Из представителей правительства в Машадодорпе оставался лишь один статс-секретарь **Рейц** со своим секретарём. Смело можно сказать, что в данное время среди всей этой обезумевшей толпы это был единственный человек, сохранивший полное невозмутимое спокойствие и с которым можно было до чего-нибудь договориться.

Надо заметить, что **Рейц**, как патриот и политический деятель, представляет (из себя) выдающуюся личность. До 1898 г. он был президентом Оранжевой Республики. Преемником его стал **Стейн**, человек могучего характера и ума, пользующийся громадным влиянием среди буров. Затем, в трудный период после «Джемсоновского набега» согласно желания народного совета **Рейц** был избран статс-секретарём Трансваальской Республики на место доктора **Лейдса**, отправленного послаником в Гаагу.

Рейц в обеих республиках одинаково популярен иуважаем. Он известен как человек высоко даровитый, безукоризненно честный и непреклонной силы воли. В обращении с людьми он отличается редкой простотой, приветливостью и большим юмором.

Если буры до сих пор ещё продолжают борьбу, несмотря на всевозможные соблазны и ужасы, пущенные в ход англичанами, то львиная доля заслуг в этом принадлежит трём лицам, – обоим президентам и **Рейцу**. Он не любитель публичный речей, но его непоколебимый взгляд на эту борьбу отлично известен всем бурам от мала до велика: сражаться до последней пули, до последнего человека, до последней капли крови!

В этот злополучный вечер, когда пала позиция, на которую буры так твёрдо надеялись, когда уступлена была неприятелю ещё пядь родной земли. **Рейц** неподвижно сидел в своём вагоне с неизменной трубкой, погружённый в тяжёлые думы, с угрюмо и сурово сдвинутыми бровями, с видом человека, страшно придавленного нравственно, но сохранившего всю свою энергию и мужество. Таким застали его мы, иностранные офицеры, когда вошли в вагон с целью осведомиться, что предпринимает правительство в ближайшем будущем, куда отступают бурские войска, куда нам деваться и так далее. Эти вопросы имели первостепенное значение не только для буров, но и для военных атташе, которые при весьма малой заботливости о них правительства почувствовали себя в довольно неопределённом положении.

Дело в том, что сразу же после отступления йоханнесбургцев прискакал на бивак секретарь главнокомандующего с приказанием немедленно укладываться и отступать через Машадо на Лейденбург. Относительно же иностранных офицеров было передано тем же секретарём довольно загадочное распоряжение: генерал **Бота** предлагает вам, господа, отступить в Машадо, где вы, может быть, будете иметь возможность отправиться сейчас же по железной дороге в Ватерфаль-Ондер, или дальше.

Мы были в полном недоумении, – было ли это категорическое приказание, или предложение, оставляющее за нами не-

которую свободу действий. От дальнейших объяснений секретарь отказался по недостатку свободного времени и мы решились впредь до выяснения этой загадки отступать в Машадо, а там – что Бог даст.

Американский атташе капитан **Рейхман** остался при особым мнении и с чисто американской самостоятельностью решился отделиться от нас и последовать за **Бота**. Он двинулся со своим обозом на лейденбургскую дорогу и с наступлением сумерек остановился в ожидании **Бота**. Как оказалось впоследствии, ему не удалось осуществить своё намерение.

Прибыв в Машадо мы прямо направились к статс-секретарю **Рейцу** как единственному авторитетному лицу после **Бота**. Он находился, как я уже сказал, у себя в вагоне и сидел с трубкой в глубокой задумчивости, с усталым и угрюмым лицом. Увидя нас, он тяжёло приподнялся, глубоко вздохнул и молча стал здороваться, крепко-крепко пожимая наши руки. Этим немым рукопожатием он выразил красноречивее всяких слов всю глубину страдания его наболевшей души. Из уважения к этому почтенному старцу никто не решался заговорить о нашем частном, сравнительно маловажном деле. Все молчали. Он первый заговорил:

– Божья воля! Отступили... Время ещё не настало... Бог нас не оставит! Я догадываюсь, господа, что вас привело ко мне. К сожалению, я теперь ничего определённого не могу сказать вам. Ожидая **Бота**. Сегодня будет совет. Когда решим, что нам делать, дадим вам своевременно знать. Пока одно вам скажу. Слушайте, говорю от имени этого несчастного народа! Не покидайте нас! Куда бы мы ни пошли, где бы нам не пришлось проливать нашу последнюю каплю крови, ваше присутствие среди нас будет всегда для нас большим утешением. Не покидайте нас, делите с нами и маленькие наши радости, и большие горя. Пока вы с нами, англичане не посмеют объявить нас бунтовщиками. Ведь этого только не хватает!

Мы решили не дожидаться **Бота** и, не теряя драгоценного времени, двинуться в Ватерфаль-Ондер, чтобы прибыть туда к рассвету.

Нас побудили так поступить довольно серьёзные соображения. Во-первых, **Бота** по прибытии в Машало должен был немедленно отправиться с **Рейцем** в Ватерфаль на совет; во-вторых, по всем логическим соображениям, англичане должны были появиться в Машало на другой день ранним утром и продолжать затем энергичное наступление вдоль железной дороги, двигаясь на плечах отступающих. О перевозке по железной дороге нам нечего было и думать, пришлось выступить походным порядком. Путешествие это среди непроглядной тьмы, по горным кручам, через многочисленные ручьи было не из лёгких.

Вступая утром в Ватерфаль-Ондер, мы уже издали заметили американский флаг у одной из повозок. Тут же у костра на камне восседал и сам капитан **Рейхман**, обложенный кругом выгруженным им из повозки имуществом, наблюдая с невозмутимым видом за поставленным на огонь котелком с рисом.

Оказалось, что накануне ночью он дождался таки **Бота** у поворота дороги на Лейденбург и высказал ему желание не разлучаться с ним. **Бота** же без объяснения побудительных причин повторил ему своё категорическое предложение, чтобы военные атташе не отступали от данного им маршрута, и настоял на том, чтобы **Рейхман** возможно скорее присоединился к ним. **Рейхману** не оставалось ничего другого, как исполнить желание главнокомандующего.

В эту же ночь при участии **Бота** состоялся военный совет. Принятое им решение не внесло существенных перемен в пассивный образ действий отряда **Бота**, практиковавшийся им со взятия Претории.

По словам **Рейца**, **Бота** весьма энергично настаивал на перенесении военных действий в лейденбургский округ, где он берётся действовать с большим успехом, где сосредоточены большие запасы продовольствия, а местность в высшей степени способствует развитию партизанских действий. Железная дорога, по заявлению **Бота**, связывает его по рукам и ногам, а потому её следует бросить возможно скорее, тем более что без неё можно свободно обойтись, а отдать её неприятелю рано или поздно придётся.

Статс-секретарь **Рейц** оспаривал мнение **Бота**. Он не менее энергично стоял за упорную оборону железной дороги как единственной питающей артерии. Его доводы были не менее убедительны. Перебраться в горы Лейденбургского округа и использовать имеющиеся там запасы будет всегда возможно и после потери железной дороги. В настояще же время, при общем отступлении в Лейденбург пришлось бы туда перебираться и правительству, а подвергать престарелого президента всем величайшим трудностям путешествия верхом по едва проходимым диким горам и рекам, держать его на биваке под открытым небом при его расстроенном здоровье, едва ли кто решится.

Строго говоря, и **Бота**, и **Рейц** были правы, каждый со своей точки зрения. Совет принял среднее решение, удовлетворяющее каждого из них. Железнную дорогу решено было удержать за собою, оброняя её малыми силами, исподволь уступая неприятелю. В то же время, генерал **Бота** должен был оперировать на фланге и в тылу неприятеля севернее железной дороги. Заманивая его в горы, оттягивать, таким образом, значительную часть неприятельских сил от железной дороги.

Из того, что мнение **Рейца** как будто восторжествовало, можно заключить, что в это время уже назревал проект поездки **Крюгера** в Европу, но проект этот до поры до времени сохранялся в глубочайшей тайне по весьма понятной причине. Этот важный во всех отношениях акт требовал тщательной подготовки и предварительных дипломатических сношений, – на всё это нужно было время. Хотя Португалия сохраняла ещё официально нейтралитет, но это лишь под давлением общей симпатии португальского народа к бурам, правительство же обнаруживало уже некоторые симптомы политического благоразумия, а потому в прочность заверений в дружбе и нейтралитете бурам не особенно верилось.

Замечательно, однако, что при таком строгом сохранении секрета в то же самое время в Претории среди пленных буров носились уже упорные слухи о намерении обоих президентов покинуть страну через бухту Делагоа. Из этого не следует выводить заключения, что тайна была непременно выдана

кем-нибудь. Факт этот, скорее всего, доказывает, что отъезд **Крюгера** в Европу был неизбежным и вполне естественным последствием данной обстановки, а обстановка эта правильно понималась и оценивалась бурами.

После совещания, в ту же ночь с 27 на 28 августа, президент **Крюгер** вместе со **Стейном** отбыл в Нельспруйт, где согласно изданной прокламации назначалось официальное место пребывание правительства (Приложение 3).

Во исполнение решения совета генералу **Бэн Вильюну** было поручено прикрытие железной дороги. Отряд его численностью около 500 человек состоял наполовину из иностранцев-волонтёров.

Включение в состав отряда **Вильюна** всех волонтёров было сделано неспроста. Большие затруднения, которыми стало сопровождаться комплектование войск лошадьми, и почти полное исчезновение всех запасов одежды и обуви привело многих людей в весьма плачевный вид. В особенно бедственном состоянии оказались волонтёры. Все пешие, оборванные и почти босые люди, не имели, конечно, никакой возможности следовать за **Бота** в горы и главнокомандующий распорядился оставить их при железной дороге, которой они могли пользоваться при отступлении.

Участь их в будущем при неизбежной сдаче железной дороги неприятелю представляла, таким образом, мало утешительного.

Что их ожидало? По меньшей мере, английский плен. Эта плачевная перспектива не могла не отразиться на нравственном состоянии этих людей, что без сомнения пагубно повлияло на упорство обороны. С каждым днём, с каждым шагом назад настроение их становилось тревожнее и тревожнее, а раздражение против неблагодарного правительства, уготовившего им такую горькую участь, росло и росло.

Все, кому только посчастливилось раздобыть лошадь, бежали к северу в горы и присоединялись к **Бота**, а остальным оставалось продолжать осаживать под напором неприятеля вплоть до границы португальской.

Бота, отступив с позиции, остановился к северу от Машадодорпа у фермы Гельвеция, на дороге ведущей в Лейденбург. Вдогонку за ним двинулся было отряд конной пехоты **Денданальда**, но вскоре, согласно донесения **Робертса**, преследование пришлось прекратить у Гельвеции, так как почва затрудняла движение, а неприятель (буры) мог занять позицию настолько сильную, что войска не могли бы вытеснить его оттуда.

Англичане тем временем подвигались вдоль железной дороги, не встречая нигде особенно сильного сопротивления: 28 августа утром занят ими Машадодорп, а 29 – Ватефваль-Бовен и Ватерфаль-Ондер.

Отряд **Б. Фильюна** отступил в Нойтгедах, потеряв за эти два дня всего 5 человек ранеными⁵³.

Любопытные сведения об освобождении пленных в сентябре 1900 г. описывал позднее в своём отчёте вышенназванный российский офицер капитан **фон Зигерн-Корн**:

XI Нойтгедахт. Освобождение пленных

В Нойтгедахте были сосредоточены все пленные англичане, около 2000 человек.

Громадная квадратная площадь у реки Эландс сплошь была покрыта всевозможных размеров и типов шалашами, соломенными и тростниковые, и палатками. Весь лагерь был обнесён тройным забором из колючей проволоки и ночью освещался электрическими фонарями.

Фактическое окарауливание пленных производилось 20-ю бурами всего. При таких условиях совершение побега не требовало особого удачства. Однако за всё время пребывания в плену ни одного побега, по крайней мере со стороны нижних чинов, не было, - и не было желающих.

30 числа утром пленным было объявлено, что они будут в этот же день освобождены и отправлены к своим в Ватерфаль-

Ондер. Офицеров и иоманри решено было удержать и отправить под сильным конвоем в другое, более надёжное место. (Отправлены в Бамбертон.)

В официальном бурском «Вестнике» было сказано по этому поводу, что дарование свободы пленным делается с целью освободиться от лишней обузы. Хотя мера эта на первый взгляд может показаться непрактичной и излишне сентиментальной, но, приняв во внимание данную обстановку и последствия этой меры, нельзя не признать, что буры от этого ничего не потеряли, напротив.

Вот какими соображениями руководствовалось правительство. Вследствие начавшихся уже разных дипломатических затруднений в доставке припасов через Делагоа, в продовольствии войск начал чувствовать недостаток. Охрана и конвоирование при пересылке такой большой партии пленных, при всем их миролюбии, поглотила бы сравнительно много людей, которые могли принести большую пользу в действующих командах: 20 человек буров – это уже не маковое зерно, а внушительная сила. Наконец, известно было доподлинно, что все эти пленные ничуть не горели нетерпением быть освобождёнными, нисколько не рвались в бой, не пылали ненавистью к бурам. Напротив, они очень хорошо себя чувствовали, в достаточной мере изнежились в продолжительном пленау, на всём готовом, ничего не делая, и бесспорно получили отвращение к войне, зарекались когда-либо брать в руки ружьё против буров.

Одним словом, для английской армии это был никуда негодный материал, среди которого богато расцвели деморализующие начала. Что лучшего могли придумать буры, как возвратить их неприятелю?

Целесообразность освобождения пленных стала оправдываться в непродолжительном времени. Из Капштадта доходили слухи, что целые батальоны английских войск, сдобренные уже вероятно вкусившими бурского плена, отказывались служить, устраивали настоящие стачки по всем правилам искусства и добивались в конце концов отправления их на родину.

Местность в Западном Трансваале, где действовал генерал Деларей.

Фото Ян Либенберг

Мало того, буры додумались брать слово с каждого отпускаемого ими пленного в том, что он не будет больше драться против них. Этим, как будто несколько наивным приёмом, они давали в руки возвращающимся из плена лишнее основание отказаться от дальнейшего активного участия в военных действиях. Явившись начальству, подобный воин имел полное право заявить, что свободу свою он купил ценой честного слова, а потому прошу, мол, расчёт...

Очень может быть, что в частной своей жизни он не исполнит ни одного обещания, но в данном случае он имел весьма основательный повод, удобный и выгодный случай, и сверх того – желание оказаться джентльменом.

Итак, представляя себе ясно все стороны этого вопроса – экономическую, психологическую и стратегическую, правительство бурское решило освободить всех имеющихся ан-

глийских пленных и впредь, попадающих в плен, не задерживать.

Приведение в исполнение этого постановления поручено было генералу **Б. Вильюну**.

Я был в Нойтхедахте утром в день освобождения пленных. Вокруг лагеря у проволочного забора толпились буры, с которыми пленные весьма дружелюбно разговаривали, прощались, слышны были всякие добрые пожелания, причём некоторые пленные довольно беззастенчиво выражали свои антипатриотические чувства.

Все собирались в дорогу. Весь лагерь был в огне. Горели ша-лаши, палатки, солома... Пленные сжигали весь ненужный им хлам. Буры, ночевавшие здесь поблизости, тоже жгли всё, чего не могли захватить с собой, ничего не оставляли англичанам.

Всюду пылали громадные костры, горели повозки, ящики, тряпьё... Вместе с лишним хламом сгорало много ружейных патронов – обычное явление у буров при уходе с бивака. Подымалась безостановочная стрельба, которая хотя и не приносила особенного вреда, но производила, во всяком случае, неприятное впечатление какого-то разгула.

Мне, к сожалению, не удалось присутствовать при церемонии освобождения пленных, которая происходила часа в два пополудни. Очевидцы так описывали мне это любопытное зрелище.

В назначенный час явился генерал **Вильюн** и в сопровождении нескольких своих офицеров вошёл в лагерь к пленным.

Вокруг него быстро образовался громадный полукруг людей, приготовившихся слушать, что он скажет. Когда настала полная тишина, **Вильюн** объявил им в кратких словах, на английском языке, постановление правительства и поздравил их со свободой. Вся толпа вдруг заговорила. Посыпались какие-то возгласы, которые, строго говоря, нельзя было принять за выражение безумной радости.

Не трудно было опять восстановить тишину, и когда все замолкли, **Вильюн** вызвал к себе всех старших унтер-офицер-

ров, приказал им сформировать команды по полкам и построить их вне лагеря на дороге.

Тут вдруг после некоторой паузы толпа зашевелилась и вперёд стали выходить разные лица с заявлениями, что они, мол, больны, и идти не могут. Для **Вильюона** это был совсем неожиданный сюрприз. Улыбаясь, он выслушивал их заявления о всевозможных недугах и приказывал отходить в сторону. Число больных наконец стало расти и расти. **Вильюон** перестал улыбаться. Очевидно, у него зародилось опасение, не окажутся ли вдруг больными все пленные и тогда он не только будет поставлен в затруднительное положение, как исполнить приказ правительства, но и скандал этот может сильно скомпрометировать всеми признанное гуманное отношение к пленным. К счастью, больных, не желавших рисковать своим здоровьем ради свободы, оказалось всего человек около ста.

Когда остальные, здоровые, построились по полкам, унтер-офицеры подошли к генералу **Вильюону** по всем правилам военной выправки, держа руку у головного убора, и отрапортовали. **Вильюон** обошёл фронт и, прощаясь с уходящими, просил их сохранить добрую память о бурах, которые сражаются с английским правительством, а не с английским народом, и пожелал им счастливого пути.

Затем предупредил их, что до передовых постов будет их сопровождать небольшой отряд не в качестве конвоя, а лишь с целью охранить их от всякой неприятности, которая могла быть им причинена со стороны буров, само собой разумеется, по недоразумению.

В ответ на эту речь пленные замахали шляпами, касками, громко прощаясь и выражая пожелания всего хорошего... Затем раздались команды унтер-офицеров и колонна двинулась к Ватерфаль-ОНдеру.

Больные были оставлены пока в Нойтгедахте впредь до соответствующего соглашения между обоими главнокомандующими относительно способа передачи их.

Английское начальство не сочло, однако, нужным вступать по этому поводу в какое-либо соглашение с бурским

главнокомандующим. Оно снарядило на следующий же день, 31 августа, санитарный отряд, который и явился совершенно неожиданно в Нойтгедахт за получением оставшихся в плену.

Вот что говорится об этом инциденте в бурском «Вестнике».

З английских военных врача с 8 санитарными повозками и с соответствующим персоналом явились под начальством офицера на нашу передовую линию, не имея на то разрешения нашего главнокомандующего. Они дошли до Нойтгедахта, намереваясь забрать с собой оставшихся там больных английских пленных. Принимая во внимание тот факт, что наши доктора и санитарные повозки были раньше неправильно взяты неприятелем и долгое время держались им в плену, наше правительство решило воспользоваться своим правом арестовать офицера, а повозку и прочее имущество – конфисковать. Доктора и санитары были отправлены за границу в Лоренсу-Маркеш.

Факт, на который ссылается правительство, имел место 20 ноября 1899 г. в сражении при Моддер-ривер.

Англичане взяли тогда в плен 7 бурских докторов и 35 фельдшеров. Их отправили в Капштадт и там продержали довольно продолжительное время, а повозок совсем не возвратили.

Это, впрочем, не единственный факт. Неуважение к Красному Кресту со стороны англичан наблюдалось не раз. У каждого из бурских военачальников неоднократно в эту войну производились подобные захваты. Они были своевременно официально опротестованы, а потому прошли для публики незамеченными⁵⁴.

Зигерн-Корн подробно останавливался в своём отчёте о впечатлении, которое произвели на окружающих слухи о предстоящем отъезде президентов Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства в Европу:

XII

Слухи об отъезде президентов Крюгера и Стейна

Трансваальское правительство после боя за Дальманутскую позицию в ту же ночь, с 27 на 28 августа, переехало в Нельспруйт, где в силу изданной президентом **Крюгером** прокламации (приложение 3), назначено было с 28 августа официальное местопребывание правительства.

Иначе говоря, станция Нельспруйт стала столицей Трансваальской Республики. Недолго пришлось Нельспруйту носить это почётное звание, всего 13 дней, по 10 сентября.

В этот краткий промежуток времени произошло много перемен первостепенной важности. После продолжительного и сравнительно вялого периода борьбы вдруг все как будто встрепенулись и деятельность обеих воюющих сторон достигла наибольшей интенсивности. Все с лихорадочной поспешностью зашевелились, старясь поскорее нанести врагу смертельный удар, или, по меньшей мере, перетянуть на свою сторону счастье и занять более выгодное положение относительно противника. Все заторопились выполнить какой-то план, вдруг будто созревший и требовавший немедленного исполнения. В воздухе носился грозный призрак надвигающегося неизвестного события, важного, грандиозного, которое, казалось, должно было сокрушить всё достигнутое доселе и создать новую обстановку...

Но какую? В чью пользу? Никто не был в состоянии отдать себе в этом отчёт. Все были наэлектризованы неизвестностью, всех тревожило смутное предчувствие приближающегося конца...

Трудно было разобраться в этом угаре общего возбуждения и разнообразнейших тревожных слухов, неизвестно где зародившихся, в этой хаотической атмосфере непрерывных стычек, крушений, засад, обходов, прокламаций, угроз...

Этим таинственным, грозным призраком был отъезд в Европу обоих президентов, **Крюгера и Стейна**.

Слух об этом былпущен в конце августа английскими южноафриканскими газетами и исходил якобы из Претории и от

пленных буров. Он распространился среди свободных буров сразу же после Дальманутского боя и принял тревожные раз- меры с отъездом президентов в Нельспройт.

Правительство, однако, упорно отмалчивалось и представ- ляло всякому верить или не верить.

С одной стороны, упорное молчание правительства, кото- рое буры привыкли всегда считать открыто действующим, тес- но связанным с народом и не способным на подобное веро- ломство. С другой стороны – ничем не объяснимое прибытие президента **Стейна к Крюгеру** и оставление им своего поста, несмотря на громадное значение его присутствия среди бор- цов Оранжевой Республики. Все эти необычайные обстоятель- ства придавали распространившемуся слуху большую долю до- стоверности.

Все стали подозрительно относиться к таинственному мол- чанию правительства. Попросту говоря, все потеряли голову и боялись быть обманутыми и брошенными неожиданно на про- извол судьбы в самый критический момент борьбы.

Таково было настроение толпы, не говоря об отдельных личностях. Наиболее рассудительные люди изнервничались и громко выражали своё недовольство и опасение в будущем.

Между тем, к этому времени для правительства оконча- тельно выяснилась полная невозможность, бесполезность и даже вред дальнейшего пребывания **Крюгера** на театре во- енных действий, а вопрос об отъезде его, и только его одно- го, был, собственно говоря, решен принципиально уже давно (после сдачи Мидлбурга). **Крюгер** надеялся в Европе добиться правосудия и посредничества. Дипломатические переговоры с португальским правительством, по-видимому, подходили к концу и со дня на день ожидался окончательный ответ.

Сознавая громадное значение этого акта для судьбы отече- ства и имея точные сведения о подпольной деятельности анг- лийских шпионов и злоумышленников, избравших себе при- станищем Лоренсу-Маркеш, правительство Трансваала имело полное основание до поры до времени скрывать от всех отъезд **Крюгера**, а тем более день, когда это должно совершиться.

Это обстоятельство и даёт ключ для разгадки взаимных недоразумений между правительством и народом, для правильного понимания всеобщей тревоги и всех событий, быстро следовавших одно за другим в этот краткий промежуток времени.

На всем театре войны закипел отчаянный, жестокий бой. Всюду – на флангах, на фронте, в тылу у неприятеля, днём и ночью, бурские команды неусыпно устраивали ему засады, крушения, нечаянные нападения, и рвали его по клоцкам.

1 сентября объявлена **Робертсом** прокламация о присоединении Трансвааля к британским владениям. Она всюду вызвала вполне справедливое негодование. В это тревожное время буры не могли не усмотреть тайной связи между прокламацией и упорными слухами об отъезде **Крюгера**. Электрическая искра пробежала по всем... **Крюгер** потерял надежду... **Крюгер** покидает страну, спасая свою жизнь, богатства! Таковы были упрёки!

Так нет же! Мы должны доказать, что прокламация – миф! Что **Робертс** ошибается! Раньше, чем он уедет, англичане могут потерять всё, чем завладели! Все лучшие сыны отечества ринулись с отчаянием на врага...

На другой день по провозглашении присоединения Трансвааля **Робертс** обнародовал в Блумфонтейне другую грозную прокламацию о сожжении свыше 30 ферм в наказание за произведённые бурами в различных местах нарушения железных дорог и о наложении денежного штрафа на 50 других ферм.

Прокламация эта никого не устрашила и не остановила, она лишь подлила масла в огонь. В ответ на неё последовал цепкий ряд грандиозных крушений поездов.

Никто не обращал внимания также на прокламацию **Робертса**, изданную им ещё 14 августа, в которой объявлялось, что все бургеры в районах, занятых британскими войсками, не присягнувшими ещё в верности, объявляются (?) военно-пленными и будут сосланы (?) или с ними поступят так, как это будет найдено нужным.

Все угрозы не подействовали. Началась бойня...

К востоку от Блумфонтейна сосредоточились довольно значительные силы буров, около 1500 человек, под начальством **Фурье, Гроблера, Беймера и Моссеброка**. Они нанесли поражение **Брюсу Гамильтону** у Табанчу и 6 сентября взяли штурмом Ледибранд, захватив значительную добычу.

Войска **Девета** в один день, 3 числа, разрушили железную дорогу в трёх местах: у Стандертона, к северу и югу от Кронstadtта. Захвачено было 45 вагонов с боевыми припасами и провиантом. После этого **Девет** поспешил к Йоханнесбургу, где англичане собирались жестоко наказать всё население за происшедшие здесь крушения.

Дело вот в чём. 2-го числа в 8 милях южнее Йоханнесбурга, в Клипрайвере, командант **Терон** произвёл крушение поезда в 28 вагонов с провиантом и сжёг его. Затем тут же освободил из местной тюрьмы несколько сот плenных буров и иностранных волонтёров и присоединил к своей команде, вооружив предварительно.

В этот же день одна из команд **Деларея** разрушила железную дорогу на другой ветви между Йоханнесбургом и Крюгер-сдорпом.

Англичане со всех сторон устремились к Йоханнесбургу и двинули сюда целую колониальную дивизию для жестокой расправы с населением. **Девет** числа 8-го соединился с **Тероном** и энергично противодействовал исполнению этой экзекуции.

2-го же числа поезд, шедший с войсками из Питерсбурга в Преторию, потерпел крушение и погибло много солдат.

Деларей, между тем, настиг двинутую из Зееруста колониальную дивизию и разбил её на голову. В то же время команды его, рассеянные по всему Рустенбургскому округу, выжимали отовсюду остатки английских войск.

В окрестностях Ватерфаль-Ондра, в тылу у **Поль-Карью**, мелкие бурские патрули производили непрерывные набеги, день и ночь беспокоили неприятеля.

В тылу у **Френча**, двигавшегося на Барьертон, бурские команды вновь завладевали покинутым им районом. Таким образом, 6 и 7 сентября заняты ими были: Эрмело, Беталь и Ка-

ролина, и бурская административная власть была вновь восстановлена.

Одним словом, отчаянное сопротивление буров, вспыхнувшее на всём театре военных действий, приняло угрожающие размеры. Положение англичан в Оранжевой Республике и в западной части Трансваала стало настолько тревожным, что **Робертс** принуждён был 8 числа перенести главную квартиру из Белфаста в Преторию, не дождавшись окончания предпринятых им из Белфаста на восток весьма важных стратегических операций.

За эту неделю, с 1 по 8 сентября, по официальным данным британского военного министерства, потери в боях, считая одних только убитых и умерших от ран, достигли давно небывалых размеров: 371 офицеров и 3548 солдат. Всего 3919 человек. А сколько ещё было ранено?! Сколько погибло при крушениях!

Военные операции в восточном Трансваале, имевшие непосредственную связь с ожидаемым отъездом **Крюгера** в Европу, рассмотрим несколько подробнее⁵⁵.

О настойчивых попытках англичан захватить **Крюгера** капитан **фон Зигерн-Корн** писал:

XIII

Военные операции с 1 по 13 сентября в восточном Трансваале

С отступлением отряда **Бота** на север после боя у Дальмануты и с появлением его таким образом на фланге английских войск приостановилось. Со стороны англичан было бы более чем рискованно вытягивать свою операционную линию, не обеспечив себя предварительно от нападения сравнительно крупных отрядов с фланга и с тыла. Явилась необходимость предпринять целую экспедицию против **Бота**, на что потребовалось сравнительно много времени.

Поль-Карью, заняв 29 августа Ватерфаль-Ондер, получил возможность двинуться дальше и занять следующую станцию Нойтгедахт не раньше, как спустя две недели, то есть 13 сентября. Весь этот промежуток времени был употреблён англичанами на преследование **Бота** и удаление его от железной дороги. Почти все силы англичан, сосредоточенные между Белфастом и Ватерфаль-Ондером, за исключением **Поль-Карью** и **Френча**, оперировавшего со своей кавалерией южнее железной дороги, были привлечены к участию в экспедиции против **Бота**.

Я уже раньше упомянул, что 29 августа колонна **Денданальда** бросилась было преследовать **Бота**, но, не чувствуя себя достаточно сильной, должна была отступить к ферме Гельвеция и там ожидать подкреплений. На ожидание этого ушла почти целая неделя времени.

Наконец, к 4 сентября подошли подкрепления и весь отряд под начальством **Буллера** двинулся на север, тесня перед собой буров.

Бота упорно защищался от наседающего на него более сильного противника. Сражаясь с переменным счастьем, он шаг за шагом отступал на Лейденбург.

6 сентября, не доходя нескольких миль до Лейденбурга, он занял довольно сильную, но опять-таки растянутую позицию. Отряд его к этому времени несколько усилился местными фермерами и численность его дошла до 1000 человек. (По английским сведениям, у **Бота** было 2000 человек, – обыкновенное хроническое преувеличение сил неприятеля!)

Для атаки бурской позиции английские войска были разделены на две колонны.

Правая колонна под личным начальством **Буллера** с конной пехотой **Денданальда** нацелилась на левый фланг расположения буров.

Левая колонна **Гамильтона** с конной пехотой **Брокльгерста** должна была обойти правый фланг **Бота**.

Бота не дал себя, конечно, обойти и очистил позицию заранее. Лейденбург пал 6 сентября. Буры отступили дальше на восток, а англичане упорно их преследовали.

Прежде чем сказать, чем всё это кончилось, весьма интересно будет выяснить, какую цель в этой операции поставила себе каждая из сторон и в какой мере цели эти были им достигнуты.

Англичане, предпринимая столь серьёзную операцию, могли задаться двоякой целью.

Во-первых, преследуя энергично отряд **Бота**, они могли настичь его где-нибудь и уничтожить.

Во-вторых, опрокидывая на своём пути буров, они могли продолжать движение через Лейденбург, Спицкоп и дальше, на Коматипорт, к португальской границе. Сделав этот дальний обход, они появлялись таким образом в тылу у буров и являлась уже возможность относительно легко захватить в свои руки всю железную дорогу, окружить те немногие и малочисленные команды, вдобавок пешие, которые её прикрывали, а главное – улыбалась вероятность взять в плен самого президента **Крюгера**, при участии и **Стейна**.

Это тем более было исполнено, что южнее железной дороги оперировал **Френч**, а к северу от неё не было никаких путей сообщения, – местность считалась непроходимой и ускользнуть туда вряд ли могли пешие команды, а тем более **Крюгер**. Буры на железной дороге и с ними **Крюгер** были бы окружены со всех четырёх сторон и охватывающее их кольцо могло быть постепенно сомкнуто.

Первая цель, уничтожение отряда **Бота**, едва ли была осуществима. Уничтожить, то есть истребить весь отряд буров, возможно, но для этого надо их окружить предварительно. Местность же в Лейденбургском округе вообще весьма пересечённая, труднопроходимая, а для английских войск тем более.

На стороне бурских команд было громадное преимущество в знании местности и в умении преодолевать самые невероятные препятствия. При этих условиях и при отсутствии обозов бурские команды значительно превосходили англичан в подвижности. Следовательно, истребление отряда **Бота** можно смело отнести к области фантазии, и англичане вряд ли этого не сознавали. Другая цель, дальний обход на Коматипорт, была в высшей степени

ни заманчива и могла казаться англичанам вполне достижимой. Этому способствовало весьма простое обстоятельство. Англичане, не зная местности, что неоднократно подтверждалось, должны были волей-неволей основываться свои соображения на картах, точность которых была далеко не безукоризненной.

На картах этих обозначена дорога из Лейденбурга на Коматипорт. Она и в действительности имеется, но, начиная со Спизкопа, она представляет уже не колёсную дорогу, годную для передвижения войск и обозов, а горную тропу, проходящую лишь для отдельных всадников и выночных животных. Вне этой тропы только одни буры в состоянии передвигаться и то врассыпную, одиночным порядком.

Это обстоятельство, по-видимому, не было известно англичанам, иначе трудно было бы себе объяснить их настойчивое движение в Лейденбург и дальше на восток. Как ни заманчив был этот стратегический обход, иначе говоря, облава на **Крюгеров**, а англичане оказались не в силах его выполнить, несмотря на необычайную энергию, проявленную ими.

Посмотрим теперь, как выполнил **Бота** план действий, выработанный на военном совете в Ватерфаль-Ондере ночью с 27 на 28 августа. Ему было поручено постараться оттянуть часть неприятельских сил к северу и придержать таким образом наступление неприятеля на восток вдоль железной дороги.

Задачу эту **Бота** выполнил превосходно. Со сравнительно ничтожными силами он задержал победоносное шествие англичан вдоль железной дороги на целых две недели!

Пользуясь настойчивостью и упрямством, с которым англичане его преследовали, он завёл их к 6 сентября в Лейденбург, а затем повёл за собой дальше на восток.

9 сентября он сдал им позицию на горе Mayх, а 12 числа, после жаркого боя, отступил со Спизкопа.

Дальше на восток бурам идти не стоило. Дорога становилась непроходимой для неприятеля, что **Бота** знал отлично, а англичанам, совершенно незнакомым со страной, это, по-видимому, известно не было.

Не сомневаясь никакого в том, что **Буллер** дальше Спицкапа на восток не уйдет, а вернуться обратно может только по той же дороге, по которой пришел, и, получив уже сведения, что **Крюгер** 11 числа прибыл благополучно в Лоренсо-Маркеш, **Бота** ничего лучшего предпринять не мог, как бросить англичан у Спицкапа и двинуться прямо на юг к железной дороге, где помочь его могла пригодиться.

Команды его появились у Нельспруйта 13 сентября, пройдя в сутки с небольшим около 50 вёрст по дикой горной местности, без всяких дорог и даже без тропинок.

К этому времени **Поль-Карью** получил уже извещение о взятии Лейденбурга **Буллером** и зная, следовательно, что **Бота** находился далеко от него, решился выйти из Ватерфаль-Ондера.

13 сентября, то есть после двухнедельного сидения на месте, он занял следующую станцию Нойтгедахт после непродолжительного боя.

В этот же двухнедельный промежуток времени **Френч**, оперировавший южнее железной дороги, делал всё от него зависящее, чтобы прибыть возможно скорее в Барбертон.

Он преследовал ту же чрезвычайно важную цель, что и **Буллер**: зайти в тыл бурам, захватить железную дорогу, команды и обоих президентов.

Движение его, однако, было медленно, сопряжено с большими затруднениями и потерями, благодаря упорному сопротивлению бурского генерала **Смэтса**.

9 сентября после двух неудачных атак **Френч** занял Вармбад, в двух переходах от Барбертона; а 13 числа, с большими потерями, и только благодаря подоспевшему к нему на помощь **Геттону**, ему удалось взять Барбертон.

Крюгера в Трансваале уже не было.

Таким образом, оба грандиозных обхода, на которые англичане возлагали столь блестящие надежды, привели, собственно говоря, к ничтожным результатам. Президентов и след простыл, а железная дорога, окончив свою миссию, готова была отдаться в руки англичан и без боя.

Пешие буры и волонтёры отступали, доедая и растаскивая остатки комиссарских складов. Все же остальные, кто имел лошадь, присоединялись к командам **Бота**, двигавшимся в горах параллельно железной дороге к португальской границе.

Тут не лишним будет заметить, что благодаря непроходимости Лейденбургского округа, захват железной дороги и пленение президентов – задача не из лёгких – могли быть достигнуты и при помощи одного обхода с юга, через Барбертон. Получилась бы в таком случае существенная выгода. Экспедицию эту можно было предпринять с силами несравненно большими, а, следовательно, повести её успешнее и закончить скорее.

Крюгер, как известно, откладывал со дня на день свой отъезд, благодаря некоторым препятствиям, созданным **Робертом**, о которых речь впереди, а потому весь успех задуманного англичанами плана зависел от скорости его исполнения.

Френч был слаб, а потому опоздал⁵⁶.

Фон Зигерн-Корн с ехидцей описывал попытки фельдмаршала **Робертса** ввести в заблуждение ма-ститого президента **Крюгера**:

XIX

Искушение Крюгера

Обращаясь опять к главному мотиву, побудившему англичан предпринять обе дальние экспедиции, надо принять во внимание, что одни лишь слухи, пущенные английскими газетами и курсировавшие среди преторийских буров, вряд ли представляли достаточное основание к тому, чтобы остановить движение главных сил к востоку, пустить в обход почти все наличные силы, бывшие в данном районе и, сверх того, проявить в исполнение этих новых операций исключительную, небывалую доселе настойчивость и энергию. Англичане имели более веские основания.

Робертс не мог не знать заблаговременно о согласии португальского правительства на проезд президента **Крюгера** через

португальские владения. Нельзя поручиться и за то, что португальское правительство, под влиянием зарождавшейся уже у него политической симпатии к Англии, не нашло возможным и уместным, с одной стороны, уверять буров в своём нейтралитете, а с другой стороны, не торопиться с окончательным ответом бурскому правительству о своём согласии на свободный пропуск **Крюгера**. Во всяком случае, англичанам оставалось одно – во что бы то ни стало предупредить переезд **Крюгера** через португальскую границу, захватив его в пределах Трансвааля. Надо было торопиться и постараться выгадать время.

Фельдмаршалу **Роберту** нельзя отказать в опытности, предусмотрительности и в некоторой доле талантливости. Он всегда многосторонне обдумывал и обстоятельно готовился к каждой более или менее значительной операции.

В обеспечение успеха он старался, прежде всего, создать для исполнителей данной операции благоприятствующую обстановку. К сожалению, насколько подготовительная часть, зависящая от него, была всегда разработана искусно и многосторонне, настолько часть исполнительная, зависящая от подчинённых ему военачальников, в большинстве случаев хромала и отличалась бездарностью, вялостью и неуклюжестью.

Эта дисгармония между подготовкой и исполнением рельефно обнаружилась и в данном случае. Не помогло и большое старание исполнителей, не помогли и особые психологические средства, изобретённые **Робертом** с целью выгадать время.

Эти особые средства должны были, по расчёту **Роберта**, не только задержать **Крюгера** на некоторое хоть время в пределах Трансвааля, но даже убедить его совсем отказаться от поездки. В чём они выразились, увидим дальше.

1 сентября 1900 г. обнародована в Южной Африке прокламация о присоединении Трансвааля к владениям английской королевы. За основание для издания подобного акта **Робертс** берёт факты, достоверность которых, по его мнению, не подлежит никакому сомнению. Основания эти следующие:

1. Он находит, что Южно-Африканская Республика завоёвана уже армией Её Величества.

и 2. По его мнению, трансваальской армии более не существует, а имеются лишь мелкие самостоятельные шайки партизан, рассеянные повсюду.

Имел ли право английский главнокомандующий считать завоевание Трансваала оконченным, когда **Деларей** владел уже почти целым Рустенбургским округом, а в большей половине Трансваала, в северо-восточной его части, а в особенностях от Драконовых гор, ещё и нога английского солдата не ступала?

Зачем понадобились дальние стратегические обходы, если неприятельской армии, как сказано в прокламации, уже не существовало?

Не логичнее ли было выступить с прокламацией о присоединении по успешном достижении результатов предпринятых обходных движений?

Наконец, зная, что **Крюгер** со дня на день собирается покинуть страну, не было ли ещё более логичным выждать его отъезда, или бегства, как выразился впоследствии **Робертс**?

Все эти вполне естественные сомнения разрешены были **Робертсом** легко и просто на основании законов особой англо-африканской логики, созданной и приоровленной специально для войны с бурами и для нравственного на них воздействия.

Он пришёл к убеждению, что настало время возложить на свою главу лавровый венок победителя, который до сих пор приходилось только примерять.

Нормальная же, общечеловеческая логика заставляла подозревать во всех этих натяжках особую, затаённую цель.

Тот факт, что прокламация явилась до окончания обходных движений и до отъезда **Крюгера**, доказывает прежде всего, что **Робертс** торопился. Торопился же он затем, чтобы **Крюгер** прочёл эту прокламацию, будучи ещё в пределах Трансваала, вдумался бы в её сокровенный смысл и поколебался бы в своём решении уехать.

А сомнение в действительности могло явиться легко. Казалось бы, оставление главой государства своего поста в такой важный и критический момент, вслед за обнародованием при-

соединения страны к неприятельским владениям и, так сказать, в ответе на него, могло быть понято всеми как безмолвное признание справедливости и бесповоротности этого акта и могло произвести нежелательное, удручающее впечатление.

Напротив, присутствие правительства в полном его составе на своём посту было в данный момент более чем когда-либо необходимо и могло послужить только лишним и веским основанием для протеста на объявленное присоединение перед лицом всего цивилизованного мира, признавшего однажды это правительство законным.

Эти соображения, с точки зрения **Робертса**, должны были неминуемо поколебать **Крюгера**, а главным образом поколебать членов исполнительного комитета, менее дальновидных государственных деятелей, которые могли и не дать своего согласия на отъезд главы государства. Во всяком случае, на колебания, совещания, обсуждения, требовалось некоторое время. А время, этот драгоценнейший и могущественнейший элемент на войне, так был необходим **Буллеру** и **Френчу**!

Обратимся теперь к другому документу, интересному не менее прокламации по своей скрытой тенденции, и не менее тонко задуманному.

Вслед за прокламацией, на другой день, 2 сентября, генерал **Бота** получает от **Робертса** пространное письмо, где он, **Робертс**, жалуется на досадливое поведение мелких бурских отрядов, непрерывно портящих железнодорожные сообщения, и извещает о принятых им соответствующих мерах противодействия.

Далее он сообщает, что долг его по отношению к национальным интересам повелевает ему воспретить дальнейшее пребывание в занимаемых английскими войсками городах семьям тех лиц, которые продолжают сражаться в командах.

Затем он просит предупредить состоящих в командах буров, чтобы они приготовились, возможно скорее, к принятию и устройству своих семейств. Удаление таковых начнётся через несколько дней, из Претории. О числе высылаемых лиц будут присыпать извещения.

Наконец, в самом конце письма, будто вскользь, между прочим, в числе высылаемых упоминается имя госпожи **Крюгер** (Приложение 5).

Оставим в стороне все искусственные цветы красноречия, которыми унизано письмо, различные извинения, соблазнования, обратим лучше наше внимание на то, о чём автор упоминает вскользь и между прочим, но что в действительности и составляет всю суть, всю душу этого замечательного документа.

Итак, основываясь на обещании **Робертса**, госпожу **Крюгер** надо полагать в ожидании через несколько дней (?) Когда? Вот вопрос.

Бота в своём ответе на это послание, написанном, видимо, под горячую руку, энергично опровергает все дутые доводы и обвинения **Робертса**, с благородным негодованием протестует против всех драконовских мер противодействия, а по поводу высылки супруги президента **Крюгера** говорит следующее:

«В особенности сильный вред нанесёт это распоряжение о высылке старых женщин, прежде всего, супруги Его Высокого Превосходительства Президента Трансваальской Республики, которая, как Вам должно быть хорошо известно, не в силах совершать подобные переезды без опасности для её жизни. Заставить её тронуться в путь, значит, попросту причинить Ей смерть» (Приложение 6).

Неужели после этого **Крюгер** не останется?! Не подождёт прибытия своей несчастной, престарелой супруги?! Если она действительно не в состоянии будет перенести переезд, то неужели **Крюгер** не пожелает даже услышать её последнее прощание! и бросить горсть родной земли на её могилу?! Быть не может! Он будет ждать!!

Так искашал фельдмаршал **Робертс** президента **Крюгера**, великого патриота, выдающегося государственного мужа и примерного семьянина!

А обходные-то движения уже начинались⁵⁷.

О последней временной столице Южно-Африканской Республики, где **Крюгер** и правительство поспешно приводили в порядок дела перед окончательным переходом вооружённой борьбы в партизанскую и воодушевляли захандрившую было бурский народ, **Михаил Антонович фон Зигерн-Корн** отмечал позднее в своём отчёте:

XX

Нельспруйт – столица Трансваала

Тяжёлое, тревожное настало время.

Всеобщее беспокойство, нервность, совершенно иначе проявлялись здесь, в столице, вдали от грохота орудий, здесь, где в одинаковом вагоне безвыходно пребывал маститый вождь народа, где под его руководством усердно и добросовестно работал исполнительный совет, облечённый полным доверием своего народа.

Нельспруйт, превратившись в столицу, принял облик унылый и угрюмый.

Не видно было той бодрящей, созидающей деятельности, которая возбуждает энергию, ведёт к нарастанию сил. Напротив, это была скорбная арена, где разыгрывались картины, разрушающие бодрость духа.

Судьба захотела, чтобы именно здесь, в столице, в средоточии всех жизненных фибр государства, произошёл процесс разложения, омертвления некоторой части народного организма. Нельспруйт стал грандиозным этапом, через который бесконечной вереницей поспешно проходило всё обессиленное нравственное и физически, всё разочарованное, всё негодное для борьбы.

Железная дорога работала день и ночь – она торопливо ликвидировала свои дела. Весь её подвижной состав – тысячи вагонов, – убранный с участков линии, занятых неприятелем, начиная с Претории, поспешно отправляли по частям в Лоренс-Маркеш, Коматипорт, Барбертон, и размещали там на насконо уложенных запасных путях.

Ежедневно из Нельспруйта отправлялись сотни вагонов. Поезда эти не были пусты. Они были битком набиты разным людом, бегущим без оглядки из района, занятого неприятелем.

Вскоре, однако, накопилось несколько сот вагонов, которые уже некуда было девать. Запасные пути строить было некогда, рабочих-кафров набрать было неоткуда, а загромоздить путь и прекратить дальнейшее движение поездов было немыслимо.

Вопрос этот решён был просто. Составили грандиозный поезд из всех лишних вагонов, которых набралось около 300. Прицепив к нему сзади 5–6 локомотивов, пустили его полным ходом на имеющийся здесь весьма короткий запасной путь. Головные вагоны со всего размаху проскочили дальше, на голую землю, а остальные налетали на них со страшной инерцией, крошили всё и сами разбивались в щепу. Среди облаков пыли, треска, гула, выросла в одно мгновение груда обломков. Среди этих развалин стали сейчас же ютиться многие семьи бездомных буров, нетерпеливо ожидавшие удобного случая, чтобы пристроиться на каком-либо из отходящих поездов. Рушили вагоны на дрова, помещались в них как дома.

Почти ежедневно с передовых линий прибывали всевозможные артиллерийские орудия, отнятые у неприятеля и свои. Эти никуда не годные «инвалиды» за неимением к ним снарядов представляли уже лишнюю обузу и подвергались той же участи, что и лишние вагоны. Их рвали динамитом и бренные их останки валялись тут же.

Подвоз продовольствия из Лоренсо-Маркеш к этому времени прекратился окончательно, а на иждивении правительства состояла ещё не одна сотня обездоленных женщин, детей! Стада баранов и запасы, заготовленные раньше комиссариатом, таяли на глазах. Лошади от бескорьиц стали падать. Трупы их, разбросанные всюду, заражали воздух невыносимым зловонием. Вокруг злосчастной столицы день и ночь бродили какие-то подозрительные дикари. Как голодные волки, они издали жадно высматривали добычу и с нетерпением ждали мо-

мента, когда биваки опустеют и можно будет безнаказанно на-броситься на покинутый хлам.

Да, безотрадное было время.

Всё, что было охвачено жестокой горячкой борьбы за родину, за семью, за добытый кровью клочок земли, всё мужественное, крепкое духом и верою в Провидение, всё было далеко, впереди, в бою. Здесь же – мертвящая атмосфера разрушения, уныния...

Одни, прибывающие с кое-какими остатками провизии, торопливо и озабоченно проходили мимо, не останавливаясь, и шли дальше в отдалённейшие, безопасные от нашествия врага, глухие углы. Другие, оборванные, нищие духом, голодные, оставались и жили подаянием комиссариата. Не имея иного исхода, они добровольно обрекали себя на изгнание из родного края и уныло, с тупым равнодушием, бредли на восток к португальской границе. Куда угодно, лишь бы не в плен к англичанам!

К толпе этих обездоленных примкнуло и несколько сот иностранных волонтёров. После продолжительных трудов и лишений, принесённых ими в жертву бурскому народу, дальнейшее пребывание их в стране становилось невозможным. Комиссариат уже не был в состоянии снабдить их ни одеждой, ни лошадьми. Им ведь только этого и недоставало, чтобы опять вернуться в бой. Они злобно обвиняли буров в неблагодарности, а ко всем делам относились уже пассивно.

Вот таково было население столицы!

И вот в этом чаду злословия и неверия, президент **Крюгер**, этот глубоко несчастный старец, доживал свои последние дни среди дорогого ему народа. Доживал их в невольной мучительной тревоге за исход борьбы, угнетаемый пережитыми несчастьями, терзаемый сценами, происходящими на его глазах, бежжалостно искушаемый **Робертсом**... Жил под угрозой попасться в руки англичан...

В такой тяжёлой обстановке правительство молча готовилось к скорому прекращению непосредственного руководства борьбой и внутренней жизнью государства. Надо было

с честью и добросовестно ликвидировать свои дела. Оно лихорадочно, не покладая рук, работало над разрешением многих назревших важных вопросов. Общее положение дел и предпринятые неприятелем операции требовали самой спешной работы.

Высокая идея свободы, глубоко запавшая в сердца всех защитников родины, да непоколебимая вера в справедливость Всевышнего, вот источники, откуда исполнительный совет черпал спокойствие в работе и уверенность в том, что и после них борьба с врагом не заглохнет, меч не иступится, ибо он благословен Свыше.

1 сентября в вагоне президента происходило первое в Нельспруйте заседание совета. На этом заседании присутствовал, между прочим, и **Бота**, прибывший уже под вечер из-под Лейденбурга и уехавший обратно на другой день чуть свет.

В этот день как раз получена была от **Робертса** прокламация о присоединении Трансвааля. Тут же был составлен текст ответной прокламации **Крюгера** с протестом. В это заседание утвержден был также новый закон по давно назревшему вопросу о реорганизации армии.

Армия бурская, вернее, милиция, управлялась доселе весьма немногими законоположениями общего характера. Они устанавливали главным образом два положения:

1. Обязанность каждого бюргера явиться по требованию правительства на случай войны на защиту отечества

и 2. При назначении лиц на офицерские должности узаконено было выборное начало.

Все же остальные детали организации и управления определялись отчасти обычаями, отчасти частным соглашением бюргеров между собою.

Эта широкая свобода, не стесняемая никакими законами и ответственностью, в военное время оказалась вредной. Она была причиной большой неустойчивости армии и ослабления сопротивления её в такие трудные моменты борьбы, когда, напротив, требовалось усиленное и единодушное напряжение всех боевых сил страны.

Среди буров стало почти обычным явлением, что некоторые из них совсем не явились на службу, или же самовольно покидали свои команды ради своих частных интересов. Между тем, офицеры не имели ни формального, ни нравственного права подтянуть подчинённых им бургеров, своих же избирателей.

Выборное начало вследствие этого оказалось тоже непригодным. При избрании из среды своей начальников бургеры зачастую руководствовались не боевыми качествами кандидатов, а степенью их зажиточности, родственными связями, симпатиями к ним, различными обещаниями с их стороны и тому подобным.

Никакой ответственности, законом установленной, за предосудительное поведение на войне, не существовало. Все полагались на совесть, на вспоенную с молоком матери любовь к родине и сознание священной обязанности защищать отчество от врагов. Все твёрдо верили в справедливость Высшего Судьи, который воздаст всем по заслугам, а провинившихся покарает.

Такое идеальное воззрение на людей, даже если это были и буры, должно было, в конце концов, разрушиться. Не все же буры, в самом деле, герои, не все же они одинаково способны без малейшего колебания пожертвовать собой и своими близкими ради отвлечённой идеи политической свободы.

Пробел этот был понят правительством почти год спустя после начала войны. Оно ясно осознало необходимость нравственно поддержать более слабых и дать их добрым намерениям новый, сильный импульс. Решено было, прежде всего, восстановить порядок в управлении военной службы, дать точную организацию боевым силам, регламентировать обязанность чинов, определить ответственность за уклонение от этих обязанностей, а затем прийти на помощь сражающимся, и не только одним сражающимся, но и их семьям с денежной поддержкой.

4 сентября был издан закон, состоящий всего из 24-х параграфов (Приложение 7).

Несмотря на свою краткость и простоту изложения, закон этот придал всем боевым силам страны вполне достаточную определённость, стройность и устойчивость, а вместе с тем положил прочное основание для предстоявшей ещё тяжёлой, упорной и продолжительной борьбе.

Но рассчитывать, что те, слабые духом, пошатнувшиеся в сознании долга, предоставленные в своём малодушии самим себе элементы, которые, любя всё-таки своё отечество, уклонялись от защиты его и, может быть, себя за это презирали, все они нашли, наконец, в законе этом твёрдую нравственную опору и большинство из них вернулось в бой.

Правительство, работая усердно над приведением в порядок государственных дел, зорко следило вместе с тем за всеми подробностями борьбы, вспыхнувшей с новой силой, и со своей стороны употребляло все от него зависящие средства, чтобы ещё более подогреть этот пыл.

Чтобы ещё более укрепить буров в сознании, что они не предоставлены самим себе, что труды их и лишения не бесплодны, не напрасны, правительство старалось знакомить их с настроением европейских народов, поскольку настроение это имело отношение к положению дел в Южной Африке.

Делались выписки из иностранных газет и вместе с краткими известиями с театра войны печатались в официальном правительственном органе «Вестник войны».

Эта маленькая, даровая (бесплатная) газетка, ежедневно печаталась в походной типографии, помещавшейся в отдельном вагоне. Её не только беспрепятственно выдавали каждому желающему, но и пользовались каждой оказией, чтобы известное число экземпляров отправить в самые отдалённые местности.

Правительство придавало отделу иностранных известий весьма важное, по-видимому, значение в смысле нравственного воздействия на сражающихся и не сражающихся боргегров.

Чтобы дать понятие об общей тенденции этого органа, я приведу несколько выдержек из «Вестника» за время пребывания правительства в Нельспруйте.

«Вестник войны» от 29 и 30 августа.

В одной европейской газете напечатано следующее:

«Французский комитет, имеющий целью защиту наших интересов и сохранение нашей независимости, войдет в скопом времени в связь с таковыми же комитетами в России, Австрии, Германии, Голландии и Англии. Издан будет манифест, в котором говорится, что Англии грозит опасность от шайки жадных спекулянтов».

Затем далее:

«Нет такого человека, который сохранил бы спокойствие, созерцая зрелице, представляемое этими двумя маленькими геройскими народами. Они, сильные правотой своего дела, убеждённые в святости его, уповающие на справедливость Божию и ни минуты не сомневающиеся в помощи Всевышнего, они, эти мужи, женщины, дети и старцы, вовлечённые в самую ожесточённую войну, своим терпением, своим презрением к опасностям и усталости, своим воздействием на человеческие чувства, представляют самый благородный и прекрасный пример добродетели».

«Вестник войны» от 31 августа.

«В Глазго (Шотландия) появилась бубонная чума. Констатировано 7 заболеваний».

«В одной европейской газете находим следующее:

22 мая сего года господин **Ван-Сиклен**, горячий приверженец буров в Нью-Йорке, разослал письма к духовным представителям всех имеющихся в Соединённых Штатах общин с просьбой собрать от всех прихожан-избирателей мнения, кто из них стоит за Англию, а кто желает, чтобы американское правительство выступило посредником в деле прекращения войны.

К 31 мая **Ван-Сиклен** получил часть ответов, из которых оказалось, что 106 830 голосов высказалось за посредничество, а 1345 заявило о своей солидарностью с Англией.

Затем он даёт ряд выписок из полученных им писем от духовных лиц разных вероисповеданий. Католики, пресвитериа-

не, лютеране, унитарианцы (униаты), все стоят за буров и за посредничество».

«Вестник войны» от 1 сентября:

«В одной европейской газете читаем:

Голод в Индии принял колоссальные размеры. Это несчастье обеспокоило бы и привело бы в ужас всех жителей Англии, если бы не было войны в Южной Африке.

Но в Африке война и об Индии забыли, ей не помогли.

Все помыслы Англии направлены на уничтожение двух маленьких республик, а потому она равнодушна к голодной смерти своих подданных. Один англичанин говорит, что причина голода в чрезмерно высоких налогах. Англия истощает и обирает страну».

«Вестник войны» от 2 сентября.

«То, что пишется о южноафриканской войне в англо-индийских газетах превосходит всё, написанное до сих пор в самых заядлых джингоистских органах. Например, в «Indian Plantes Gazette»:

Буров надо убивать, это само собой понятно. Больше того, их надо стереть с лица земли как крыс, разносящих чуму. Чем больше крови, тем лучше. Сопротивление буров доставляет Британской империи столь желанный повод уничтожить бурский народ, опустошить их страну и вычеркнуть их имя из списка африканских народностей».

«Strait Times» ещё злобнее:

«Если буры прячутся за своими окопами и в горах, послать бы против них несколько тысяч наших Ghoorka (гурков). Пускай буры сведут приятное знакомство с ножами Ghoorka⁵⁸; последние, чего доброго, позволят заглянуть солнышку в их внутренности и дадут им понять, какими средствами располагает Английская империя.

... А уж коли буры попадутся нам в руки, то так пройтись английским жерновом по Трансваалю и Оранжевой Республи-

ке, чтобы только мокрое место осталось. Земля должна покраснеть от потоков крови, чтобы после этого погуще выросла трава»... и так далее.

«Вестник войны» от 4 и 5 сентября:

«В португальской газете «O Seculo» от 23 июля помещена следующая английская телеграмма:

Лондон. 22 июля 1900 г. Удручающее впечатление произвела здесь телеграмма лорда **Робертса**, из которой явствует, что войне ещё не пришёл конец».

«Вестник войны» от 6 сентября:

«Английские плавучие лазареты не в состоянии поднять всех инвалидов для эвакуации их в Англию.

Сэр **Виллиам Бэллерс**, бывший представитель Англии в Южной Африке в войну 1877–1880 годов, вышедший в 1884 г. в отставку в чине генерал-лейтенанта, этот прекрасный знаток Южной Африки, поместил после долгих колебаний статью в «Humanitarian», в которой излагает своё мнение, что настоящая война должна закончиться совершенной потерей всех английских владений в Южной Африке. Единственную пользу, какую Англия может извлечь из затраченных ею на войну миллионов, это, по мнению сэра **Бэллерса**, сознание и понимание полной негодности своей военной организации».

«Вестник войны» от 7 сентября:

В одной европейской газете пишет доктор **А.В. Бронсфельд**:

«Не требуется особого мужества и сверхъестественного предвидения, чтобы предсказать Англии момент её падения.

Внутренняя порча подвигается быстро и это должно привести её к гибели. Народ, осмелившийся на такой грабёж, какой теперь идёт в Южной Африке, должен быть наказан примерно.

Вся знать причастна к этому делу и опозорена возмутительными делами. Мамона правит страной, материализм завладел всеми. Мы видим это и мы говорим с глубокой скор

бью».

«Вестник войны» от 8 сентября:

«Из натальских газет известно, что в августе месяце из одного только Дурбана отослано в Англию инвалидов 2389 человек. Из Капских гаваней мы не имеем данных».

«Вестник войны» от 9 и 10 сентября:

«Заслуживающие доверия люди уверяют нас в том, что Португалия до сих пор соблюдает нейтралитет».

Дальнейшее издание «Вестника» с отъездом **Крюгера** прекратилось.

Из всех приведённых выдержек видно, что правительство старалось обратить внимание буров на следующие данные:

1. Общее настроение всего мира в пользу буров. Можно надеяться на возникновение большого интернационального движения, которое заставит, наконец, заговорить совесть народов. Это обстоятельство должно облегчить нравственные страдания буров, придать им больше твёрдости, терпения и возбудить надежду на помощь извне.

2. Англичане озлоблены и решились во что бы то ни стало стереть буров с лица земли, не гнушаясь никакими средствами

и 3. Англия несёт громадные потери. Она разлагается и близка к падению. Буры, продолжая упорно бороться, могут смело надеяться одолеть её и навсегда избавиться от заклятого врага.

Для полноты картины следует прибавить, что в одном из предыдущих номеров «Вестника», около месяца тому назад, описывается довольно обстоятельно настроение кавказских африканеров, горячо сочувствующих своим соплеменникам в Трансваале и Оранжевой Республике.

Поведение их, по словам одного английского корреспондента, внушиает Англии самые серьёзные опасения.

На народном конгрессе в Грааф-Рейнете решено было обратиться ко всему миру с просьбой о денежной помощи бурам

и послать в Англию депутата для предъявления правительству резолюции конгресса, составленной в пользу независимости бурских республик.

Это важное сообщение помещено правительством в «Вестнике» не без умысла. Оно подало бурам идею о возможности восстания капских колонистов. Со стороны буров требовалось только терпение, упорство и выдержка. Буры, как известно, дождались осуществления этой идеи.

Вернёмся к **Крюгеру**.

Правительство, как я уже сказал, хранило глубокое молчание относительно отъезда **Крюгера**, хотя вопрос этот был давно решён. День отъезда тем более никому не был известен, что он и не был заблаговременно назначен, и не мог быть точно намечен.

Из сопоставления некоторых фактов можно заключить, что давно ожидаемое от португальского правительства разрешение **Крюгеру** на переезд через границу получено не было до тех пор, пока он сам не уехал из Трансвааля. Если бы таковое было прислано раньше, то без всякого сомнения, одновременно с этим был бы извещён и мозамбикский губернатор; между тем, хорошо известно, что соответствующие инструкции из Лиссабона им получены не раньше 15 сентября.

Итак, **Крюгер**, находясь в Нельспруйте, не знал, в сущности, что его ожидает в будущем.

Предвидя, однако, что ответа из Лиссабона ему не дождаться, он пожелал заблаговременно знать хоть одно то, как он будет принят губернатором, если неожиданно явится в Лоренсо-Маркеш.

Несколько дней спустя после прибытия в Нельспройт, он послал к губернатору Лоренсо-Маркеша своего лейб-медика **Гейсмана**, человека решительного и смелого, пользовавшегося его расположением и полным доверием.

Это опять-таки никому официально известно не было, но близко стоящие к правительству лица так себе объясняли таинственное исчезновение **Гейсмана** и, как оказалось впоследствии, предположения их оправдались.

Бурские женщины и дети в британском концлагере во время англо-бурской войны

Английский концентрационный лагерь

Доктор **Гейсман** к президенту уже не вернулся, а остался в Лоренсо-Маркеш. Переговоры его увенчались успехом. Губернатор **Махадо**, относившийся всегда к **Крюгеру** с расположением и глубоким уважением, выразил полную готовность оказать ему гостеприимство и принять все необходимые меры предосторожности в ограждение его от каких-либо покушений злоумышленников. Вот всё, что он счёл себя вправе обещать **Крюгеру** под личную свою ответственность.

Крюгер, в тщетном и мучительном ожидании приезда жены из Претории, оттягивал свой отъезд до последней крайности. Не он, впрочем, один томился ожиданием. В Нельспруйте отовсюду набралось много буров, которые были предупреждены **Ботой** по просьбе **Робертса** и готовились к принятию своих семейств.

Увы, их ожидания не оправдались. Никто не прибывал, никакой высылки и не было. Это служит лучшим доказательством того, что **Робертсу** было не столь важно выслать женщин, сколько дать обещание и заставить главным образом **Крюгера** оставаться на месте.

Старуха жена всё не прибывала, а англичане между тем продолжали заходить в тыл.

Наконец, 9 числа получается известие, что **Френч** занял Вармбад в 50 верстах от Барбертона. Известие это, не только для **Крюгера**, было первостепенной важности. Все, бывшие в Нельспруйте, были встревожены и не знали, что им предпринять.

Если бы **Френчу** удалось со своей кавалерией пройти эти 50 вёрст до Барбертона в сутки, то на следующий день к вечеру, то есть 10 числа, он мог быть уже в Капмуйдене, воспользовавшись железной дорогой, идущей из Барбертона. Капмуйден находится уже на главном пути, и **Крюгер** был бы, по меньшей мере, отрезан от Европы.

И представить себе трудно, какое громадное значение в судьбе Трансвааля и его самоотверженной союзницы, Оранжевой Республики, имело бы это событие!

Медлить далее нельзя было. Крайним сроком отъезда являлось утро 10 сентября. **Крюгер** рискнул, однако, отложить

отъезд до вечера. Если это не имело для него плачевых последствий, то только благодаря удивительной энергии генерала **Смэтса**, который со сравнительно ничтожными силами задержал **Френча** под Барбертоном до 13 числа⁵⁹.

Зигерн-Корн описывал и печальный для Трансваля, вынужденный отъезд президента **Крюгера** в Европу:

XVI

Последняя проповедь Крюгера

День накануне отъезда **Крюгера** оставил неизгладимое воспоминание у всех, бывших в это время в Нельспруйте.

Было воскресенье, 9 сентября.

День этот, по старинному и свято сохраняемому у буров обычаю, принадлежит Богу и посвящается благочестивым делам, молитве, пению псалмов и чтению Библии.

В Нельспруйте с первыми лучами восходящего солнца всё смолкло. Вся будничная, суетливая жизнь замерла... Воцарились тихое молитвенное настроение.

Буры со своими семьями собрались для общей молитвы у маленького, невзрачного домика, стоящего у самого полотна железной дороги. Тут были и полные сил воины, их жены, дети, были и дряхлые старики и старухи.

Началась молитва. Высокий, худощавый пастор с загорелым, мужественным лицом, спокойным, певучим голосом прочёл небольшой текст из Евангелия. Затем сказал краткое поучение, поясняющее только что прочитанные им слова Спасителя. Все с глубоким благоговением, склонив головы, слушали. Женщины тихо плакали.

Окончив поучение, он опустился на колени и тихим, дрожащим голосом запел псалом. К нему стали присоединяться остальные молящиеся, и взрослые и дети...

Запели робко, смиренно, тихо... Полилась протяжная, суровая мелодия древнего хорала, благоговейно передаваемого

во всей своей неприкосновенности из поколения в поколение.

По мере того как в наболевшую душу молящихся вступала целительная теплота веры и надежды на милосердие Божье, голоса их крепли, звуки нарастали, и горячая, страстная мольба к Всеизыншему защитнику всех страждущих лилась могучей, неудержимой волной...

В дверях домика появилась мощная фигура белого как лунь старца в чёрном сюртуке. Широкие, слегка сутулыые, могучие плечи, большая львиная голова, опущенная на грудь, окладистая борода, длинные волосы, зачёсанные назад... Глаза его были красны и закрыты. Это был **Крюгер**.

Пришёл он сюда в последний раз помолиться на родной земле со своими братьями, укрепить их в вере, сказать им последнее слово, свой последний завет и проститься с ними, может быть, навсегда...

Он стоял неподвижно, с поникшей головой. В руке его была Библия.

Последние слова псалма замерли... Наступила та благоговейная тишина, когда после горячей мольбы, совершается таинственное исцеление наболевшего сердца, льются слёзы облегчения, когда в истерзанную душу человека вступает тихий, сладостный покой и она озаряется светлыми лучами надежды.

Крюгер приподнял слегка голову... Раздался его тихий, надтреснутый, старческий голос:

«Братья мои... я вижу слёзы... Если это слёзы душевной боли, слёзы страдания, слёзы отчаяния, утрите их... это слёзы неверья! Вспомните страдания ваших дедов, прадедов...»

Так начал он проповедь.

Я не в силах передать даже в сжатом виде содержание её. Он говорил долго, не переставая, часа два.

Увещевал, наставлял, ободрял... Приводил примеры Божьего покровительства из своей собственной многолетней жизни, преисполненной трудов и лишений. Вспоминал пережитые им минуты опасности, когда он четыре раза в жизни был в когтях

льва (левая рука его искусана и изуродована львом и он ею не владеет). Бог оказал ему особую милость, сохранив ему жизнь. А вера его, между тем, как великого грешника, слаба и несовершенна... Одна лишь вера детей чиста и сильна, только детская молитва искренна...

Голос его под конец приобрёл необычайную звучность и мощь. Несмотря на ярко сияющее южное солнце, он не закрывал своих больных глаз. Не обращая внимания на жгучую боль, он поднимал их к небу и там, в лазурной выси черпал свою вдохновение. Его горячая вера, его восторженные слова священным огнём жгли сердца слушателей, проникали в самые сокровенные тайники души, с могучей силой потрясали охладевших в вере.

Все были глубоко растроганы. По суровым, грубым лицам закоренелых в боях воинов текли слёзы... Женщины судорожно рыдали... Это не были уже слёзы неверия!

Крюгер замолк и дрожащей рукой закрыл глаза. Он видимо страдал. Ослепительно яркое жгучее солнце, солнце его родной страны, своей прощальной горячей лаской причинило его воспалённым глазам нестерпимую боль.

Он усиленно дышал. Обильный пот струился по его страдальческому лицу.

«Помолитесь, братья!..» – сказал он тихо и вошёл в домик.

Худощавый, высокий пастор вновь опустился на колени и суровая, величавая старозаветная священная песнь вновь попались широкой, спокойной волной...

XVII

Отъезд Крюгера

На следующий день, 10 (сентября), с первыми лучами солнца началась обычная будничная сутолока. Опять толпы народа, поспешно нагружающие свои бренными пожитки в вагоны отходящего поезда, или проходящие мимо... Опять озабоченные, раздражённые лица, отыскивание комиссаров, обманутые надежды, неудовольствие, ропот...

В салон-вагоне президента собрался весь наличный состав Исполнительного совета: **Рейц** (статс-секретарь), **Пит Гроблер** (товарищ министра иностранных дел), **Варэ** (главный аудитор), **Малербэ** (главный казначей), генерал **Лука Мейер** (президент фольксраада), главнокомандующий генерал **Луи Бота** и генерал **Бэн Вильюн**. На совете присутствовал также **Стейн**.

Крюгер сидел в углу вагона в своём сером цилиндре с трапурной повязкой. Лицо его за ночь заметно осунулось и имело скорбное, страдальческое выражение. Остальные, в шляпах с трубками в зубах, – сидели, стояли...

Это было последнее заседание Совета под председательством **Крюгера**.

У входных дверей вагона, снаружи, стоял с винтовкой за плечами часовой-бур и охранял доступ в вагон, чего в обычное время никогда не бывало.

Что было предметом обсуждения – неизвестно. Подходившие буры тщетно допытывали часового и напрягали слух, чтобы уловить хоть одно слово. Окна вагона были закрыты и изнутри не доносилось ни одного звука.

Смотреть никому не возбранялось. Толпа буров с большим вниманием следили за происходившей в вагоне пантомимой, инстинктивно угадывая, что здесь решаются вопросы необычайной важности.

Совещание, казалось, было весьма бурное. Лица у всех были возбуждённые. Говорились, по-видимому, страстные, пламенные речи. Это уже не были те невозмутимые, флегматичные буры, которых так трудно вывести из равновесия и заставить погорячиться. Ораторы энергично жестикулировали, потрясали в воздухе трубками, сжатыми кулаками угрожали невидимому врагу. То говорил один из них, то вдруг все вскакивали, чтобы поскорее высказать свою мысль.

Среди них виднелась согбенная фигура **Крюгера**, спокойно сидящего на одном и том же месте в конце вагона.

Совещание, наконец, кончилось. Все стали расходиться, сохраняя полное молчание. Лица их приняли обычное спокойное выражение.

Главный казначей отправился в вагон, в котором помещалось казначейство, и стал производить обычную выдачу денег разным бурам, подававшим ему какие-то грязные и измятые клочки бумаги, которые он нанизывал на гвоздь.

Так как доступ в вагон лицам, приходившим по делу, не был воспрещён, то и я имел возможность в нём побывать и познакомиться с удивительной простотой внутренней его обстановки и со всей процедурой выдачи денег.

В вагоне этом, обыкновенном товарном, не только производилась мелочная выдача, здесь также хранилась вся государственная казна, сосредотачивались все функции министерства финансов, Государственного банка, казначейства и прочее и прочее. Всем этим правил главный казначей со своим помощником.

В обоих концах вагона установлены были целые стенки из ящиков, содержащих слитки золота в виде золотых кирпичей (стоимость каждого кирпича 20 000 фунтов стерлингов) и толстых полос, вроде колёсных шин. Тут же на полу лежали довольно внушительных размеров кожаные мешки с золотыми и серебряными монетами (медных монет в Трансваале не существует, а наименьшая серебряная монета 3 пенса – около 12 копеек, представляет большую редкость, и тогда уже покупалась коллекционерами по несколько шиллингов за штуку).

Запас монет в Государственном казначействе был сравнительно небольшой, а потому в последнее время при уплате более крупных сумм (например, поставщикам) отщипывали просто соответствующий кусок золотой шины. Все же мелкие выдачи своим бюргерам производились не целиком звонкой монетой, а в такой пропорции: 1/4 звонкой монетой и 3/4 времennymi ассигнациями (блюбэк), изготовленными наскоро в походной типографии.

Ассигнации эти подлежали погашению не раньше как по окончании войны. Курсовая, так сказать, ценность их была, понятно, гораздо ниже номинальной раз в пять. Большинство владельцев этих бумаг, в особенности в Нельспруйте, относилось к ним с большим пессимизмом и они охотно сбывали их

за бесценок, лишь бы получить хоть сколько-нибудь звонкой монеты.

Посередине вагона стоял столик, за которым заседал главный казначей со своим помощником.

Определённого часа до открытия казначейства установлено не было. Когда являлась необходимость кому-нибудь получить деньги, то он отыскивал казначея, который шел, открывал вагон, выдавал требуемую сумму и тут же заносил её в расходную книгу. Этим и заканчивалась вся процедура.

Сделав в этот день несколько выдач, казначей запер по обыкновению вагон, и около 12 часов удалился. Казалось, всё обстояло благополучно.

Между тем, вскоре произошёл факт, сильно встревоживший всех обитателей Нельспруйта.

Несколько буров, скупщиков лошадей, прибывших издалека за деньгами, тщетно искали повсюду казначея. Мало того. Оказалось, что не только казначей, но и вагон с казной исчезли из Нельспруйта⁶⁰.

Весть эта в одно мгновение распространилась среди буров, толпившихся обыкновенно на станции. Все заволновались, многие бросились за разъяснением этого факта к **Рейцу**. На все расспросы они получали один и тот же лаконичный ответ: вагон отправлен в более безопасное место, а куда именно – будет известно.

Весьма естественно, что это неожиданное таинственное исчезновение вагона было понято как предвестник скорого исчезновения и самого **Крюгера**.

Предположение это настолько стало правдоподобным, что военные атташе, не получая до сих пор никаких официальных предупреждений, решились наконец сами объявить правительству, что они покидают Трансвааль, и этот же день отправились откланяться **Крюгеру**.

Аудиенция была весьма непродолжительна. Они сослались на полную невозможность следить за военными действиями, вследствие распадения бурской армии на более или менее мелкие отряды и перехода к чисто партизанскому ведению вой-

ны. **Крюгер** выслушал их безмолвно и также безмолвно пожал им руки. Глаза его по обыкновению были полузакрыты, а лицо оставалось бесстрастным и спокойным.

Под вечер экстренный поезд с президентским вагоном укатил из Нельспруйта. Событие, давно ожидаемое всеми, породившее столько тревоги, неудовольствия, злословия, истинное значение которого было так неправильно и пристрастно понимаемо, совершилось...

В Нельспруйте всех охватила какая-то беспомощность, растерянность, паника...

На станцию хлынули сотни народа. Водворился невероятный беспорядок и самоуправство. Всюду крики, плач, беготня, суета... Отцы семейств с двумя, тремя ребятишками на руках, матери с грудными младенцами, немощные старики, старухи, с протянутыми вперёд дрожащими руками, в поту, с обезумевшими глазами, с пересохшим горлом... всё это лезло в вагоны напролом, судорожно расталкивая друг друга, подсаживая своих, передавая через головы узлы, всякую утварь, детей...

У всех одна цель впереди, одно спасение – в вагон! В вагон поскорее!

Непрерывно составлялись поезда, совершали торопливо все необходимые манёвры, не обращая никакого внимания на толпившийся у вагонов народ. Каждый свисток паровоза действовал на толпу как электрический ток, как укушение ядовитой змеи. Многие были оттёрты от своей семьи толпой и не успевали сесть. Они в отчаянии бежали за уходящим поездом с протянутыми вперёд руками, выбиваясь из сил. При виде их из вагонов доносились душераздирающие крики женщин, старух...

А на станции вновь составлялся новый поезд, вновь манёвры, вновь борьба за вагоны, вновь резкие свистки паровоза, вновь отчаянные крики...

Начальник станции весь в поту, изнемогая от жары и усталости, работал за всех, лично составлял поезда, сцеплял вагоны, переводил стрелки... Некому было его заменить. Все кафры, исполнявшие эти обязанности, бежали ещё накануне!

Эта страшная, безумная, стихийная суматоха продолжалась несколько часов подряд. В 9 часов вечера ушёл, наконец, последний поезд в 80 вагонов, битком набитый счастливыми, которым удалось завладеть местом в вагоне.

Быстро наступившая тёмная южная ночь успокоила все страсти... Исподволь всё утихло. Усталая, измощдённая бесплодной борьбой толпа разбрелась по своим прежним, покинутым было бивакам. Ещё одна ночь!

По всей долине один за другим засветились огоньки костров. Неподвижно сидящие вокруг них группы несчастных беглецов отдыхали в ожидании скучного ужина. Лица их, застывшие в унылом раздумье, тускло освещались мерцающим, красноватым огнём костров. Не слышно было обычного говора... Не один невольный, глубокий вздох вырвался из наболевшей груди, не одна безмолвная слеза катилась по истомлённому лицу... Ещё одна ночь, а там... Боже, будь милостив...

Огни догорали, тухли... Воцарилась тишина... Всё погрузилось в сон...

Далеко-далеко слышалась где-то едва уловимая, нежная трель таинственной, неизвестной маленькой птички. Это невидимый спутник всех странствующих по пустыне. Неизменно каждую ночь является она у бивака и с последними лучами солнца, когда вся природа замирает, начинает свою однообразную, загадочную песнь.

На тёмном глубоком небе искрились звёзды. Южный Крест чудно сиял среди них разноцветными переливами. Казалось, вся вселенная мириадами своих ясных очей глядела ласково, спокойно, величаво на эту несчастную землю, на эту ничтожную песчинку, где миллионы бесконечно малых атомов не-прерывно рождаются, страдают, любят, ненавидят, гибнут в беспощадной борьбе за жизнь..., а вся-то их жизнь – одно мгновение...

На следующий день, 11 сентября, Нельспрут заметно опустел. Столица окончила своё существование. Кое-где кучка людей. Кое-где свисток паровоза... Санитарный поезд голландского амбуланса ушёл. Буры, прибывшие сюда из дальних

команд с неделю тому назад, после тщетного ожидания прибытия высылаемых **Робертсом** женщин и детей, отправлялись обратно к своим командам. Все члены правительства разъехались в разные стороны.

Статс-секретарь **Рейц**, одев патронташ и винтовку через плечо, уехал чуть свет в Лейденбургские горы с одним из своих сыновей, чтобы присоединиться к одной из команд **Бота**.

Схалк-Бюргер и **Бота** ещё накануне, сразу после заседания уехали в горы к Лейденбургу, где оперировал **Буллер**.

Гроблер, **Марэ** и **Малерб** покинули Трансвааль с президентом **Крюгером**.

Вен Вильюон после заседания отправился к своим войскам, раскинутым в окрестностях Ватерфала.

Президент **Стейн**, которому с большим трудом удалось достать себе верховую лошадь, уехал вдвоём с братом часа в два дня в Оранжевую Республику. Пробираясь по ночам преимущественно по глухим пустынным окраинам, им удалось благополучно избежать встречи с англичанами и присоединиться к войскам **Девета**.

В Нельспруйте остался один **Лука Мейер**⁶¹.

Российский офицер описал и крупную последнюю войсковую (не партизанскую) операцию буров – отступление в Португальский Мозамбик:

Отряд Пинаара

Всех буров, проходящих через Нельспруйт и направляющихся на восток, можно разделить на две категории. Одни, в большинстве семейные, спасались от англичан в глухие, отдалённые окраины страны. Другие, порешившие совсем покинуть своё отчество, или бежали прямо в Лоренсу-Маркеш по железной дороге, или же медленно пробирались туда чуть ли не пешком. Таким образом, весь путь, начиная с Нельспруйта и до Коматипорта, усеян был небольшими отдельными партиями буров.

Дальнейшая участь всех этих эмигрантов, как известно, была уже предрешена и выполнялась по заранее выработанной программе.

Все бывшие в Нельсопруйте пешие буры, человек 400, большинство которых принадлежало ко второй категории, и около 300 иностранных волонтёров составляли отдельный отряд; начальство над ними принял на себя генерал **Пинаар**. Задача его состояла в том, чтобы двигаясь вдоль железной дороги на восток, подбирать все встречающиеся по пути мелкие партии, подвести всю эту толпу к границе и сдать её в плен португальцам. Задача исключительная и далеко не заманчивая!

Пинаар – бывший командант Йоханнесбургской команды, отрешённый от начальствования ею по просьбе своих же подчинённых за непрерывные денежные недоразумения с ними и за чрезмерное пристрастие к спиртным напиткам. Он добровольно вызвался взять на себя формирование этого отряда, командование им и передачу его португальцам. За одну эту необычайную готовность к самопожертвованию он был награждён на основании недавно изданного военного закона генеральским чином.

Таким образом, вся эта **пинааровская** операция являлась последним актом бескорыстной христианской заботливости правительства о своём народе. Она была бы разыграна гладко, как по нотам, если бы, прежде всего, не разбойничьи шайки **кафров**, которые, подстрекаемые английскими агентами, не давали покоя несчастным беглецам, собиравшимся на границе в ожидании прибытия главных сил под начальством **Пинаара**; а затем недоразумения с португальцами тоже немало нарушили стройность этой операции.

Буры под натиском англичан всё отступали и отступали, и если бы не настойчивое приставание к ним англичан с боем, то отступление это совершилось бы спокойнее и без никому не нужных жертв.

18 сентября **Поль-Кэрью (Холь-Карью)** занял Кампуйден и захватил около 50 паровозов и значительное число ва-

гонов. В этот же день он двинулся дальше к Гекторспруйт. И совершенно напрасно торопился, – буры ещё не успели отойти на достаточно приличное расстояние. Один английский корреспондент телеграфировал,.. что между Капмуйденом и Гекторспруитом произошла настоящая битва и потери буров были тяжки.

К этому времени в Лоренсу-Маркеш накопилось уже около 500 человек, прибывших в разное время по железной дороге. Они содержались португальцами под строжайшим надзором, почти как военнопленные. 18-го же числа прибыл сюда бурский амбуланс (санитарный отряд) с 24 ранеными, среди которых было 4 англичанина.

Португальцы всё стягивали свои войска к границе, чтобы не допустить перехода на свою территорию вооружённых отрядов буров. По словам одного корреспондента, португальские войска рассыпали в горы патрули и строго (?) наблюдали (?) за событиями(?).

Корреспонденты различных английских газет сообщают из Лоренсу-Маркеша за это время много курьёзных небылиц. Приведу некоторые выдержки.

18 сентября:

У Коматипорта продолжают сражаться. Все свободные войска отправлены к границе. Ожидают, что мост через реку Комати будет разрушен. Здесь господствует большая тревога. Ночью прибыли 500 бурских беглецов. (О каких сражениях здесь идёт речь, если английские войска подошли к Коматипорту только 23-го и заняли его на следующий день без выстрела, когда **Пинаар** был уже давно в плену? 500 бурских беглецов прибыло не в одну эту ночь, а прибыло в течение почти 14 дней.)

Лоренсу-Маркеш наводнён бурами... Португальская батарея вчера отошла на границу, но на 63 километре подверглась нападению **кафров**(?). Бой ещё продолжается.

20 сентября:

Сражение на португальской границе, о котором было сообщено, как теперь оказывается, было лишь стычкой между **кафрами** и бурами, занимавшими сильную позицию в 300 яр-

дах от станции Рессаногарсия. (Станция эта находится на португальской территории, напротив Коматипорта.)

Мост на Комати разрушен. Движение поездов прервано. Британский консул сделал приготовления к восстановлению моста и немедленному открытию движения по железной дороге. (Моста никто и не думал разрушать.)

21 сентября:

Буры стоят теперь на холмах, которые тянутся в направлении к Коматипорту. (Удивительно точное определение!) У них два орудия и 10 митральез (пулемётов). Их 10 000 человек под командой генералов **Пинаара** и **Геца**. Англичане со дня на день ожидаются. (У буров был всего один **Лонг-Том**, да и тот перед сдачей в плен был взорван. Отряд **Пинаара** был численностью не более 1000 человек, из которых сдалось только 700.)

23 сентября:

700 буров, между ними 14 высших офицеров, прибывших утром на португальскую территорию, взяты тремястами португальских солдат. Затем 800 буров и несколько американских ирландцев прибыли вечером с экстренным поездом и все в тот час же удалены внутрь страны... Англичане заняли Коматипорт без сопротивления. Мост не испорчен.

(Пленение 700 буров с 14 высшими офицерами тремястами португальцами было бы действительно блестящим делом, если бы отряд буров оказал хоть какое-либо сопротивление и если бы все эти высшие офицеры во главе с **Пинааром** действительно достойны были носить это высокое звание. Что касается 800 буров и нескольких американских ирландцев, прибывших вечером с экстренным поездом, то это были простые безоружные эмигранты и считать их военнопленными не было никакого основания.)

К этой бесподобной коллекции сообщений английских корреспондентов нельзя не присоединить, как самый блестящий образец, донесения лорда **Робертса** из Нельспруйта от 21 сентября. Он пишет:

3000 буров (увеличенено ровно втрое) отступили к Коматипорту. 700 из них переступили португальскую границу.

Остальные рассеялись (отчего же раньше не рассеялись? Кто же их заставил рассеяться?) после того, как тяжёлые (всего одно) и полевые орудия (таких и не бывало) были приведены в негодность. (Это уже сделано было в Нельспруйте.) От армии буров не осталось ничего (трудно себе представить, что могло заставить **Робертса** считать удаление из страны всякого негодного и вредного сброва равносильным исчезновению армии!), кроме нескольких шаек мародёров. (Пренебрежение к противнику – большой грех, жестоко наказуемый в большинстве случаев.)

Из сопоставления всех этих данных друг с другом трудно себе составить даже приблизительное понятие о событиях последних дней. В действительности произошло следующее:

Отступая, **Пинаар** подбирал в пути всех желающих сдаваться в плен. Англичане его беспокоили, пользуясь его миролюбием, и заставляли драться. К 21 сентября отряд этот подошёл к Коматипорту. Численность его наросла до 1000 человек, из которых 700, в том числе и сам **Пинаар**, сдались португальцам без выстрела. Таким образом, 24-го утром **Поль-Кэрью** имел уже полную возможность занять Коматипорт, не застав там ни одного бура. Вот голая истина.

Что же касается непрерывных сражений, о которых пишут корреспонденты из Лоренсу-Маркеша, то это были простые недоразумения между небольшими партиями буров, переходившими границу, и пограничными сторожевыми постами португальцев, слишком строго наблюдавшими за событиями.

Буры эти не имели ни малейшего намерения нападать на соседей, у которых они, напротив, искали гостеприимства и спасения от неприятеля. Причиной же столкновений была зазнечивость и грубость португальских солдат, с которой эти пигмеи набрасывались на гигантов-буров с целью их обезоружить. Отнять у бура винтовку, с которой он не расставался всю жизнь! Такое насилие, немыслимое при других условиях, понятно, возмущало буров.

Только одна мания величия, которой подвержены в сильной

степени эти маленькие человечки, дети маленького народца, могла их побудить назвать эти простые драки сражениями.

К 23 сентября в Лоренсу-Маркеш набралось около 2000 выходцев из Трансвааля. В числе их было более 1000 таких, которые приехали по железной дороге, некоторые со своими семьями, но во всяком случае безоружные.

Остальные, частью входили в состав отряда **Пинаара**, частью самостоятельно переходили границу отдельными небольшими партиями и были обезоружены португальцами. И тех и других португальцы занесли в одну общую графу военнопленных и заперли в пустом сарае в Лоренсу-Маркеш; а американских ирландцев, около 70 человек, как самых опасных, под громадным конвоем перевезли на военное судно, стоявшее на якоре. Поводом к этому послужил колossalный кошачий концерт, устроенный ими на другой день после пленения перед дном британского консула.

Большинство несчастных пленников, в особенности волонтёры, были в безвыходном положении, без гроша денег, оборванные и без сапог. Сверх всего, португальцы кормили их просто впроголодь, выдавая по две сосиски и по булке в день на человека.

Иностранные волонтёры, за все принесённые ими бурскому делу жертвы, сочли себя вправе обратиться к трансваальскому консулу **Потту** с требованием о снабжении их одеждой и отправки в Европу.

Не без труда и не без серьёзных угроз удалось их представителям, **Риккиарди** и барону **Гольдеку**⁶², выдающимся по своим заслугам офицерам, добиться удовлетворения их справедливых требований. Волонтёры, в конце концов, были одеты с ног до головы в приличное европейское платье, каждый из них получил на руки от 20 до 50 фунтов стерлингов и для перевозки их в Европу нанят был, кажется за 7000 фунтов стерлингов, целый пароход **«Styria»** (Штирия) (австрийский).

Остальные неверные сыны отечества⁶³ были предоставлены самим себе и многие из них попали⁶⁴ в Лиссабон⁶⁵.

Британцы заставили португальцев интернировать всех африканеров в качестве военнопленных. Русская пресса писала:

Лоренсу-Маркеш. Португальские власти арестовали всех буров, находящихся на португальской территории, не исключая и 14-летних мальчиков, и заключили их в особых казармах⁶⁶.

О пребывании последнего президента Трансвааля в Португальском Мозамбике российский капитан писал:

XIX

Крюгер в Лоренсу-Маркеш

После неудачной облавы на **Крюгера** англичане стараются уверить себя, буров и весь мир, что дело бурских республик проиграно окончательно.

Английские газеты единогласно высказывают мнение, что бегство **Крюгера** для англичан гораздо выгоднее, чем взятие его в плен, так как этим будут предотвращены серьёзные осложнения (?).

Они находят, что этот малодраматический и малогероический поступок его причинит непоправимый вред крюгеровской легенде.

Всё указывает на то, по их мнению, что официальная (?) война будет скоро окончена. Если **Схалк-Бюргер**, заместитель президента, не захочет взять на себя ответственность за капитуляцию, то есть основание думать, что партизанская война продлится ещё несколько месяцев. Если же последует официальная капитуляция, то англичане могут отнестись к партизанам, как к разбойникам (?!).

«Daily Telegraph» с апломбом заявляет, что внезапное ослабление (?) буров объясняется не деморализацией войск вследствие поражений, а дипломатическими мерами (?) из Лоренсо-

Президент Крюгер в парадном
президентском облачении

Маркеша. Британский консул и губернатор **Махадо** вошли в дипломатическое соглашение с целью привести войну к наиболее желательному концу и результат этого достаточно известен (?).

Наконец, **Робертс** тоже счёл нужным торжественно выскажаться. В своей прокламации, изданной по поводу отъезда **Крюгера**, он говорит (Приложение 9):

Мистер **Крюгер** формально покинул пост президента, чем прервал официальную связь с Трансваалем. Поступок его показывает, насколько безнадёжна, по его мнению (?), война, и насколько бесполезно продолжать борьбу.

Как на доказательство бесполезности борьбы **Робертс** указывает на факт, который в настоящее время почему-то должны признать все буры.

Факт этот состоит в том, что никакое вмешательство в их пользу со стороны какой-либо из великих держав не может будто бы иметь места.

Возражать на все эти фразы – напрасная и непроизводительная трата времени. Это было бы то же самое, что доказывать – дважды два не пять, а четыре; или убеждать человека, находящегося в горячечном бреду, что всё им сказанное недостаточно логично.

Подобное недобросовестное мистицирование общества может иметь успех и мыслимо лишь в том случае, когда само общество охвачено манией величия и лишилось чувства справедливости, здравого смысла и способности относиться к фактам объективно.

Пребыванием **Крюгера** в Лоренсо-Маркеш интересовалась вся Европа. Появление его на португальской территории не могло не показаться рискованным. Вера в прочность нейтралитета Португалии была уже несколько поколеблена, а настойчивая и бесцеремонная требовательность британского консула в Лоренсо-Маркеш всё усиливалась и усиливалась.

Вся читающая публика, следившая с таким тревожным вниманием за всеми исходящими из Лоренсо-Маркеша сообщениями, не могла иметь, к сожалению, вполне верного

представления об обстановке, в которой находился президент **Крюгер**. Вся передача сведений по этому предмету была монополизирована английскими корреспондентами, а источник, которым они так свободно пользовались, – британское консульство, – нельзя признать достаточно беспристрастным. Все нежелательные сведения, направляемые в Европу, неминуемо задерживаются английской цензурой, тем более что подводные телеграфные кабели, соединяющие Южную Африку с Европой, принадлежат исключительно английским компаниям.

11 сентября вечером **Крюгер** прибыл в Лоренсо-Маркеш и остановился в доме трансваальского консула **Герарда Потта**. Для охраны его был выставлен небольшой караул.

Губернатор **Махадо**, оказав гостеприимство **Крюгеру** на свою личную ответственность, донёс об этом своему правительству. 13 числа он получил ответ из Лиссабона с инструкцией относительно характера дальнейших отношений местных властей к **Крюгеру**. В чём собственно состояла эта инструкция, точно не известно.

Ближайшим, однако, следствием этих переговоров было предложение **Крюгеру** переселиться в губернаторский дом. Губернатор мотивировал своё предложение большей безопасностью от злоумышленников. Поводом к явившимся у него опасениям послужил арест пяти англичан, заподозренных в намерении взорвать дом **Потта**. 14 числа **Крюгер** беспрекословно переехал на жительство в дом губернатора.

По поводу этого таинственного заговора на жизнь **Крюгера** я должен заметить, что англичане вообще далеко не отличаются фанатизмом, а английские злоумышленники, свившие себе гнездо в Лоренсо-Маркеш, тем более. Они, правда, на всё были способны, но только за деньги. Какие же причины могли их побудить на это предприятие? Трое из них немедленно были освобождены, а остальные? Кто? Зачем? Неизвестно. Загадка...

Корреспондент «Daily Telegraph» так описывает пребывание **Крюгера** в Лоренсо-Маркеш:

«**Крюгера** номинально держат в плену, так как британский консул решительно протестовал против того, чтобы

Крюгер пользовался португальской территорией как местом пребывания для сношений с Трансваалем, или для руководства его делами. Поэтому **Крюгер** переведён из дома консула **Потта** в губернаторский, где он находится под строгим надзором. Перед домом поставлена стража. Секретарь губернатора отвечает за **Крюгера**, – ему приказано не выпускать президента из губернаторского дома. Губернатор уведомил **Потта**, что ему предписано не признавать **Потта** впредь представителем Трансваала и Оранжевой Республики, так как обе эти республики составляют теперь британскую территорию.

Французский консул и консульский атташе хотели видеться с **Крюгером**, но не были к нему допущены. Чиновникам **Крюгера** также не было дозволено видеться с ним. **Схалк-Бюргер**, прибывший сюда прошлой ночью, тоже не получил разрешения посетить **Крюгера** и немедленно уехал обратно; с ним отбыл и **Альфонс Элоф**.

Факты, передаваемые корреспондентом, имеют особую специфическую окраску, которая бесспорно соответствовала точке зрения всякого англичанина, а тем более британского консула. Создание той обстановки, в которую якобы был поставлен **Крюгер**, англичане самоуверенно и самодовольно приписывали исключительно своему влиянию. Они без всякого сомнения и не допускали возможности, чтобы португальское правительство позволило себе в чём-нибудь игнорировать британские интересы. Прежде всего, британский консул в Лоренсо-Маркеш был такого мнения, а английские корреспонденты, вдохновляемые им, смотрели на всё его глазами.

Корреспондент «Daily Telegraph», судя по всяким сплетням и слухам, ничего общего с истиной не имеющим, на которые он набрасывался и торопливо препровождал в Лондон, отличался более других слепым пристрастием и легкомыслием. К его сообщениям следует относиться, по меньшей мере, с большой осторожностью.

Прежде всего, немыслимо допустить, чтобы **Крюгер**, глава

государства, выдающийся дипломат, не имел самых элементарных понятий о международных отношениях, о нейтралитете и, в частности, о полной политической зависимости Португалии от Великобритании.

Прося гостеприимства у нейтральной державы, он, без всякого сомнения, знал, что раз перешагнув португальскую границу, ему надлежит, безусловно, отказаться от всякой официальной деятельности его как президента Трансваальской Республики. Без всякого сомнения, **Крюгер** был неизмеримо порядочнее и щепетильнее в этом отношении, чем его стараются изобразить английские газеты.

Все описываемые ими ограничения и репрессалии, применённые якобы к **Крюгеру** с целью изолирования его от участия в делах Трансвааля, были совершенно излишни. Если британский консул счёл возможным предложить их португальскому правительству и если корреспонденты не могли себе иначе объяснить поведение **Крюгера**, как применением этих насилистенных мер, то всё это вместе взятое явилось только грубым глумлением над всеми уважаемым стариком, ничем не вызванным, незаслуженным оскорблением и лишней, так сказать, клюшкой в его терновом венце.

Консул **Поттер** самым категорическим образом высказался как-то, что здесь, на португальской территории, **Крюгер** решился соблюдать строжайшее инкогнито и отказывается от всяких свиданий самого невинного и частного свойства, с кем бы то ни было из трансваальцев. В подтверждение этого я приведу один незначительный факт.

Губернатор **Махадо**, как известно, относился к **Крюгеру** вообще с большим уважением. В этот день, когда **Крюгер** переехал к нему в дом, он захотел своему гостю оказать внимание и доставить почтенному старику некоторое развлечение приглашением к обеду консула **Потта**.

Зная, однако, вперёд, что **Потт** из уважения к **Крюгеру** непременно откажется от приглашения под каким-нибудь благовидным предлогом, губернатор пишет ему письмо, которое начинается так:

«Ваш президент приказывает Вам (Votre President Vous ordonne) принять моё приглашение и явиться к обеду сегодня и так далее».

Письмо это получено было **Поттом** при мне. Он был настолько любезен, что поделился со мною содержанием его и дал соответствующее краткое объяснение.

Этот незначительный сам по себе факт даёт, однако, право утверждать, что насилиственного изолирования **Крюгера** не было. Если бы полученная губернатором из Лиссабона инструкция действительно предписывала подобное обращение, то вряд ли он решился дать такой серьёзный повод к обвинению его в явном несоблюдении этой инструкции. Английские корреспонденты и знать ничего не хотели. Инструкция эта, в воспалённом их воображении, представлялась им только в одном виде, а именно, начинённой всевозможными истязаниями **Крюгера**.

К приведённой мной корреспонденции в газете «Daily Telegraph» считаю долгом сделать ещё одну, несущественную, впрочем, поправку. Упомянутый в ней **Схалк-Бюргер** и не думал, вероятно, приезжать в Лоренсо-Маркеш ночью с 13 на 14 сентября; после заседания 10 числа в Нельспруйте он в этом не мог иметь никакой надобности; да, наконец, как заместитель **Крюгера**, он не решился бы рисковать своей свободой. **Альфонс Элоф** (женатый на одной из внучек **Крюгера**) всё время проживал в Лоренсо-Маркеш и уехал в Европу одновременно с **Крюгером**.

Итак, против тенденции газетных сообщений о пребывании **Крюгера** в Лоренсо-Маркеш можно многое возразить и можно ею возмущаться, фактически же сторона была верна. Факт налицо – **Крюгер** был изолирован.

Было ли это отшельничество его добровольным, являлось ли оно следствием насилия над ним, – безразлично, – результат один и тот же. Одиночество это и обстановка, в которой он находился, были для него бесспорно тяжёлым испытанием.

Единственным утешением, возможным при этих условиях, мог бы быть приезд его старушки-жены. Надеясь на обещание

Робертса, данное в письме к **Бота**, он телеграфировал ей 13-го числа, прося её приехать в Лоренсо-Маркеш, на что получил ответ, что состояние здоровья не позволяет ей приехать. Вскоре она действительно серьёзно захворала и слегла. Он её больше не увидел. И в этом единственном утешении ему было отказано... судьбой! К довершению всего и будущее представлялось сомнительным и возбуждало большие опасения. Английское общество и английские газеты, интересовавшиеся войной с чисто коммерческой точки зрения, смотревшие на неё как на коммерческое предприятие (practical business), с торгающейся бесцеремонностью и циничной беззастенчивостью стали обсуждать во всеуслышание вопрос о заарестовании государственного архива и казны, ввезенных **Крюгером** из Трансваля.

Если здесь, на нейтральной территории, англичане не имели полной свободы действия и если подобный захват казался им несколько неудобным, то в открытом море они не видели и не допускали никаких стеснений. Корреспондент «Daily Mail», например, пишет из Лоренцо-Маркеш, что, английские военные суда получили приказ задержать в открытом море пароход австрийского Ллойда⁶⁷ «**Styria**», на котором уже были заняты места для президента **Крюгера** и находящийся при нём государственный архив.

Все эти грозные приготовления, высказываемые всюду открыто, без всяких стеснений, заставили **Крюгера** отказаться от путешествия на пароходе «**Styria**». Проект этот был сопряжен с явным риском, а как поступить иначе? Положение **Крюгера** было бы окончательно безвыходным, если бы не неожиданная помощь, великодушно оказанная ему голландской королевой **Вильгеминой**. Юная королева, тронутая до глубины души мученической судьбой престарелого президента и безвыходным положением его, с истинно рыцарским благородством предоставила в его распоряжение броненосец⁶⁸ «**Gelderland**» (Гельдерланд). Это великодушное предложение, понятно, было принято **Крюгером** без всякого колебания и с глубочайшей благодарностью.

12 октября «Gelderland» стал на якорь на внешнем рейде Делагоа. 13-го все офицеры сделали визит **Крюгера** в губернаторском доме, а на другой день он уже переехал на борт броненосца.

20 октября «Gelderland» поднял якорь и направился через Джибути в Марсель, куда прибыл ровно через месяц.

Так окончился для **Крюгера** бурный период травли, истязаний, покушений на его жизнь и свободу. На смену явились новые заботы, новые разочарования...⁶⁹

В заключение своего отчёта фон **Зигерн-Корн** делал интересные обобщения текущего положения дел в Южной Африке:

XX

Заключение

С отъездом **Крюгера** в Европу и с передачей неприятелю железной дороги Претория–Делагоа окончился смешанный регулярно-партизанский период войны. **Луи Бота** получил свободу и все боевые силы буров перешли к чисто партизанскому образу действий.

Чтобы составить себе понятие о положении дел на театре военных действий, сделаем краткий обзор боевых сил обеих воюющих сторон и достигнутых ими результатов к данному времени, то есть к ноябрю 1900 г.

Обе бурские республики располагали накануне войны следующими силами:

Из всего народонаселения в 158 000 в бой могло пойти не более 50 000. В начале войны, как известно, буры выставили всего 46 000 человек и 100 с небольшим орудий.

Вся их 50-тысячная милиция к данному времени распределена была нижеследующим образом:

1. В командах состояло не более 10 000 человек.
2. Число находящихся в плена буров по донесению **Робертса** достигло 16 000 человек.

3. Всех покинувших в разное время страну, из числа способных носить оружие, было около 1500 человек.

4. Число убитых и раненых (инвалидов) пока нет возможности точно определить. Если взять в десять раз меньше соответствующего числа английских потерь, то будет приблизительно верно, что потери эти выражаются приблизительно цифрою в 1000 человек.

5. За вычетом всего расхода, указанного в предыдущих пунктах, для пополнения убыли в действующих командах и на случай непредвиденных осложнений остаётся резерв в 21 500 человек максимум

и 6. Артиллерия буров погибла вся. Если на позициях бурских и появлялась полевая артиллерия, или пулемёты, то это были орудия, захваченные у англичан.

Итак, весь актив, так сказать, которым располагали бурские республики, состоял всего из 30 000 с небольшим, из коих, судя по опыту войны, единовременно могло состоять в командах не более 10 000 человек. Несмотря на такие сравнительно малые силы, партизанская война велась интенсивно и организация её была идеально правильной.

Все буры по своим боевым и природным качествам настоящие партизаны, едва ли не лучшие в мире. Все они верхом. Отряды их, или команды, численностью своею не превышают 500 человек. Начальники их, в особенности по уничтожении, в силу нового закона выборного начала, – лучшие во всех отношениях люди.

Каждый из высших начальников имеет свой определённый район действий, местность которого ему и всем людям знакома безуказненно. **Бота** оперирует в восточной части Трансвааля, **Деларей** – а западной, а **Девет** – в Оранжевой Республике.

Северо-восточная, недоступная для неприятеля часть Трансвааля – Лейденбургский округ, – представляла богатейший, непочатый магазин продовольствия и боевых припасов, а также безопасное место, куда буры могли, в случае надобности, отправлять своих больных, раненых, пленных и тому по-

добное. Этим удобством, однако, они ещё не пользовались в полной мере, не имея, вероятно, настоящей надобности и не желая себя стеснять николько в свободе действий и в подвижности. Продовольствие, боевые припасы, лошадей, одежду они имели с избытком от англичан, захватывая их поезда и транспорты; больных и раненых бывало очень мало, а пленных не брали совсем. Таким образом, Лейденбург пока оставался на чёрный день, так сказать.

К отъезду **Крюгера**, вопреки уверениям **Робертса** и английских газет, борьба повсюду велась ожесточённо и не только не ослабла, но приняла угрожающие размеры.

Посмотрим теперь, каково было положение англичан на театре военных действий.

Военный сотрудник «Berliner Tageblatt», хорошо видимо осведомлённый, подводит следующий итог всем усилиям и жертвам, затраченным англичанами к этому времени для подавления обеих бурских республик.

В Южную Африку отправлено было:

Офицеров и солдат	201 474 человек
Лошадей	34 384
Артиллерийских орудий, всевозможных родов и калибров	490

В Южной Африке до начала войны было:

Регулярных войск	8000 человек
Волонтёров	20 000 человек
Горных орудий	6

Сверх того закуплено было во время войны во всех частях света и отправлено на театр военных действий

Лошадей	42 000
Мулов	23 000
Итого:	
Людей	229 474 человек
Лошадей и мулов	99 384
Орудий	496

Надо принять ещё во внимание, что для обозной и санитарной службы, для фуражировок⁷⁰, картельных экспедиций и всевозможных тяжёлых работ были привлечены многие тысячи **кафров**.

Потери англичан к ноябрю 1900 г., по подсчёту «Frankfurt Zeitung», сделанному на основании официальных отчётов британского военного министерства, выразились в следующем:

В сражениях убито	302 офицера, 2902 солдата
Умерло от ран	89 офицеров, 893 солдата
Умерло от болезней	158 офицеров, 6205 солдат
Погибло от несчастных случаев	4 офицера, 145 солдат
Всего умерло	553 офицера, 10 145 солдат
Пропавших без вести и пленных	7 офицера, 882 солдата
Отправлено на родину раненых и больных	1422 офицера, 33 077 солдат
Всего потерь	46 026 человек

К этому числу надо прибавить больных и раненых, находившихся в капских полевых госпиталях, которые были всегда переполнены и вмещали 5000–6000 человек. Следовательно, всю убыль к данному времени в скромных пределах надо считать не менее чем в 52 тысячи человек.

По поводу этой цифры необходимо сделать некоторую оговорку. По подсчёту известного английского военного врача **Кэннеля**, в английской армии в Южной Африке в 1900 г. вышло из строя вследствие болезней (главным образом от тифа) около 50 000 человек. Эта цифра невольно наводит на мысль,

что официальные данные военного министерства едва ли меньше действительных тысяч на 10.

Английская кавалерия, столь необходимый род войска для действий против партизанских отрядов, почти растаяла. Убыль в конском составе достигла громадных размеров, а пополнение её стало весьма затруднительным. Это обстоятельство, между прочим, также немало способствовало успехам буров за последнее время (сентябрь и октябрь 1900 г.).

В «*Kolnisch Zeitung*» были помещены весьма интересные сведения об английской кавалерии, а именно:

К ноябрю месяца 1900 г. в кавалерийской дивизии **Френча**, состоявшей из 6-ти полков (Карабинерный, полк Серых Шотландцев, Иннискильский, 7-й гвардейский драгунский, 14 и 18-й гусарские полки) и 3-х конных батарей, имелось всего 1500 коней! По штатам должно было стоять не менее 5000!

Чтобы составить себе некоторое понятие о тех непреодолимых трудностях, которые встречала английская армия в исполнении её ближайшей и важнейшей задачи – сломить вооружённое сопротивление буров, достаточно сделать приблизительный хотя бы подсчёт числа войск, прикованных к железнодорожным сообщениям.

На южноафриканском театре военных действий у англичан были три главных операционных линии:

1. Дурбан–Ледисмит–Йоханнесбург–Претория.

Длина – 820 км.

2. От Ист-Лондона, Порт-Элизабет и Капштадта через Оранжевую реку до Претории.

Длина – 1100–1700 км.

3. Делагоа–Претория.

Длина – 560 км.

Общая длина – 2380–2980 км.

Большая часть этого пути пролегала по пространству, занятому враждебным населением и предприимчивыми, подвижными партизанскими отрядами. Оборона железной дороги в неприятельской стране вообще трудна, а при таких условиях

тем более нельзя было надеяться на какие-либо положительные результаты.

Правильное снабжение продовольствием и боевыми припасами армии, разбросанной по всему театру войны, представлялось почти невероятным, а прекращение подвоза на более или менее продолжительное время могло быть равносильным гибели всей армии. Рассчитывать на местные продовольственные средства, когда вся страна была разорена и выжжена карательными мерами, а жители рассеяны, было положительно немыслимо. Положение было тем более трудное, что и на базе, в Капской колонии, обстояло не благополучно – со дня на день назревало восстание.

При таких в высшей степени неблагоприятных условиях англичане принуждены были оборону железных дорог усилить до последней степени. Они довели густоту расположения охранительных войск до 20 человек на километр, местами и больше, что составляет уже почтенную цифру в 50 000–60 000.

И эта усиленная оборона оказалась, безусловно, недостаточной. Пришлось волей-неволей принять на довольствие всю бурскую армию, а свои войска получали всё необходимое уже как бы контрабандным порядком. **Христиан Девет** в Оранжевой Республике настолько был строг, бдителен и малопокладист в отношении этой контрабанды, что англичане называли его «наш начальник движения».

Итак, вся наличная английская армия, численность которой никоим образом не превышала 170 000, была раскинута по всему обширному пространству Южной Африки. Львиная доля всех этих сил была прикована к месту и лишена всякой активности. За вычетом многочисленных гарнизонов и войск, распределённых вдоль железнодорожных сообщений для охраны их, для активных действий против строптивого неприятеля, едва набиралось каких-нибудь 30 000, то есть столько же, сколько и буры могли единовременно выставить в крайнем случае.

30 000 истомлённых и деморализованных английских солдат уже не в силах были создать какие-либо «крайние случаи»,

а потому буры довольствовались 10 тысячами. И этого было достаточно для уравновешивания си!

И вот, чтобы прийти к такому тусклому положению, едва ли обещавшему серьёзный успех в будущем, Британской империи пришлось убрать из метрополии почти все войска, исчерпать все источники подкреплений, побираться по мелочам у колоний и ухлопать на это рискованное коммерческое предпринятие многие сотни миллионов денег!

Всех этих жертв и усилий оказалось, однако, мало для подавления сопротивления 10 тысяч буров!

Понадобились новые средства. Появились прокламации о присоединении, истязание пленных, выжигание ферм, вооружение **кафров**, высылки семейств, уверения, что война окончена и дальнейшее сопротивление бесполезно... наконец, изобретательность **Робертса** выдохлась.

Преемник его, **Китченер**, нашёл новые средства. В числе их явились концентрационные лагеря, заключившие в свои страшные объятия почти всё уцелевшее население бурских республик (более ста тысяч), с ужасающей смертностью, с позорным обращением с женщинами, девушкиами, с болезнью, которой буры до сих пор не знали...

Китченер уже выдыхается. Выдыхается и Англия.

Ничто не сломило геройского мужества и долготерпения буров!

Твёрдая вера в Бога, строгая, патриархальная нравственность семьи, уцелевшая вдали от цивилизации, любовь к свободе, суровый быт, долгий, непрерывный боевой опыт, вот те могучие силы, которые дают каждому чистокровному буру несокрушимый нравственный закал и против которых бессильно и численное, и техническое превосходство неприятеля!

Крюгер лучший бур из всех буров, ибо он избранник и вождь этого удивительного народа.

Трудно допустить, чтобы этот мудрый и дальновидный государственный муж, тонко знающий свой родной народ, этот 75-летний, много потерпевший в жизни старец, наконец, по-

зволил бы себе рисоваться и ради красивых, громких фраз мистифицировать всю Европу.

Сойдя в Марселе с борта «**Gelderland'a**» на берег, и в ответ на приветственные речи, он сказал следующее:

«Трансвааль борется с варварами. Когда погибнут все буры, борьба всё-таки будет продолжаться, пока останется в живых хоть одна женщина! Хоть один ребенок!»

(Подпись) Подполковник **Зигерн-Корн**⁷¹.

Приведём и некоторые приложения к отчёту:

Приложение 2

Циркуляр

Бивак командант-генерала.

18 августа 1901 (1900?) г.

Ко всем офицерам и бургомерам.

До моего сведения дошло, что, несмотря на все мои многочисленные циркуляры, бывают ещё и теперь от времени до времени случаи бесполезного нарушения прав частной собственности и захвата чужого движимого и недвижимого имущества, на что мне часто поступают жалобы. Посему я ещё раз строго и настойчиво напоминаю всем офицерам и бургомерам, что подобного рода поступки причиняют много вреда нашему великому делу освобождения родины, и что обязанность каждого офицера по отношению к подчинённым – преследовать виновных и наказывать их в пределах своей власти. Когда явится некоторое основание предполагать, что чьему-либо имуществу грозит опасность расхищения, на обязанности офицера лежит воспрепятствовать этому; он должен приставить к этому имуществу стражу и уполномочить её к пресечению подобного деяния, после надлежащего предупреждения, принять самые крайние меры, до расстреляния включительно.

Как на особый вид этой страсти к истреблению, которую всячески надо искоренять, я укажу, между прочим, на бесполезное расстреливание патронов, что не только наносит ущерб правительству, но и уменьшает боевые средства наших войск. Как только кто-либо из офицеров заметит, что лица, отпущеные из своих команд и, следовательно, не находящиеся под непосредственным надзором своих офицеров, делают что-либо подобное, он обязан оказать этому сопротивление и донести о случившемся надлежащему начальнику.

Когда у команды возникает необходимость в имуществе частного лица, то за получением его следует обратиться к специально уполномоченному офицеру, который даст на этот случай соответствующий письменный ордер.

Решившись твёрдо положить конец подобным разграблениям, не только причиняющим вред неповинным гражданам и добруму имени республики, но и распространяющим в войсках мятежный дух, я довожу до сведения всех офицеров и бургевров, что лишь только мною будет замечено несоблюдение ими постановлений этого циркуляра, я сочту своим долгом заставить их отвечать за учинённые их командами проступки их собственным имуществом и имуществом подчинённых.

Все ойтландеры, о пребывании коих в стране не может быть и речи, провинившиеся в поступках, означенных в настоящем циркуляре, должны быть задержаны и, по выяснении их виновности, высланы из пределов страны или заключены в тюрьму.

Поручаю всем офицерам содержание этого приказания довести до сведения своих подчинённых.

Луи Бота, командант-генерал.

Приложение 3.

Прокламация

Ввиду того, что положение страны вызывает необходи-

мость во временном перенесении местопребывания правительства, я, **Стефан-Иоанн Павел Крюгер**, президент Южно-Африканской Республики, согласно постановления и по воле исполнительного совета, статьи 146 его решений от 3 сентября 1900 г. и в силу полномочий, данных на первом собрании фольксраада, статья 1416 от 28 сентября 1899 г. – сим объявляю и постановляю, что, начиная с 28 августа 1900 г., местопребывание правительства будет находиться в Нельспруйте, в Южно-Африканской Республике.

Дано за моей подписью и с приложением Большой Печати Южно-Африканской Республики 3 сентября 1900 г. в Нельспруйте, в Южно-Африканской Республике.

Да хранит Господь страну и народ.

С.И.П. Крюгер, президент
Ф.В. Рейц, статс-секретарь.

Приложение 4.

Прокламация

Принимая во внимание то, что население Южно-Африканской и Оранжевой Республик было в октябре 1899 г. вовлечено в несправедливую войну и что обе эти маленькие республики в продолжение 11 месяцев выдерживали и до сих пор ещё выдерживают неравную борьбу с могущественной Британской империей;

принимая во внимание содержание доведённой до моего сведения прокламации фельдмаршала и главнокомандующего английскими войсками в Южной Африке **Робертса**, от 1 сентября 1900 г., где сказано, что Южно-Африканская Республика завоёвана армией Её Величества и присоединена к Британской империи, тогда как, в действительности, военные силы Южно-Африканской Республики находятся ещё под ружьём, Южно-Африканская Республика не завоёвана и, следовательно, названная прокламация противоречит положениям международного права;

принимая во внимание то, что независимость Южно-Африканской Республики признаётся большинством цивилизованных государств;

принимая во внимание моё желание известить всех, кого это касается, что названная прокламация не будет признана правительством и народом Южно-Африканской Республики;

ввиду всего этого я, **Стефан-Иоганн-Павел Крюгер**, президент Южно-Африканской Республики, на основании статьи 147 постановления Исполнительного комитета и согласия оного от 3 сентября 1900 г. сим объявляю от имени независимого народа Южно-Африканской Республики, что названная прокламация недействительна и значения никакого не имеет.

Народ Южно-Африканской Республики существует, продолжает быть свободным и независимым и отказывается подчиниться британскому правительству.

Дано за моей собственноручной подписью в Нельспруйте, в Южно-Африканской Республике 3 сентября 1900 г.

С.И.П. Крюгер, президент

Ф.В. Рейц, статс-секретарь.

Приложение 5

Главная Квартира армии, Южная Африка

2 сентября 1900 г.

(Господину командант-генералу **Луи Бота**)

Милостивый Государь,

1. Сим имею честь обратить Ваше внимание на образ действий тех сравнительно небольших отрядов вооружённых буров, которые, скрываясь по фермам, находящимся поблизости от наших коммуникационных линий, портят железные дороги и этим подвергают опасности жизнь едущих в поездах путешественников, которые могут и не принадлежать к числу военнослужащих.

2. Я потому снова обращаю Ваше внимание на это обстоятельство, что за исключением местностей, занятых армией, состоящей под личным Вашим командованием, ни в Трансваале, ни в Колонии Оранжевой Реки не имеется организованных бурских войск; война выродилась, превратилась в иррегулярную и ведётся несоответственными партизанами. Это не может не быть пагубным и во всех отношениях вредным для страны, вследствие чего я считаю своим долгом сделать всё от меня зависящее, чтобы противодействовать этому злу.

3. Изданные мною в настоящее время соответствующие распоряжения заключаются в следующем: все фермы, лежащие вблизи тех мест, где была сделана какая-либо попытка повреждения железнодорожного пути или крушение поезда, предаются сожжению; а все фермы на 10 миль в окружности будут лишены скота и всех запасов, провианта и тому подобного.

4. В связи с этим я вынужден снова повторить то, что уже было мною заявлено в моей депеше от 5 августа 1900 г., на которую воспоследовал от Вас ответ от 15 августа. Я полагаю, что коль скоро война приняла характер иррегулярной и перешла в фазис партизанских действий, мой долг по отношению к национальным интересам повелевает мне воспретить дальнейшее пребывание в занимаемых нами городах семьям тех лиц, которые сражаются против нас. Это не столько вопрос продовольственный, сколько политический, и суть его в том, что мы хотим предохранить себя от передачи каких-либо сведений нашим врагам. Я почел бы за любезность с Вашей стороны, если бы Вы соблаговолили предупредить тех из состоящих в командах буров, у кого есть семьи, проживающие в занятых нашими войсками округах, чтобы они возможно скорее подготовились к принятию и устройству своих семейств. Удаление этих семейств начнётся через несколько дней, причём в состав первой партии войдут лица, находящиеся в Претории. Они будут доставлены по железной дороге на английские передовые посты и сданы там, кому Вы поручите их принять. Я буду ежедневно сообщать Вам о числе высылаемых. Пользуясь этим случаем, довожу до Вашего сведения, что к великому сожалению,

означенные семейства вынуждены будут совершать переезд, по большей части, на открытых платформах, так как все пассажирские вагоны Нидерландской Южно-Африканской железной дороги убраны на восток. Я приложу все старания, чтобы заготовить для госпожи **Крюгер**, госпожи **Бота** и других дам, насколько это окажется возможным, закрытые вагоны. Я не уверен, что мои старания увенчаются успехом, а потому предлагаю Вам самим озаботится об удобстве их. Мне, полагаю, излишне говорить, насколько эта мера для меня неприятна, но я вынужден к ней прибегнуть ввиду явной решимости Вашей и Ваших боргеров продолжать войну после того, как исчезло всякое сомнение в её бесповоротном окончании!

Имею честь быть
 Ваш покорный слуга.
Робертс, фельдмаршал,
 главнокомандующий, Южная Африка.

Приложение 6.
 Бивак командант-генерала.
 4 сентября 1900 г.

Лорду **Робертсу**, фельдмаршалу,
 главнокомандующему Британскими войсками
 в Южной Африке

Ваше Превосходительство,
 в ответ на Ваше письмо от 2 числа сего месяца, имею честь
 заявить следующее:

1. Зная, как малочисленны наши войска в сравнении с армией Вашего Превосходительства, странно было бы предполагать, что мы можем всюду посыпать в бой большие отряды; само собой разумеется, что в течение всей этой войны нам приходится действовать маленькими частями. Сверх того, мы ещё и потому вынуждены дробить наши силы, что нам необхо-

димо противодействовать английским патрулям, которые, по приказанию Вашего Превосходительства, занимаются повсеместно грабежом, похищают всюду скот и провиант.

2. Что касается Вашего утверждения, что за исключением войск, состоящих под моим личным начальством, остальные бурские войска не имеют правильной организации, то я самым решительным образом отрицаю это, ибо наша действующая армия делится на части и с самого начала войны управляется согласно законам страны.

3. Что касается пункта 3 Вашего сообщения относительно поведения войск, то я заявляю, что поведение, которым отличаются войска состоящие под Вашим начальством, позорно, и не только вдоль железнодорожного пути или по соседству с ним, но и вдали от него. Ваши войска сжигают и взрывают динамитом все дома; больше того, они не щадят женщин и детей, грабят, лишая одежды и пищи, и на всё это не обращается никакого внимания.

4. Что касается пункта 4 письма Вашего Превосходительства, то мне крайне прискорбно, что наше решение – моё и моих бургевор – продолжать борьбу за независимость, вызывает в Вас чувство мести, жертвой которого являются наши жёны и дети. Насколько мне известна история войн цивилизованных народов, это первый в мире пример. Мне больше ничего не остаётся, как протестовать против Вашего постановления, ссылаясь на то, что оно противоречит всем принципам культурного ведения войны и крайне пагубно отзовется на наших женщинах и детях. В особенности, сильный вред нанесёт это распоряжение старым женщинам, прежде всего, супруге Его Высопревосходительства президента республики, которая, как Вам должно быть хорошо известно, не в силах совершать подобные переезды без опасности для её жизни; заставить её тронуться в путь значит, попросту, причинить её смерть. Довод, на который Вы ссылаетесь предпринимая эту меру, а именно, желание предохранить себя от передачи нам нежелательных для Вас фактов, не имеет, очевидно, за собой серьёзных оснований, ибо Вы не принимали этих мер в то время,

когда наши войска находились ещё под Преторией. Излишне отрицать, что мы когда-либо получали от наших жён и детей какие-нибудь известия относительно военных действий.

5. Так как Ваше Превосходительство продолжаете настаивать на осуществлении своего намерения (хотя я надеюсь, до этого не дойдет), то я прошу Вас дать мне знать по возможности раньше обо всех подробностях высылки, ибо я намерен принять меры к немедленной отправке семейств в Европу. Что касается Вашего замечания относительно надлежащих удобств для путешествия этих семейств, то я готов предоставить в их распоряжение, в назначенному Вашим Превосходительством месте, 10 вагонов и специальный паровоз для участка железной дороги между станциями Ватерфаль-Бовен и Ватерфаль-Ондер под условием, что Ваше Превосходительство гарантируете мне возврат вагонов и паровоза.

6. В заключение я желаю уверить Вас, что, чтобы ни сделали Вы с нашими жёнами и детьми, мы всё-таки будем продолжать войну за нашу независимость.

Имею честь и прочее.

Луи Бота, командант-генерал.

Приложение 7.

Нельспруйт, Южно-Африканская

Республика, 4 сентября 1900 г.

Закон № 5, 1900 г.

Так как ввиду продолжительности войны является необходимость прийти, возможно скорее, на помощь воюющим бургерам и их семьям с денежной поддержкой;

так как соответственный контроль, вызываемый настоящим положением вещей и условиям войны, требует реорганизации бурских военных сил; то:

Исполнительный комитет, исходя из данных правительству полномочий первым постановлением фольксраада, статья

1416 от 26 сентября 1899 г. и статьи 148 от 3 сентября 1900 г., объявляет и постановляет следующее:

I. Организация военных сил

Статья 1. Немедленно должны быть вновь составлены и проверены списки всех лиц, состоящих в командах. Их имена, фамилии и адреса должны быть переписаны фельдкорнетами, которым надлежит списки эти, по возможности скорее, представить через своих командантов командант-генералу и казначею, указанному в статье 14 этих постановлений.

Статья 2. В целях надлежащей реорганизации войск, отдается следующий приказ:

а. Все лица, обозначенные в статье 1, должны быть разделены на команды.

б. Каждая команда делится на фельдкорнетства, по 100 человек минимум и 200 человек максимум в каждом, по усмотрению командант-генерала.

в. Каждое фельдкорнетство делится на капральства, по 15 человек.

Статья 3. Все ассистент-генералы, фехт-генералы и комandanты назначаются командант-генералом.

Все фельдкорнеты назначаются командантом под контролем командант-генерала.

Все капралы назначаются фельдкорнетом под надзором комandanта и командант-генерала.

Статья 4. Все назначения офицеров подлежат утверждению президента республики.

II. Обязанности офицеров

Статья 5. Каждый капрал обязан ежедневно утром делать перекличку всем состоящим под его команной людям, и делать соответствующие пометки. Каждый бюргер обязан присутствовать при этой перекличке и отвечать на вызов, если только ему не было дано разрешение на отсутствие.

Статья 6. Еженедельно капрал подает список с отметками фельдкорнету, который представляет его своёму комandanту, а последний без замедления пересыпает этот список казначею, упомянутому ниже в статье 14.

Статья 7. Каждый капрал может быть призываляем через известные промежутки времени своим начальником, или указанным в статье 10 инспектирующим офицером, для отдания отчёта о людях своей части.

Статья 8. На обязанности капрала лежит держать своих людей в готовности к выступлению в поход.

Статья. 9. В случае, если капральство будет призвано на действительную службу, оно должно выступить в полном составе.

III. Инспекция

Статья 10. Сим предоставляется право командант-генералу поручать одному или нескольким офицерам внезапную инспекцию войск. Получившие такое поручение офицеры обязаны раскрывать все неправильности, все упущения по службе и нарушения этих постановлений и доносить о таковых случаях как непосредственному начальству, так и военному прокурору.

Вознаграждение офицеров и бургевров в военное время.

Статья 11. Всякий бургевр, принимающий активное участие в войне, получает, в силу этих постановлений, ежедневное вознаграждение в размере 5 шиллингов; часть его, в размере 3 фунтов стерлингов 10 шиллингов в месяц, должна быть выплачиваема каждые два месяца, остальная же сумма – по окончании войны.

Статья 12. Денежное вознаграждение офицеров определяется в нижеследующем размере:

Командант-генерал – 1 фунт стерлингов 00 шиллингов 0 пенсов в день.

Ассистент командант-генерала – 17 шиллингов 6 пенсов в день.

Фехт-генерал – 15 шиллингов 0 пенсов в день.

Командант – 12 шиллингов 6 пенсов в день.

Фельдкорнет – 10 шиллингов 0 пенсов в день.

Капрал – 7 шиллингов 6 пенсов в день.

Означенные оклады во время войны уплачиваются в половинном размере, другая же половина – по окончании войны.

Статья 13. Существовавший доныне постоянный размер

вознаграждения офицеров будет восстановлен по окончании войны, в настоящее же время должен быть уменьшен согласно вышеприведённому постановлению.

Статья 14. Президентом республики назначается казначей, который производит выплату и контролирует вышеозначенные расходы.

Статья 15. Казначай сим уполномочен приглашать к себе на службу такое число лиц, какое ему понадобится для отправления своих обязанностей, состоя, однако, в этом отношении под надзором правительства. Он вправе принимать все меры, какие сочтёт нужными, для производства выплаты и соответственного контроля.

Общие постановления относительно штрафов и тому подобного.

Статья 16. Никто не может быть допущен к участию в действиях коммандо, если не значится в списке капрала; допущение его может состояться лишь в силу письменного разрешения коммандант-генерала и под его личной ответственностью.

Статья 17. Лицо, не присутствовавшее на вышеустановленной перекличке, лишается на этот день своего жалования, указанного в статье 11, и может быть подвергнуто наказанию согласно сим постановлениям.

Статья 18. Коммандант-генерал имеет право в любой момент удалить со службы каждого офицера за упущения по службе, небрежность, неповиновение, малоуспешность, легкомысленный образ действий, совершение какого-либо преступления, или по какой-либо иной причине, представляющей достаточное основание для его увольнения в отставку.

Статья 19. Дезертир может быть наказан смертной казнью.

Статья 20. Всё, чего нет в этих постановлениях, но что окажется необходимым для улучшения организации биргерских войск, предоставляется на усмотрение коммандант-генерала.

Статья 21. Каждое нарушение этих постановлений, если за него не определено специального наказания, карается денежной пеней не свыше 500 фунтов стерлингов, а при несостоя-

тельности – тюремным заключением или отдачей в тяжкие работы на срок не более 1 года. От власти суда зависит заменить эти наказания другими, военными наказаниями, существующими у цивилизованных наций.

Статья 23. Дела обо всех нарушениях этих постановлений должны разбираться в специальных Палатах (военных) и в военных судах.

Статья 23. Все постановления, противоречащие ныне объявляемым, считаются отменёнными.

24. Статья 24. Эти постановления вступают в силу немедленно по распубликовании их в «Правительственном Вестнике».

Приложение 8.

Правительственное сообщение

Сим доводится до всеобщего сведения бургеров пункт 4 прокламации, изданной лордом **Робертсом**, главнокомандующим британскими войсками в Южной Африке, 14 августа 1900 г.

Пункт 4 гласит:

В районах, занятых войсками Её Величества, все бургеры, исключая принёсших уже присягу в верности, объявляются военнопленными; их сошлют или поступят так, как сочтут нужным.

Из вышеизложенного должно быть ясно для бургеров, что слагать оружие бесполезно; напротив, каждый сложивший оружие бургер, в силу этой прокламации **Робертса**, изгоняется из пределов страны.

Итак, бургеры, желающие сдаться, знайте, что вас ожидает.

Ф.В. Рейтц. Статс-секретарь.

Нельсспруйт, ЮАР.

5 сентября 1900 г.

Приложение 9.

Прокламация

Господин **Крюгер** с архивами Южно-Африканской Республики перебрался на португальскую территорию в Лоренсо-Маркеш с намерением в ближайшем будущем отправиться в Европу.

Господин **Крюгер** формально покинул пост президента Южно-Африканской Республики, чем прервал свою официальную связь с Трансваалем. Поступок господина **Крюгера** показывает насколько безнадёжна, по его мнению, эта война, продолжающаяся уже почти год; покинутие им бурского дела должно было бы доказать всем его согражданам-бурам, что продолжать войну бесполезно.

Вероятно, неизвестно жителям Трансвааля и колонии Оранжевой Реки, что почти пятнадцать тысяч их сограждан находится в настоящее время в плену и ни один из них не будет освобождён раньше, чем сражающиеся с нами не сдадутся БЕЗУСЛОВНО.

Буры должны в настоящее время признать тот факт, что никакое вмешательство в их пользу со стороны какой-либо из великих держав не может иметь места, и что Британская империя намерена довершить дело, стоившее ей уже многих драгоценных жизней.

Война, объявленная нам бывшим правительством Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, могла иметь только один известный конец. Если в уме бургевров остаются ещё какие-либо сомнения относительно дальнейших намерений Её Величества, то они должны были быть уже рассеяны неизменным применением тех приёмов, благодаря которым страна постепенно занимается войсками Её Величества, и появлением 24 мая и 1 сентября 1900 г. соответствующих прокламаций и присоединении Именем Её Величества Свободного Штата и Трансвааля.

Пользуясь случаем, я отмечу, что за исключением небольшого участка, занятого бурской армией под личным началь-

ством комandanта **Бота**, война всюду вырождается и переходит в действия иррегулярных и безответных весьма малых шаек.

Я не исполнил бы своего долга относительно правительства Её Величества, если бы я не воспользовался всеми находящимися в моей власти средствами и не пресёк возможно скорее такого неправильного способа ведения войны. Средства, к которым я вынужден прибегнуть, допускаются в таких случаях обычаями войны. Они разорительны для страны и влекут за собой бесконечные страдания буров и их семейств. Чем дольше будет продолжаться такая война грекильясов, тем с большей строгостью будут применяться эти средства.

Боже, храни королеву.

Робертс, фельдмаршал,
главнокомандующий в Южной Африке,
Лоренсо-Маркеш, 15 сентября 1900 г.⁷².

Приведём и очень полезный, ранее не почти не опубликовавшийся отчёт подполковника **Иолшина** о его поездке в Южную Африку. Но прежде стоит привести одно из личных писем подполковника **Иолшина**, написанное за два года до англо-бурской войны. Часть его содержания весьма поучительна для современных нам монархистов:

14 сентября 1897 г.

Город Белосток⁷³.

(Приписка карандашом «**В.В.** – прочёл 18 и 19 сентября»)

Глубокоуважаемый и дорогой дядя
Василий **Васильевич**!

Я исправно отбыл все царские манёвры под Белостоком и был перед фронтом своего дивизиона на царском параде. Являлся в походное отделение Главного штаба и представил там свой отчёт о греко-турецкой войне и о делах на острове Крит.

Государь остался доволен нашим полком и два раза благодарил мой дивизион. 25 августа мне пришлось делать атаку на пехоту, на глазах государя через рвы, по пням рубленого леса; атака моя была стремительна.

Посредники признали, что я так внезапно атаковал пехоту, что целый батальон был признан посредниками истреблённым и приговорили целый полк пехоты к бездействию на двое суток!! Сейчас же после манёвра я получил повышение, из должности младшего штаб-офицера в полку, в должность старшего штаб-офицера в полку и с назначением помощником командира полка по строевой части и командиром 1-го Дивизиона 10-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка. Прибавка к моему содержанию небольшая: только 15 рублей в месяц, хотя работы в полку прибавилось много с этим новым моим назначением.

В дни пребывания Государя у нас погода стояла отличная и Белосток был освещаем по ночам электрическим светом и чудно иллюминирован.

В начале полиция разгоняла и удаляла с улиц народ при царских проездах. И Государь сделал полицмейстеру **Малеви-чу** замечание, что он удивляется, почему город пустой? Тогда моментально же улицы наполнились массами публики и народа, и все проезды царские стали оглашаться на улицах Белостока восторженным: «Ура!!»

Я после манёвра и парада сильно простудился, схватил сильнейший кашель и лихорадку. Эти дни лежал в постели и теперь, хотя мне и немного лучше, но чувствую сильную слабость и меня мучает порядком кашель.

Шлю мой сердечный привет тёте **Варваре Александровне**, крепко целую тётины ручки.

Обнимаю Вас, дорогой дядя, и крепко целую Вам ручки.

Ваш сердечно любящий Вас и верно Вам преданный племянник

Н. Иолшин⁷⁴.

Приведём и отчёт подполковника **Иолшина** о своей командировке в Южную Африку:

Докладная записка
состоящего в запасе армейской кавалерии
подполковника **Иолшина**.

4 декабря 1900 г., город Ялта, № 6.

Его Высокопревосходительству **А.Н. Куропаткину**

При сём представляю Вашему Высокопревосходительству отчёт о моей заграничной поездке, сего года на 184 страницах и при них 18 приложений с указателем пунктов на стр. 164-й.

Подполковник **Иолшин**

(Приписка: В Военно-учёный комитет.

На отчёт полк. **Иолшина** есть текст (?) резолюции
Военного министра, подлежащие исполнению:

1. Выписать седло английской кавалерии и испытать его.

По этой резолюции прошу запросить Офицерскую кавалерийскую школу, имеется ли в ней седло английской кавалерии, было ли ему произведено (?) испытание и какое о нём было заключение.

2. Выписать одну английскую горную пушку и обратить на неё внимание Главного Артиллерийского управления.

По этой резолюции надо ту часть отчёта **Иолшина** (1-2 страницы), где говорится об этом орудии, в копии выписать вместе с резолюцией Военного министра передать в Главное Артиллерийское управление.

Жилинский (?)

(Весь отчёт **Иолшина** написан им от руки)

Мулаты на осёдланных быках

Секретный

Отчёт подполковника **Иолшина** по поездке в Южную Африку в 1900 г. (Прошу отчёт отдать напечатать (?)) и один экземпляр представить Государю Императору. **Куропаткин** 12/12 (12 декабря 1900 г.).

7 сентября 1900 г. Атлантический океан: на пути из города Кейптауна к острову Мадере. Пароход «**Briton**».

1. «Хаки», то есть форму жёлто-коричневого цвета, я не считал бы пригодной для нашей армии, так как в случае войны с англичанами, она не дала бы возможности различить на дальнем расстоянии свои войска от неприятельских. И я полагаю, что армия, которая будет действовать (далее семь слов подчёркнуто на полях карандашом и поставлен знак вопроса). – *Прим. авт.-сост.*) энергично, предпочтёт иметь резкое отличие от неприятеля. Мне пришлось в июле сего года быть при летучем разъезде Генерального штаба майора Монро на реке Буфало, производившего рекогносцировку – поиск, и этот разъезд отказался от стрельбы по открыто двигавшейся команде буров, так как за расстоянием в 2000 шагов нельзя было различить наверняка – буры ли это, или англичане? И это было в ясный, солнечный день, да ещё при условии редкой атмосферы, облегчающей видеть (?) вдали: 4 тысячи футов над уровнем океана.

Я считал бы, что если мы в белых рубахах и будем нести больше потери, чем несли бы их в «каки», но (?) зато будем и наносить неприятелю больше потерю, так как будем скорее его различать – распознавать от своих войск и особенно вочных боях –очные штурмы!!!

Здесь же «каки» было довольно подходяще для обеих сторон, так как обе стороны, за малыми исключениями, ночью не работали и, в общем, действовали вяло!

2. Полковник **Стахович** высказался, что «в Англии нет никакой армии!..» Я со своей стороны докладываю, что Англия располагает очень сильной армией. Особенно хороши кавалерия и артиллерия. И Англия теперь располагает $\frac{1}{2}$ миллионным кадром солдат, бывших в боях, отличным корпусом боевых офицеров и генералов (подчёркнуто на полях карандашом

Куропаткиным и приписка: Конечно, надо с уважением относиться (?) к английской армии, не закрывая (?) глаз (?) на её (?) слабые (?) стороны. **Куропаткин**.

3. Затяжка кампании в Южной Африке – это результат того, что во главе армии был поставлен уже одряхлевший фельдмаршал, переживший славу своих бывших побед. Его методическая нерешительность – результат боязни на склоне дней потерять старую славу – повторение фактически стратегии **Дибича**⁷⁵ и **Паскевича** в 1830 г. и в 1831 г. и лишь слепое подражание по форме, но не по духу – стратегии **Мольтке**⁷⁶ (половина этого абзаца подчёркнута на полях).

Неправильная организация Главной квартиры – слишком большой состав её – это тоже одна из причин затяжки кампании. Генерал **Китченер**, видя, что (приписка: убедительно!?) его старый фельдмаршал мало слушает, махнул рукой на свою роль начальника штаба армии и бросился командовать сводными отрядами, чтобы личным руководством на полях сражений исправлять ошибки Главной квартиры, в которой он роли не играл.

Детали о Главной квартире в отчёте (см. пункт 32-й) и они видны также из моей статьи, отправленной 13 ноября сего года из города Севастополя редактору «Нового Времени» под заглавием «Заметки об английской армии и об англо-бурской войне» и за подписью: «Н.М.»

4. Моё глубокое убеждение, что если бы генерал **Китченер** стоял во главе армии, то война – победоносно для англичан – была бы закончена уже в апреле сего (1900) года.

Говорят, что фельдмаршал болен, но я думаю, что он здоров, но стар и что разговоры о его мнимой болезни – это лишь преддверье его отзыва в Англию.

Надо полагать, что в случае отзыва лорда **Робертса** в Англию, генерал **Китченер** станет во главе армии. И тогда война будет закончена в три или два месяца, а если лорд **Робертс** – fin a fin (в конце концов) (подчёркнуто карандашом и приписка **Куропаткина**: Что это за язык?) остался бы при команде, то партизанская война протянется ещё до африкан-

ской осени, то есть до того времени, пока будет иметься трава на корню: до апреля будущего года.

5. Генеральный штаб в английской армии не составляет закрытого корпуса и офицеры Генерального штаба остаются в своих частях, занимая штабные должности.

Далеко не все офицеры Генерального штаба кончили Staff College (Штабной колледж) в Сандхерсте, а большинство из них попало на штабные должности благодаря умению понравиться начальству.

1/10 часть штабных офицеров говорит по-французски, Ещё меньший % – по-немецки.

Что касается до знания в английской армии русского языка, то из числа около ста офицеров и генералов, с которыми я познакомился, говорят по-русски: 1 генерал, 1 полковник и 1 капитан.

Реформа Генерального штаба стоит в английской армии на I-й очереди – это общее убеждение английских военных авторитетов. Английский Генеральный штаб будет реформирован по образцу германского Генерального штаба.

6. Эта война рельефно указывает, как важно соблюдение строгой экономии сил в организации Главной квартиры и как тормозится дело, когда старого генерала окружает плеяда бездеятельных штабных чинов.

7. Фельдмаршал **Робертс** слишком снисходителен – это нравится массе и его снисходительностью злоупотребляют, и особенно, интенданчество. Например, в городе Кейптаун был эпизод, как один 3 тысяч пудов муки – принимали 2 раза, то есть за 4 тысячи. Возили одну и ту же муку с пристани в лагерь, а потом обратно на пристань и опять в лагерь. И это произошло, несмотря и на обильный штаб начальника коммуникационной линии генерала **Walker'a**, заседающего всё время в тылу коммуникационной сети (?), а именно в городе Кейптаун и, несмотря на присутствие в Кейптауне личного адъютанта лорда **Робертса** полковника **Херберта**, с целым отделением Главной квартиры.

Этот мучной эпизод, по всему видно, что будет закрыт в предположении, что закрывательство таких эпизодов оберега-

ет (?) (вопросительный знак поставлен **Иолшиным**) честь армии.

8. Английское конное снаряжение в кавалерии идеально (подчёркнуто **Куропаткиным**), лучше даже, чем в германской кавалерии: выюк в высшей степени уравновешен и передняя лука низка, что даёт возможность отличного управления лошадью.

У нас, в русской кавалерии, чересчур много положено на задней луке и чересчур высока передняя лука, что делает невозможным тонкое (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и поставлен знак вопроса на полях) управление лошадью. В английской же кавалерии груз на задней и передней луках совершенно уравновешен и, несмотря на то что в английской кавалерии на передней луке лежит груза больше, чем в нашей кавалерии, передняя лука в английской кавалерии во много раз (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и поставлен знак вопроса на полях) меньше, чем в нашей. В общем, седло английской кавалерии с полным выюком значительно легче и прочнее нашего.

Весьма было бы желательно выписать, для рассмотрения при Главном штабе, седло английской регулярной кавалерии с полным выючным снаряжением и мундштучным убором (подчёркнуто на полях карандашом **Куропаткиным** и приписка на полях: «Прошу выписать и рассмотреть, если (это) уже не сделали»).

Седло английской конной пехоты нехорошо – вроде нашего драгунского.

Английская конная пехота ездит на телятах (?)⁷⁷.

9. Весьма практичны английские офицерские кожаные пояса для ношения револьверов. Пояс поддерживается двумя наплечными ремнями⁷⁸, благодаря чему револьвер не отвисает, как у нас (из-под шарфа)...

Английский офицерский пояс у меня имеется (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и приписка на полях: «Видел, ремни слишком широки и (неразборчиво). Револьвер подвешен снизу (неразборчиво)»).

10. Кавалерийские части сменили в эту войну уже по два, по три комплекта штатного состава лошадей. Это неизбежное явление и к этому надо быть готовым, если желают, чтобы кавалерия была бы полезна и также вносила бы свою лепту в дело победы и не была бы для своей пехоты и артиллерии тормозом и даже апокрифическим зверем⁷⁹ – лишь уничтожающим пищу на театре войны, как это было в (18)77 г. за Дунаем.

Теперь пехота получает, наконец, массу патронов, это вызывает необходимость развития в кавалерии подвижности до крайнего передела, а подвижность приводит к скорому изнашиванию конского состава, что вызывает необходимость располагать громадным конским резервом. А потому я стою на том, чтобы у нас не увеличивать число кавалерийских полков, но всё сделать к сокращению срока службы строевой лошади, хотя бы на 2 года, к увеличению цены на ремонтную лошадь, к более строгому контролю при приёме молодых лошадей, к увеличению резерва конского состава наличной кавалерии.

Если хотят, чтобы кавалерия действовала бы по кавалерийски на войне, то на 1 год войны надо иметь на каждую лошадь в действующей кавалерии две или три в резерве (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях поставлен восклицательный знак) не меньше. Иначе своя же кавалерия не только не поможет своей армии, но ей помешает. И если сегодня у каждого пехотинца в запасе много патронов, то право каждого кавалериста иметь в своём запасе много лошадей!

11. Ординарческая служба вообще, в отрядах английской армии была поставлена хорошо. Но в Главной квартире, несмотря даже на то, что при ней состояло до ста чинов генерального, офицерского и чиновного рангов, в июле месяце (1900 г.) оказался недостаток ординарцев. Лорд **Робертс** слишком рассчитывал на телеграф, но этот расчёт был весьма фундаментально разбит **Деветом**.

12. На передовых постах конной пехоты, под м. Ингого, м. Ньюкаслом и г. Дунди я видел массу телескопов (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях поставлен знак вопроса), биноклей, телеграфных и гелиографических аппаратов.

13. К артиллерию. На оборонительных заставах я встречал маленькие горные орудия как игрушка, калибром в 12 дюймов, при длине орудийного канала в 1.1/4 аршин, стреляющие гранатами. Эти орудия возятся на повозках, с лёгким войсковым багажом. Устройство их замка сходно с системой **Гочкиса**.

Английская артиллерию как конная /Horse Artillery/, так и полевая ездящая /Field Artillery/ и горная /Mountain Artillery/ отличается большой подвижностью.

Так, 11 августа в бою под м. Ньюкаслом, 19-я ком. батарея (пушки системы **Гочкиса**), когда буры силою около 1 тысячи человек атаковали каменноугольные копи, обскакала галопом по весьма гористой местности отряд буров **Эмета (Эммета)**⁸⁰ и, открыв картечный огонь, обратила буров в бегство.

Передки зарядных ящиков в конной артиллерию такого же самого устройства, как и орудийные передки, а потому орудийный передок в английской конной артиллерию всегда и легко может быть заменён передком от зарядного ящика.

Пушки **Гочкиса**, принятые в английской конной артиллерию, заслуживают большого внимания: легки, быстрое заряжание (затвор поршневой системы) и весьма меткая стрельба на дистанцию даже в 6000 ярдов.

Пулемёт Максима: Действует автоматическое водяное охлаждение, бьёт пулей на 2.1/2 тысячи ярдов, в 1 минуту – 300 пуль! Но может выбросить и до 600 пуль. Весьма желательно был бы в составе нашей пехоты и стрелковых полков (весь абзац подчеркнут на полях).

В бою под Омдурманом 2 сентября (18)98 г. пулемёты **Максима** по общим единогласным отзывам оказали величайшую услугу английской армии. Я такие орудия видел ещё в мае (18)97 в Отрисских горах и на Фермопилах, в греческой армии, когда они в Европе были ещё новинкой, а теперь все европейские армии их имеют. Полагал бы, что для нашей армии необходимо было завести не меньше 1 тысячи пулемётов **Максима**, особенно принимая во внимание, что вся наша западно-пограничная полоса представляет из себя целый ряд дефиле, в коих применение пулемётов **Максима** дало бы отличные ре-

зультаты. 200 экземпляров, которые у нас имеются – это капля в море – далеко недостаточная.

Пулемёты **Максима** бьют на 2.1/2 тысячи ярдов /на 2500 ярдов деления на прицеле/ и в 1 минуту автоматически выбрасывается – 600 пуль!

На практике, в бою, англичане выбрасывают из таких пулемётов до 300 пуль в минуту.

Наводка – весьма проста.

Система приспособлена к стрельбе с упоров и с колёс. Если пулемёт имеет позицию на более или менее продолжительное время, то ось с колёсами отсоединяется и пулемёт бьёт с упора.

Система приспособлена к выючению: 1 мул поднимает ствол с механизмом и лафет, с другой – ось с колёсами и 3-й – две тысячи (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях поставлен знак вопроса) боевых патрон.

Вьюк – идеален.

Весьма полезно было бы позаимствовать систему этого выюка для перевозки пикросилина в полках нашей кавалерии, так как выюки для пикросилина, построенные в полках нашей кавалерии, домашним (хозяйственным) порядком – никуда не годны и на первом же более или менее форсированном переходе ломаются!!

Я это доказал в (18)99 г. И деньги, затраченные из полковых сумм на постройку таких выюков, смело можно считать выброшенными за борт.

У нас, относительно, более совершенные выюки в полках 2-й кавалерийской дивизии, заведённые там ещё при генералах **Баженове** и **Тутолмине**⁸¹. Ещё в марте (18)98 г. рекомендовал полкам 4-й кавалерийской дивизии ознакомиться с выюками 2-й кавалерийской дивизии и завести выюки для пикросилина по образцу 2-й кавалерийской дивизии. Но это весьма ценное указание генерала **Тутолмина** и до сего времени осталось в полках 4-й кавалерийской дивизии лишь одним звуком.

Я пользуюсь случаем, чтобы обратить ещё раз внимание, что у нас в кавалерии нет выюков для перевозки пикросилина и что весь проект вторжения в Восточную Пруссию и Галицию

наших летучих взводов, для разрушения там железных дорог и телеграфов, в случае войны рискует оказаться лишь бумажным проектом, весьма картинно разрисованным на планах и картах в мирное время...

Пулемёты **Максима** соединяются по два и по четыре в отделения и также отделения носят название:

Эти Jections придаются как и пехотным частям, так и к конно-пехотным и к кавалерийским.

Горная пушка **Максима-Норденфельта**

(См. приложения № 1, 2, 3, 4, 5 и 6)

Вес снаряда – около 12.1/2 фунта. Начальная скорость – 920 футов. Калибр – около 3 дюймов, а именно: 75 сантиметров. Весьма практичны для горной войны. Длина тела орудия – около 3 футов. Тело орудия скользит в муфте, соединённой с двумя цилиндрическими компрессорами, снабжёнными пружинными накожниками (?) (накатниками?). Нарезы – постоянной крутизны. Затвор – в виде винта.

Эта горная пушка может быть названа скорострельно-горной пушкой, так как скорость её стрельбы – до 12 выстрелов в минуту (подчёркнуто **Куропаткиным** карандашом). Дистанция стрельбы: 5 тысяч ярдов шрапнелью. Заряжается универсальными патронами, причём бьёт шрапнелью, картечью и лидитными снарядами (гранатами), причём последние снабжены ударными трубками.

Вес патрона со шрапнелью немного больше, чем с картечью. Лафет весьма прочен и утверждается на колёсах небольшого диаметра. Для уничтожения отката лафет снабжён сошником с канатным тормозом (приписка на полях карандашом **Куропаткиным**: «Прошу обратить внимание на эту пушку Главное Артиллерийское управление и (неразборчиво) и (неразборчиво) один экземпляр. **Куропаткин»**).

К лафету иногда прикрепляется лямка для передвижения орудия. Орудие со всей системой может быть навьючено на четырёх мулов: на одном подымается тело орудия, на другом – муфта с гидравлическими компрессорами, на 3-м – ось с колёсами и на 4-м – лафет.

Разгрузка и сборка орудия производится в $\frac{1}{2}$ часа.

Один мул поднимает 12 патронов (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**, поставлен на полях вопросительный знак и приписка: «Мало»).

Эти скорострельно-горные пушки весьма были бы хороши на нашей австрийской границе противу Карпатского фронта. Эти скорострельно-горные пушки входят в состав батарей английской полевой артиллерии.

Первое боевое испытание они выдержали прекрасно в египетском походе **Китченера**, под Атбатрой и Хартумом в (18)98 г.

В Южной Африке они имеются в весьма небольшом числе, не больше 14-ти экземпляров.

Гаубицы

По 6 гаубиц 5-дюймового калибра в английской армии в Южной Африке соединяются в полевые ездающие батареи.

Затвор – поршневой – **Банта**.

Снаряды: бризантные⁸², лиддитные; материал – кованая сталь.

Лиддит: это продукт обработки пикриновой кислоты. Весьма желательно быстрое принятие в нашей артиллерией лиддита.

Трубка в лиддитном снаряде – ударная, причём взрыв получается при помощи детонатора из пикринового пороха.

Пикриновый порох (Abel's picric powder) – это смесь селитры с пикратом из аммониака.

В гаубичных батареях в запряжку идут и лошади и мулы.

Полевые пушки **Максима-Норденфельта**.

Калибр 75 миллиметров. Вес снаряда – 6.1/2 kilos, то есть 13 фунтов.

Начальная скорость 1640 футов, то есть около 500 метров.

Таких пушек было у англичан в Южной Африке только 4 экземпляра.

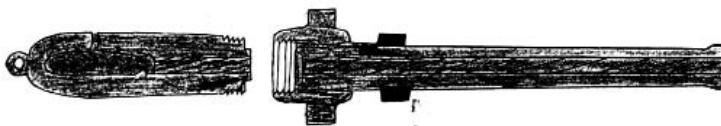
Скорострельные пушки Максима-Норденфельта – Пам-Пам (Пом-Пом) (№7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 Приложения).

Название **Пам-Пам** было дано в английской армии скорострельным пушкам **Максима-Норденфельта**, изготовленным

34.94

Чертёж № 1

Бородя гумки во батарея
под р. Дунай,
во
Округе Волочиское.

Эти горные гумки временно
Запорожской погоды. Они при-
годны для взрыва на шу-
мовь, идут и на колесах.
Заряжанье их производство
очень опасно, а запалы из-
за сгорания не разлагаются
заряжаньи....
Я изобразил на черт-
ёже именно эту гумку,
и. к. они 2 горные орудия

по образцу, аналогичному с картечницами – пулемётами **Максима**.

Калибр – 37 миллиметров, то есть около 1 1/2 дюймов*.

*(приложение) К орудию **Максима-Норденфельта Пам-Пам**

1. Вес орудия (189 kilos) – 9 пудов 18 фунтов.

2. Вес лафета с колёсами и осью (348 kilos) – 17 пудов 16 фунтов.

3. Вес передка с зарядным ящиком (467 kilos) – 23 пуда 14 фунтов.

4. Вес 300 боевых зарядов со снарядами (203 kilos) – 1 пуд 6 фунтов.

5. Длина всей системы орудия без приклада – 73,75 дюймов, то есть около 6 футов.

6. Длина всей системы орудия с прикладом – 87,58 дюйма.

7. Вес гранаты с разрывным зарядом – 453 грамма.

8. Вес патрона – 167 гр.

9. Вес патронного заряда из бездымного пороха – 35,5 гр.

10. Общий вес всего снаряжения унитарного патрона со снаряжённой гранатой (= 2 (?) + 655,5 гр.

11. Вес заряда для разрыва гранаты вошёл в цифру 453 – 22 грамма.

12. Начальная скорость – 549 метров.

Подполковник **Иолшин**.

4 декабря 1900 г.

Город Ялта.

Система совершенно сходна с пулемётом **Максима**. Действие – автоматическое. Во внутреннем механизме имеются предохранительные планки – рычаги на случай слабого толчка назад, происходящего при выстреле, если порох оказался бы в одном из патронов слабее установленной силы, чем устраняется взрыв следующего патрона в механизме. Отдача уничтожается рессорой.

Автоматическое действие производится действием отдачи внутреннего механизма и двух рессор: одна рессора уничтожает отдачу, а другая – двигает внутренний механизм вперёд и подаёт следующий патрон.

Стрельба производится нажатием пальца на спусковую скобу. И пока палец нажат, до тех пор лента с унитарными патронами бежит и стрельба происходит со скоростью 300 выстрелов в 1 минуту.

Прицел – на 3 тысячи ярдов, но можно бить и на 4 тысячи ярдов.

В 1 минуту – от 250 и до 300 выстрелов!

Стрельба производится только гранатой (Common Shell) с ударной трубкой.

При разрыве граната разлетается на 15 кусков.

Патроны – унитарные и вdevаются (?) особой машинкой, имеющейся при каждом орудии, в ленту.

Эти унитарные патроны снаряжаются гранатами.

Шрапнелью не стреляют, так как техника ещё не выработала дистанционных трубок для столь малых калибров.

Патрон мог бы быть снаряжён и картечью, но до сего времени патроны, снаряжаемые картечью, ещё не были приняты к этой системе.

Для нашей армии необходимо принятие не менее 400 таких скорострельных орудий. Это по самому умеренному расчёту.

Система весьма прочна и легка на ходу.

Эти скорострельные пушки были бы бесценным сокровищем как отдельные 6-ти орудийные батареи, придаваемые к кавалерийским частям, при выполнении ими рейдов на театре войны.

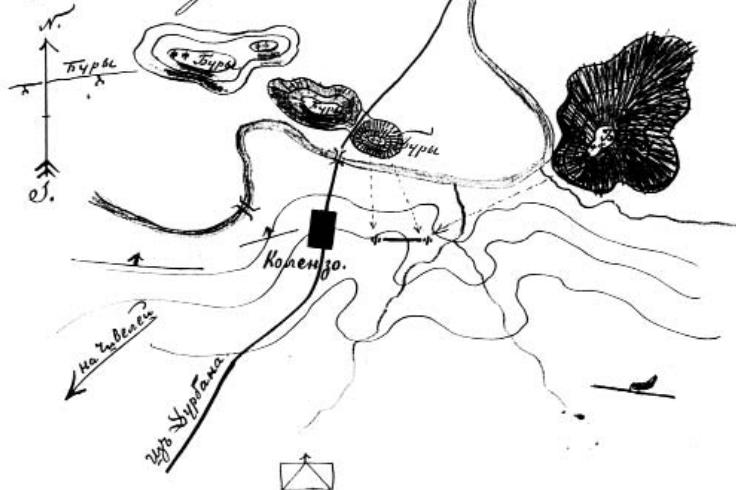
В английской армии в Южной Африке имеется до 50-ти скорострельных пушек **Пам-Пам!**

Эти пушки **Максима-Норденфельта** всех трёх типов, приведённых мною выше, вполне заслуживают внимания к ним и рассмотрения.

В стремлении своём внести лепту в сокровищницу царской армии, докладываю, что наша (предыдущие слова аб-

38. 91

Крокш.
расположеній Англійской ба-
тареи, въ боло 15 Февралѣ 1919 г.,
пѣ въ Колензо. —

Масштабъ.

1000 м. 500 м. 100 м.
Въ 1 дюйме = 1000 шаговъ

Позиции.

Англичане обозначены
красн. цветомъ. —

Возможность въ
Северо-Востоку отъ
ж. д. линии была
занята бурск. сироты-
ками и 2-й скоростр-
ельной артиллери-
ей.

Ч. Августа полковника Стадовица сов-
местно со мною и 1-мъ арх. офицеромъ
были избраны дистанции отъ позиций унич-
тожаемой англ. батареи до ближай-
шихъ высотъ — бывш. занятыхъ бурскими.

заца подчеркнуты на полях) полевая артиллерия нуждается в скорейшей и капитальной реформе её материальной части. Иначе в будущую войну нас ожидают в Европе и даже в Азии большие сюрпризы и успех будет достигнут более дорогой ценой, чем его мы достигли бы, реформировав теперь же всю материальную часть [пушки] нашей полевой артиллерии.

В отряде волонтёров под г. Дунди была мной детально осмотрена батарея.

В составе её оказались: 20 орудий **Гочкиса**, 2 орудия нарезные, с казны заряжаемые гаубицы, и 2 орудия – нарезные, заряжаемые с дула. Эти последние два орудия были раньше в составе горных батарей – тело этих орудий свинтовое (?) и разбирается на две части, калибром в 2.1/2 дюйма⁸³, вес пушки в 400 фунтов.

Чертёж

Горные пушки в батарее под городом Дунди в отряде волонтёров

Это горные пушки времён **зулусских** походов. Они приспособлены для выключения на мулов, идут и на колёсах.

Заряжать их шрапнелью очень опасно, а гранатой их и совсем не решаются заряжать...

Я изобразил на чертеже именно эту пушку, так как эти 2 горных орудия являются в настоящее время археологической редкостью в английской армии и показывают до чего английские войска в Южной Африке были застигнуты врасплох, когда вспыхнула война, если передовой натальский отряд мог (!) иметь такие орудия.

Генерал **Дартнель**, командующий Дундийским отрядом, узнав за обедом, что я обратил внимание и на старые пушки, смеясь, выразил мне: «Да! Эти пушки очень милы – *very nice!* в походе против **зулусов**, то как как в мой отряд дали только две новые пушки **Гочкиса**, то я решил и эти старые – оставить!!».

Английская артиллерия весьма подвижна. Так, например, 11 августа 2 полка конной пехоты с батареей на моих глазах

сделали в один день 65 вёрст и на другой день лошади в батареях были совершенно свежи.

Батареи полевой артиллерии в английской действующей армии состоят из 6-ти орудий и они делятся на три взвода (section).

Строи батарей вообще сходны со строями других европейских армий.

В английской действующей армии был положен основной принцип – введения в дело как можно скорее большего, чем у неприятеля числа орудий, а потому в походных колоннах артиллерию англичане и помещали в начале кампании всегда в голове и при столкновениях с противником, она, не дожидаясь подхода пехоты, выдвигалась на позицию. При этом артиллерия выдвигалась иногда на позиции, даже не ожидая подхода пехоты авангарда. В результате столь смелой тактики, мало соображенной с силой современного огня **Маузера**, – получилась артиллерийская катастрофа под Колензо и под Koorn-Spruit (Disaster).

Английская батарея под железнодорожной станцией Колензо выехала сразу на позицию (не имея после себя пехоты) на дистанцию 1 тысячи шагов от бурской траншеи, занятой стрелками и 2-мя скорострельными орудиями, и была в несколько минут уничтожена.

Кроки

Расположения английской батареи в бою 15 декабря (18)99 г. под Колензо.

(Далее идёт большая подробная синяя карта, на английском языке, Колензо и окрестностей – приложение № 15, с подрисовками **Иолшина** мест расположения английской кавалерии и артиллерии – всё малоинтересно, тем более что карты данного сражения публиковались во множестве и приведены выше в данной работе).

Примечание

Англичане обозначены красным цветом. Возвышенность к северо-востоку от железнодорожного моста была занята бурскими стрелками и 2-мя скорострельными орудиями.

4 августа полковник **Стажович** совместно со мною и одним английским офицером вымерял дистанции от позиции уничтоженной английской батареи (вышеприведённый абзац подчеркнут карандашом **Куропаткиным** на полях и там же поставлен вопросительный знак) до ближайших высот, занятых бурами.

Эти дела, под Колензо и под Корн-Спруйтром, настолько ошеломили английскую артиллерию, что вслед за этими делами англичане стали уже водить свою артиллерию в хвост походных колонн.

11 августа сего года при диверсии Дундийского конного отряда к реке Буфало конная батарея шла в хвосте походной колонны.

К недостаткам английской артиллерии, на основании впечатлений, вынесённых мной из осмотра батарей в Кейптауне, в Кимберлее, в Дурбане, в Ньюкасле, в Дунди и на горе Талан, где я видел морские орудия и пулемёты **Максима** и пушки **Пам-Пам**, я отношу: 1) большое разнообразие материальной части и 2) большую сложность предметов вооружения (оба абзаца подчеркнуты на полях карандашом **Куропаткиным**).

Разнообразием материальной части английская артиллерия, впрочем, всегда отличалась.

Так, например, в эпоху гладких орудий, перед введением нарезных орудий, в Англии насчитывалось одновременно: 5 полевых пушек и 5 полевых гаубиц. И во много крат ещё большим разнообразием отличается современная английская артиллерия. Это разнообразие типов и калибров английской полевой артиллерии вошло так сказать «в её плоть и кровь» и не представляло никаких неудобств, пока для Англии шло дело только по производству экспедиций противу дикарей, так как для таких экспедиций приходилось формировать сравнительно небольшие отряды и в такие отряды обыкновенно назна-

чались орудия одного, много – двух образцов, с которыми отряды успевали ознакомиться во время мобилизации. Но в случае европейской войны, это разнообразие в образцах, типах и калибрах орудий полевой артиллерии, представит для английской армии огромные затруднения в деле обучения прислуги, а главное – в деле снабжения боевыми припасами.

Что касается до сложности устройства многих предметов артиллерийского вооружения, то это следует объяснить высоким уровнем технического развития Англии.

Заводы **Армстронга**, **Витворта** и казённый **Вулический** – смело могут быть поставлены в одну линию с **Крупповским**.

О **Лонг-Томах** ничего не докладываю, так как не видел их действия и технических сведений о них не успел собрать.

В общем, английская артиллерия произвела на меня впечатление рода оружия весьма сильного своей материальной частью, знанием дела, дисциплиной и воинским духом (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях поставлен знак вопроса).

14. К вооружению пехоты

В английской пехоте мы встречаем то же разнообразие вооружения, как и в артиллерии. Так, почти все полки постоянной европейской армии, прибывшие в Южную Африку, вооружены магазинным ружьём **Ли-Метфорда** (весь вышеприведённый абзац подчеркнут **Куропаткиным** карандашом на полях), части же войск прибывшие из Индии, милиционные части и волонтёрные отряды вооружены однозарядными 11.43-мм ружьями **Генри-Мартини**. Ружей **Снайдера**⁸⁴ я в английской армии в Африке не заметил, но слышал, что есть волонтёрная часть, которая была вооружена ружьями **Снайдера**, присланными из Индии, так как в настоящее время все индийские войска имеют возможность получить магазинку⁸⁵ **Ли-Метфорда**.

Я обратил внимание и на факт наличности и древних орудий, заряжаемых с дула, времён **зулусских** походов, в одной из батарей, стоящей в передовой линии на театре войны с самого начала кампании, и старых ружей **Снайдера** в одной из волонтёрных частей, как на доказательство до чего война с бу-

рами застала врасплох английское военное министерство, которое не было посвящено английским же министерством иностранных дел и колоний, **Чемберленом** и компанией в тайны готовящихся событий. До такой степени английское министерство иностранных дел ждало сильной оппозиции противу своих воинственных замыслов, что все наступательные ходы своей дипломатии оно держало до последней минуты в секрете даже от самого фельдмаршала Уолслея.

Магазинное ружьё **Ли-Метфорда**, по общим отзывам в английской армии, уступает по своим боевым качествам магазинному ружью **Маузера** (приписка **Куропаткиным** карандашом на полях: «Несомненно!») (7,69 мм (7,71 мм), образца 1888 г.), которым вооружена бурская армия. Оно уступает в меткости стрельбы на дистанции выше тысячи ярдов и в отношении прочности устройства магазина. При продолжительной и скоростной стрельбе нередки случаи поломки подавателя, который побуждается вверх пружиною. Ввиду этого на каждое ружьё полагается 2 магазина.

Я на передовых пикетах⁸⁶ 1st Royal Irish Fusiliers батальона, под Ньюкаслом видел у всех солдат по второму магазину в сумке (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** на полях и неразборчивая приписка).

Для разъяснения места нахождения подавателя, изображённого на обороте страницы, – чертёж.

Межу прочим замечу, что англичане очень неохотно показывают своё ручное оружие, так как за продолжительностью кампании и недостаточностью ремонта на вооружении много ржавчины, а в каналах ружей даже раковины.

Прицел на ружьё **Ли-Метфорда** для стрельбы на дистанции до 1800 ярдов. Кроме того, имеется боковой прицел, слева (?) для стрельбы до 3500 ярдов. В магазине – 10 патронов (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**). Вес ружья с тесаком⁸⁷ – 11,3 фунта, то есть на $\frac{1}{2}$ фунта тяжелее нашего.

Магазин в английском ружьё **Ли-Метфорда** – 1889 г.

44.

Прицель на ружьё Ли-Метфорд
спрятаны на дистанции до 1800 ярд.
Кроме того, имеется боковой при-
цель, склонка, для спрятаны до
3.500 ярд. Количество магазина-10 пат-
ронов. Весь ружьё с гасаком в-
= 11,3 фунта, т.е. на $\frac{1}{2}$ ружьё та-
матьше нашего.

Магазинъ.

вз

Английск. ружьё
Ли-Метфордъ-1889.-

Прицел.Подавающий механизмъ.

1) Подаватель - N.

2) Крутизна - K.

Задний ворот цилиндрический и удар-
ивается при выстреле вправо-
направо. —

Рисунок № 2 Иолина (магазин винтовки Ли-Метфорда в разрезе)

Примечание

Подающий механизм

- 1) Подаватель – N и
- 2) Пружина – K

Затвор цилиндрический и удерживается при выстреле по-втором направо.

15. Конная пехота – вооружена только ружьём со штыком. В некоторых частях попадаются ещё старые однозарядные ружья **Генри-Мартини**. Штыки примыкают только при атаке – в пешем строю. В конном строю штык в ножнах, на поясной портупее.

В европейской войне конная пехота, по моему мнению, не выдерживает ни малейшей критики как род оружия. Она стоит очень дорого. И только противу буров конная пехота имеет за собой *raison d'etre* (смысл существования), так как у буров нет ни пехоты, ни кавалерии (знак вопроса поставлен **Куропаткиным** карандашом на полях).

16. Центральные депо больных лошадей прекрасно устроены и организованы, на 400 голов каждое.

Я детально осмотрел подобные депо – в городе Ледисмит и под м. Ньюкаслом.

Я провёл в таком депо, в Ледисмите, целые сутки у ветеринарного врача у капитана **Тоэрса**.

К недостаткам организации можно отнести недостаточное количество медицинско-ветеринарного персонала: на 400 больных лошадей – 3 ветеринарных врача, а так как нередко один из них бывает в командировках, то (на) остающихся двух выпадает подчас непосильная работа.

Команда в таком депо состоит из 2-х унтер-офицеров англичан и 30 человек солдат – из **кафров** и из индийцев.

В обозы, в депо и в военную полицию **кафры** уже привлекаются – это начало к привлечению чёрных в состав действующих английских армий.

В экспедиции против **ашантиев**⁸⁸ – весь английский действующий отряд состоит из чёрных, и только офицеры – англичане.

17. Депо конных ремонтов устроены и организованы прекрасно. В м. Ньюкасл я осмотрел 28 июля конно-ремонтное депо на 200 лошадей.

18. Падёж лошадей в феврале и в марте сего года происходил не столько от осенней эпидемии, как от бескормицы и даже главным образом от бескормицы, так как английское интендантство опоздало с доставкой фуражей (подчёркнуто **Куропаткиным** карандашом).

В августе сего года недостаток в фураже также давал себя знать весьма сильно, тем более что в августе в Южной Африке нет подножного корма.

19. Сторожевая служба

Все части, назначенные для охранения, вытягиваются в одну линию полевых караулов (Piquets), с выставляемыми от них на самое близкое расстояние (на 150–200 шагов) для своего собственного охранения, постами.

Никаких поддержек (Supports) и резерва аванпостов⁸⁹ я не замечал.

Более важные пункты в линии охранения заняты оборонительными заставами, которым нередко придается скорострельная артиллерия, и эти оборонительные заставы (Big Piquets) выставляют также от себя, смотря по условиям местности, два или три сторожевых поста для своего собственного и непосредственного охранения. Впереди линии пикетов и оборонительных застав производится патрулирование сторожевыми разъездами. Эти сторожевые разъезды носят название разведывательных разъездов – Reconnoitring Patrols, они высылаются версты на две вперёд и состоят от 2-х до 10 человек. Кроме того ещё посылаются проверочные патрули – Visiting Patrols, которые служат также и для поддержания связи с соседними караулями.

Если отряд состоит из трёх родов оружия, то сторожевую службу несёт пехота, а кавалерия исполняет в таком случае лишь ординарческую службу. На кавалерию сторожевая служба возлагается очень редко, лишь в исключительных случаях.

Английская рота охраняет участок в 1000 ярдов. Посты выставляются от полевых караулов и оборонительные заставы

состоят иногда из групп в 5-6 человек, иногда из 2-х человек, а иногда даже из одиночных часовых. Если полевой караул охраняется группами, то каждая группа выставляет от себя часового, а прочие люди поста отходят несколько назад и ложатся.

В ночное и туманное время все часовые – с примкнутыми штыками.

Ночью, при приближении людей к посту, часовой окликает: «*Halt! Who goes there?!*» (Стой! Кто идёт?!) И если не получит удовлетворительного ответа, то стреляет.

Полевые караулы имеют ещё часового у фронта.

Для наблюдения за флангами линии охранения и для наблюдения за дорогами или особо важными местными предметами вне линии охранения, выставляются отдельные посты – Detached Post – силою около 10 рядов, при унтер-офицере.

Я видел такой пост в окрестностях Ледисмита 9 августа, при объезде с капитаном **Strangways** позиций на Цезарс-Кэмп. В окрестностях Ледисмита (в августе месяце) бродили небольшие партии буров, подкарауливающие из-за камней какую-либо случайную добычу, а потому наш обезд позиций происходил под прикрытием конного патруля.

В ночь с 7-го на 8-е августа была слышна, в лагере под Ледисмитом, ружейная трескотня. Но англичане, видимо, посторонились от меня скрыть факт возможности пребывания бурских команд в столь близком расстоянии от Ледисмита.

Для приёма парламентёров, перебежчиков и посторонних людей выставляются пропускные посты (Examining Guard) из 4 или 3-х человек при унтер-офицере.

Смена частей, назначенных для охранения отряда, если отряд остаётся на одном и том же месте более или менее продолжительное время, производится не чаще как два раза в неделю.

Сторожевое охранение, выставляемое кавалерией, сходно с вышеописанным. В полевые кавалерийские караулы назначается не более как по взводу, от коих выставляются парные веденты (?) впереди линии полевых караулов шагов на тысячу.

Каждый кавалерийский полевой караул охраняет участок местности по фронту – около 2 вёрст.

В полевых кавалерийских караулах – 1/3 часть лошадей кормится и водится на водопой, но не рассёдливается. И только днём, когда всё тихо, разрешается отпускать подпруги.

Разъезды высылаются аналогично как от линий охранения занятых пехотою, так и от линий охранения занятых кавалерией; только в последнем случае – на более дальние расстояния.

27 июля, я был под м. Ньюкаслом, на биваке полевого караула 1-го драгунского полка.

В этот день на линии полевых караулов под м. Ньюкаслом была стрельба.

Если линия охранения имеет быть занятою на одну, на две недели и больше, то немедля же все пехотные полевые караулы и оборонительные заставы окапываются и окружают себя со всех сторон (подчёркнуто **Куропаткиным** карандашом) проволочными заграждениями, которые имеют по одному зигзагообразному проходу, после коего иногда ставится часовей.

Подобные заграждения я видел и под Кимберлеем, и под Ньюкаслом и под Дунди.

При объезде 16 августа передовых постов Дундийского отряда по реке Буфало-ривер я заметил, что почти все полевые караулы и даже некоторые отдельные посты снабжены телескопами (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**). При этом на полевых караулах – на горе Импатко (?) и у Григорес-Нека телескопы были водружены на треногах, и даже отдельные (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) часовые стояли в маленьких укреплённицах из камней.

Оборонительная застава у Григорес-Нека была силою в $\frac{1}{2}$ роты конной пехоты, и на ней находился телеграфный и телефонный аппараты.

Весьма практичным полагал бы приём англичан в Ньюкаслском отряде – через 5-6 дней менять места биваков и линии охранения. Это весьма затрудняет неприятелю ориентирование и очень хорошо в военно-гигиеническом отношении. (В

Оранж-ривер биваков не меняли в июне месяце и в результате получился тиф.)

Я с начальником Ньюкаслского отряда – с генералом **Вольф-Мари**⁹⁰ и с его начальником штаба полковником **Heaths** неоднократно объезжал биваки и передовые посты, иногда и в такое время, когда на пикетах шла стрельба, а по лощинам и оврагам между пикетами и биваками пробирались бурские партии (половина вышеприведённого абзаца подчёркнуто на полях красным карандашом).

Несмотря на отсутствие у буров штыков и их вялый образ (подчёркнуто красным карандашом) ведения войны, англичане возят всю кампанию в Южной Африке в своих обозах в большом количестве проволоку, весьма колючую.

Если предприимчивый конный неприятель прорвёт внезапно линию охранения английских войск – линию полевых караулов, – то он может смело рассчитывать, что дойдет до английских биваков, не встретив на пути своём какое-либо сопротивление.

Посты, полевые караулы и оборонительные заставы и их расположение преименуются к местности прекрасно. Но, кажется, что англичане чересчур много рассчитывают на свои телеграфы и гелиографы на пикетах, а потому летучая почта у них не применяется.

Нападающий, которому удалось бы окружить и захватить врасплох одну из оборонительных застав и прервать ночью телефонное сообщение, может рассчитывать на внезапное своё появление перед английским биваком.

Все английские отряды, ввиду того что война в Африке приняла партизанский характер, окружают себя шторами охранения со всех сторон, то есть линии охранения во всех отрядах имеют форму круга или эллипса.

Буры приучили англичан проводить на биваках ночи довольно спокойно. Но лучшие английские генералы сознают и выражаются, что будущая война будет вестись совсем по-иному.

В июле и в августе месяцах буры – в Натале и в Трансваале – на линии Стандerton–Фольксруст–Ингого–Ньюкасл-глен-

ко, по ночам делали только небольшие набеги для разрушения железной дороги между вышеозначенными пунктами, а все их более крупные набеги происходили днём.

Например, нападение на город Ньюкасл, командой силою в тысячу человек, буры произвели днём – 9 и 11 августа.

Я в конце августа находился под Ледисмитом, а 11 августа – под городом Дунди, и присутствовал при производстве диверсии конного Дундийского отряда к реке Буфало. (Выше-приведённый абзац подчёркнут красным карандашом.)

В первых числах августа буры также не воспользовались и трёхсуточным ураганом, который дул с севера и нёс такую массу пыли, что в 150 шагах нельзя было различить человека, и англичане были уверены, что во время урагана буры не нападут. Причина бездействия буров в ночное, дождливое, туманное и в пыльное время лежит в отсутствии у них штыков и в невозможности в такое время эксплуатировать всю силу их огнестрельного оружия.

20. Биваки

Артиллерия, как и у нас, между пехотой, а кавалерия в отрядах из 3-х родов оружия нередко располагается и на авангардных позициях.

Лошади привязываются концами от недоузков к проволоке, которая укрепляется на концах своих колами и лежит на земле. В кавалерии – по одной проволоке на взвод. При этом задние ноги беспокойных лошадей привязываются небольшими кордами⁹¹ к деревянным колышкам.

Кроме того, имеется в кавалерии на каждую лошадь, ещё по железному колу длиною около $\frac{3}{4}$ фута с кольцом. Эти железные колышки применяются при расположении кавалерийских частей на отдых в полевых караулах и в разъездах.

В английской кавалерии также применяется наш старый кавказский приём, по которому к железному кольцу привязываются по 10–12 лошадей, причём кольцо висит на воздухе – на кордах недоузков.

Этот приём я демонстрировал перед генералом **Петрушевским**⁹², ещё в (18)91-м, командуя 6-м эскадроном 10-го драгун-

ского Новотроицкого Екатерининского полка, а затем он был принят в 3-й кавалерийский дивизион генералом **Сухотиным**⁹³.

В английской кавалерии и в конной пехоте имеются также и путы, соединяющие левую переднюю с правой задней ногами, но путами на биваках пользуются редко – по преимуществу, в ремонтах молодых лошадей и при выгоне лошадей на подножный корм.

По поводу подножного корма я замечу, что английское интенданство так неисправно доставляло фураж, что даже в августе приходилось выгонять лошадей в поле табунами и в расстоянии каких-нибудь 5 или 6-ти вёрст от буров. И бедные лошади общищивали жалкие, пожелтевшие остатки зимней растительности.

Я часто замечал в июне, под Кимберлеем, в периоды самого разгара восстания в Грикуаланде, что на биваках не было дежурных частей.

Но как только получалось какое-нибудь тревожное известие, то немедля же на биваках наряжалась дежурная часть. Аналогично этому было и на биваках под городом Ньюкаслом и под городом Дунди.

Цепи парных часовых не имеется. Вообще, на биваках нет никаких часовых. Даже при батарейных парках нет часовых.

При квартирах начальников отрядов, даже генеральского ранга, и при их штабах нет ни часовых, ни дежурных трубачей, ни дежурных ординарцев. Так велика уверенность, что буры не могут внезапно атаковать английский бивак. И только подле ставок лорда **Робертса** и генерала **Буллера** были караулы и часовые.

Ружья пехота на биваках имеет при себе, в палатках, что я нахожу весьма практичным в случае тревоги.

Палатки имеются 3-х образцов:

1) большие конические, так называемые Bell-Fenfs (?) – весят 2 пуда, вышина 4.1/2 аршина, в диаметре 7.1/2 аршина.
 2) большие индийские, с основанием в виде прямоугольника и готическим верхом (подчёркнуто на полях карандашом и на полях поставлен знак вопроса). Большие палатки вмещают по

15 человек и возятся в большом обозе; и 3) малые палатки – как наши по устройству, но только немного больше размерами: вмещают по 8 человек и носятся людьми при себе в походе, а в кавалерии – на седле.

Эти малые палатки 2-х цветов: белые и светло-зелёные – под цвет морской воды, а все большие палатки – белые.

Офицерские шатры весьма роскошны, как у нас в гвардии (подчёркнуто карандашом **Куропаткиными** на полях, поставлен знак вопроса).

Все палатки удерживаются колышками весьма прочно, если последние укрепить камнями в случае урагана.

Так, например, в лагерь под Ньюкаслом, благодаря свое временному закреплению палаточных колышков камнями, ураган не сорвал ни одной палатки, а между тем под Дунди, в тот же день, ураган сорвал все палатки в лагере. Ураган был так силен, что рядом с моей большой конической палаткой сорвал железную крышу с барака, но моя палатка отлично удержалась, так как все колышки её были закреплены камнями. Генерал **Вольф-Мари** выражался, что ни разу в жизни ещё он не видел ни в Индии, ни в Африке столь сильного и продолжительного урагана.

Палаточные лагери и биваки устраиваются в английской армии с большими и тесными интервалами между палатками, в зависимости от местности.

21. Рекогносцировки

Рекогносцировки за время главнокомандования лордом **Робертсом** производились английской кавалерией довольно вяло, но эта вялость и непредприимчивость лежит не в основе духа английской кавалерии, а в тех директивах Главной квартиры, которыми самодеятельность всех командиров частей была стеснена до крайних пределов.

Английские кавалерийские офицеры проникнуты духом боевой отваги (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) и кавалерийского спорта, в самом лучшем значении этого слова. И я видел английских генералов, который ездят верхом столь же блестяще, как у нас **Струков**.

Большинство пехотных английских офицеров ничем не отличаются в верховой езде от езды кавалерийских офицеров. При осмотре 9 августа позиций под Ледисмитом, мне доставило наслаждение видеть настоящую кавалерийскую езду – меня сопровождали пехоты капитан **Strangways** и 1 рядовой конной пехоты. Капитан **Strangways** накануне (8 августа) взял I-й приз на 6-мильной скачке.

В английской армии конный спорт в среде пехотных офицеров развит не меньше, чем в кавалерии.

При поездке моей 2 августа, под м. Ньюкаслом, на авангардную позицию, на бивак 13-го гусарского полка гвардейского драгунского полка капитан **Вильям** провёл меня напрямик, по крутым оврагам и скалистым скатам гор! Препятствия в английской кавалерии принято брать, а не обходить их.

27 и 28 июля генерал **Вольф-Мари** и его начальник штаба полковник **Heath** объехали со мной линию передовых пикетов в 20 миль!!

Объезд этот, как и под Ледисмитом, происходил на полевом галопе (приписка **Куропаткина** на полях карандашом: «20 миль полевым галопом!?!»).

Ординарцы иначе не передают донесений как на полевом галопе.

В аллюрах английской кавалерии на театре войны – как ей бывало разрешено произвести какое-либо движение – и в аллюрах германской кавалерии я нахожу наиболее рельефное подтверждение правильности моих (**Куропаткиным** подчёркнуто дважды карандашом) требований, которые я предъявлял, командуя (18)91 г. 6-м эскадроном 10-го драгунского Новотроицкого Екатеринославского полка и командуя на манёврах кавалерийскими отрядами в бытность мою штаб-офицером в кавалерии.

30 июля сего года я участвовал с летучим разъездом из конной пехоты, бывшим под командаю Генерального штаба майора **Монро** в рекогносцировке бурских передовых частей, на реке Буфало, у Вольфс-дрифта, по дороге к городу Утрёхту.

При этом я убедился, как английские солдаты сами рвутся вперёд и как, несмотря на это разведки производятся осторожно и вяло, только в силу полученных свыше приказаний.

Вместо форсированного прорыва линии неприятельского охранения всё дело большинства английских рекогносцировок сводилось лишь к подходу к линии неприятельских пикетов и к опросу местных жителей-туземцев – **кафров** в их краялях.

Вообще, я нахожу, что в английской армии черезсур разведка была основана на показаниях шпионов. И хотя дело военного шпионства было организовано отлично, но тем не менее я нахожу, что английская армия придавала слишком большое значение этим показаниям шпионов, которые нередко были весьма противоречивы и недостаточно полны.

Так, например, 30 июля разъезду майора **Монро** удалось лишь узнать, что на линии Утрёхт-Брихейд, под командой фельдкорнета **Эмета** расположено от 2 до 4-х тысяч буров с артиллерией и что у буров вышли почти все съестные припасы. (Приписка **Куропаткина** карандашом на полях: «Что же доказывает этот пример, правда или неправда то, что удалось лишь узнать через шпиона?».).

Но ночное дело под Ингого, на реке Буфало, у Koetzoes Drifta, в 12 верстах от м. Ньюкасла, в ночь с 1-го на 2-е августа, является проблеском кавалерийской инициативы и реальено доказывает, что английская кавалерия способна к лихим налётам и ведению партизанской войны, раз только это было бы ей разрешено.

Командир 10-й бригады генерал-майор **Coke (Кок)**⁹⁴, командовавший отрядом в Ингого 5-го драгунского гвардейского полка, разрешил 1 августа сделать поиск на левый берег реки Буфало.

И вот капитан **Рейнольдс**, с разъездом в 22 коня, в лунную ночь переходит на левый берег реки Буфало и у Котцес-дрифта внезапно атакует бивак буров, которые в это время пили кофе перед рассветом. Капитан **Рейнольдс** атаковал так стремительно, что все бурские лошади, которые уже были в это время осёдланы, в несколько мгновений разбежались в разные сторо-

ны, а буры, видя себя отрезанными от лошадей, также бросились бежать в разные стороны, открыв огонь и отстреливаясь на бегу. Несколько десятков буров были при этом застрелены (подчёркнуто **Куропаткиным** карандашом) и заколоты, несколько десятков лошадей были трофеем английского разъезда и до 1.1/2 сотни буров разбежалось. Всё дело продолжалось не больше 10 минут. Потери англичан заключались в одном рядовом, пропавшем без вести (?!), а капитан **Рейнольдс**, работая самолично **маузеровским** револьвером (пистолетом), был при этом легко ранен в руку.

Это дело было ответом со стороны англичан на разрушение бурами железной дороги под м. Ньюкаслом в ночь на 31 июля.

В лагере под Ньюкаслом мы все слышали эту пальбу перед рассветом. И через 1.1/2 часа генералом **В. Мари**, по телеграфу из Ингого, уже было получено донесение о произошедшем деле. Быстрота и тщательность передачи донесений в соседние отряды о всём происходящем в английской армии – поразительна!

При этом я заметил, что поддержание самой тесной связи между английскими отрядами происходит не только на такие расстояния, как отстоит м. Ньюкасл от м. Ингого, но и на расстояние сотен миль!

Кроме того, все старшие начальники английской армии до командиров бригады включительно, получают из Главной квартиры по телеграфу (**Куропаткиным** подчёркнуто карандашом) – депеши о всех наиболее выдающихся событиях, проходящих на всех театрах войны всего земного шара, где пребывают английские войска.

Так, например, генерал **Вольф Мари** был отлично ориентирован о положении дел в Китае и в отряде против ашантиев.

Английские генералы любят щеголять удальством и поэтому, объезжая передовые пикеты, сопровождают себя (**Куропаткиным** подчёркнуто карандашом и на полях поставлен знак вопроса) самыми небольшими свитами и конвоем. Так, например, генерал **В. Мари** брал с собой на передовые посты только начальника штаба, меня (**Куропаткиным** подчёркнуто

карандашом) и 1-го конного ординарца с ружьём. Сам он и его начальник штаба были в этих поездках без оружия и только со стигами (?) (стеками?).

А между тем в то время на пикетах дня не проходило без стрельбы и бурские команды шныряли вокруг Ньюкасла по всем направлениям.

Генерал **Китченер** – этот лучший генерал английской армии, – однажды заночевал в открытом поле (в июне) в каком-то вагоне, на участке разрушенной железной дороги, и при этом в большом отдалении от биваков своих войск.

На рассвете буры наскочили на этот вагон и генералу **Китченеру**, осыпаемому градом пуль, удалось спастись только благодаря его необыкновенному счастью и быстроте его лошади.

Я полагал бы, что в случае нашей войны с Англией, время от времени полезно было бы снаряжать, специально для поимки английских начальников, особые разъезды.

Каждый английский кавалерийский офицер и каждый разъезд в английской кавалерии имеют ножницы для прореза проволочных заборов, которыми Южная Африка изобилует.

У нас в кавалерийских полках не найдётся и по одному десятку таких ножниц, а между тем, Пруссия, Познань и Галиция изобилуют проволочными заборами, и английские войска в Средней Азии будут окружать себя и свои биваки также проволочными заборами.

Я полагал бы, что условия будущей войны в Европе и в Средней Азии требуют не менее как по 120 ножниц на кавалерийский полк, и весьма было бы желательно обзаведение таким количеством ножниц – безотлагательно, на хозяйственные суммы кавалерийских полков /от (?) IX-й/ без особого отпуска от Военного министерства. Суммы в кавалерийских полках для такой цели хватит с избытком, так как ставки (?) на фураж везде стоят довольно высокие.

22. Сорт лошадей в кавалерии – прекрасный, рост не меньше 3-х вершков, а чаще + 3.1/4 вершков, напоминает наших гвардейских драгунских и уланских лошадей по качеству и росту, а по структуре – лошадей германской кавалерии.

В конной пехоте лошади мельче – от 3.1/2 до 3-х вершков в средней.

Выгрузка лошадей с пароходов и с барж на пристани производилась при посредстве подъёмных машин, с поразительной быстротой. В июле сего года я был допущен в Порт-Элизабет, на военную пристань, на коей происходила при мне выгрузка 400 молодых лошадей кавалерийского ремонта.

При доставке лошадей из Европы и Америки около 10% падало на кораблях. Лошади, в силу тесноты помещения на военных транспортах, прибывали на Африканский материк в сильно утомлённом виде.

За лошадей в Америке – в Аргентине – платились бешеные деньги; по 25 фунтов (то есть по 250 рублей) за лошадь и, несмотря на это, самые мелкие и самые худшие лошади были аргентинские. За средний тип аргентинской лошади у нас ремонтёр⁹⁵ кавалерии дал бы не больше 70 рублей (7 фунтов).

Аргентина сделал выгодный для себя гешефт, сбыв, столь дорого, в Южную Африку весь свой брак.

В деле покупки аргентинских лошадей можно сказать, что «коса нашла на камень».

Аргентинские лошади, по преимуществу, поступали в конную пехоту.

Слава же австралийских лошадей была в наших газетах сильно раздута. И я положительно утверждаю, что если это была и правда, что в период Паардебергской операции только австралийские лошади успевали догонять буров, то это происходило не потому, что австралийские лошади быстры на ходу, а только потому, что австралийские лошади, как мелкие – малого роста лошади, – лучше выдержали интендантскую бескормицу. И, следовательно, они оказались лучшими только в известный момент кампании, когда не хватило, так сказать, кавалерийских зарядов, которыми является фураж в кавалерии.

Но первом (жемчужиной) следует признать лошадей, доставленных из Англии и Венгрии.

В Дурбане я видел этих английских и венгерских лошадей в количестве около одной тысячи, а на биваках под м. Ньюкаслом – около 500 голов.

По отзывам офицеров английской действующей армии, английские и венгерские лошади отлично выдерживали зимний период кампании, австралийские же лошади, по типу своему, более пригодны в ездящую артиллерию и обоз⁹⁶.

Я по долгу своему и беспредельно любя царскую кавалерию (**Куропаткиным** подчёркнуто карандашом), докладываю, что в лице английской кавалерии мы имеем весьма и весьма серьёзного соперника. И что тактическая и стратегическая бездеятельность английской кавалерии проистекала не из неё самой, а из полного неумения фельдмаршала **Роберта** воспользоваться тем чудным кавалерийским материалом, который был у него в руках. И в будущую войну английская кавалерия будет действовать по-иному. (Почти весь вышеприведённый абзац подчеркнут на полях карандашом **Куропаткиным** и его приписка: «Не вижу причин: почему она будет действовать лучше»).⁹⁷

23. Обозы

Повозки военного английского обоза прочны, поворотливы и лёгки на ходу.

Запряжка уносная (?). Большей частью впрягаются мулы.

При этом все уносные пары управляются вожжами и бичом фурштадта (?), сидящего на козлах⁹⁸. Это очень практично, так как при такой системе на спины мулов не возлагается тяжесть (?) ездовых (?). Служат **кафры** и управляют они мулами идеально. Нередко я видел в Кейптауне повозки с фуражом и запряжённые 8-ю мулами (все попарно-дышловая и уносная пары) идущими вскачь, причём повозка выделявала всевозможные восьмёрки между идущими навстречу электрическими трамваями и шоссейными локомотивами, тянувшими целые поезда с артиллерийским грузом.

Упряжь в обоз принята шорная – из белой кожи.

Мул как упряжное животное – идеален: довольно быстр в движениях, вынослив и послушен.

24. Охранение коммуникационных линий (июль и август) (Приложение № 17).

1) коммуникационная линия войск левого фланга:

г. Кейптаун – г. Кимберлей – г. Мафекинг – 1400 км.

а) в Кейптауне было в июле и августе около 2 тысяч войска;

в) Де-Аар – рота;

с) Оранж-ривер – батальон;

д) Кимберлей и Западный Грикуаланд – 2 тысячи;

е) Вринбург – батальон;

ж) Кимберлей – 1 тысяча.

Итого: около 6000 человек.

2) вспомогательные промежуточные коммуникационные линии:

Порт-Элизабет–Колесберг и порт (Ист)-Лондон–Аливаль Nord заняты были войсками, силою около 6 тысяч человек.

3) коммуникационная линия центра:

Кейптаун–Блумфонтейн–Претория – 1600 км.

Занята была войсками силой около 80 тысяч, не считая войск в Претории и в ближайших окрестностях Претории.

4) коммуникационная линия войск правого фланга:

Дурбан–Штандертон – 400 вёрст.

Занята была силами в 10 тысяч человек.

5) коммуникационная линия войск центра (как вспомогательная):

Претория–Дурбан – 500 км.

Эта же линия до Штандертона служила и для войск правого фланга. От Штандертона через Йоханнесбург была занята силами около 10 тысяч.

Итого: из 200-тысячной армии, около 110 тысяч было оставлено для охранения тыла и коммуникационных линий.

Несмотря на такую массу войск, оставленных лордом **Робертсоном** в своём тылу, в период его наступления от претории к Белфасту, всё же были участки весьма слабо занятые.

Этим я не хочу сказать, что войск для охраны коммуникационных линий было оставлено недостаточно, наоборот, их было в четыре раза больше, чем то вызывалось наличной обстановкой, но они были размещены совершенно несвообразно обстановке.

Так, с выходом генерала **Буллера**, через проход **Бота**, из Драконовых гор, обстановка весьма благоприятствовала лорду **Робертсу** для перемены главной коммуникационной линии Претория–Блумфонтейн–Кейптаун на Дурбан–Штандертон–Претория. Это надо было сделать ещё в начале июня, а между тем лорд **Робертс** до конца упорствует в своём нежелании расстаться с коммуникационной линией на Кейптаун, хотя на Дурбан линия и на 1000 км короче.

И только в конце августа войска Центра начали пользоваться как вспомогательной линией – линией на Дурбан, а главной коммуникационной линией всё же продолжала оставаться линия на Кейптаун, попадавшая под удары блестящего **Девета**.

Причина этого лежит, насколько мне известно, в том обстоятельстве, что генерал **Forestier-Walker** – начальник коммуникационной линии на Кейптаун и его начальник штаба полковник **Троттер**, не желали расстаться со своими комфорtabельными местами – должностями, где дело было уже так сказать налажено и где спевка (?) с интендантством была полная.

И вот им удалось через адъютанта лорда **Робертса**, – через полковника **Херберта**, который заведывал в Кейптауне отделением Главной квартиры, убедить фельдмаршала в необыкновенном удобстве и важности сохранения главной коммуникационной линии направления Претория–Блумфонтейн–Кейптаун. В результате этого получились: разброска войск, подставление самими англичанами предметов действий для **Девета**, задержка наступления против **Бота**, излишнее кровопролитие и сообщения **Буллера** на воздух!

Так, от м. Гленко до г. Дурбана, было не больше 2-х батальонов пехоты с 2-мя ротами конной пехоты. И мосты у железнодорожной станции Колензо совсем не были в августе заняты, а Ледисмит с железнодорожным мостом был занят только 1-й

Железнодорожный мост. На холме – памятник английским военнослужащим из 8-й бригады, погибшим при взятии Талана-хил в октябре 1899 г.

Отступление 8-й британской бригады под командованием генерала Юла к Ледисмиту в октябре 1899 г.

ротой пехоты и $\frac{1}{2}$ роты конной пехоты! Направления же Брихейд-Колензо и Брихейд-Ледисмит только слабо наблюдались разъездами конной пехоты. И это было при условиях нахождения в окрестностях города Брихейд бурского отряда **Эмета** силою около 3000 коней! От Брихейда до Ледисмита, в обход правого фланга дундийского отряда, – 120 вёрст и до Колензо – 140 вёрст. Расстояния, которые конно-гусарские команды пробегут менее чем в сутки, не встретив на пути своём никакого сопротивления. Но, по счастью для лорда **Робертса**, **Эмет** не оказался **Деветом** и лез только упорно на фронт: местечко Ингого – город Ньюкасл – город Дунди, которые хотя и были сильно заняты англичанами, но были зато для **Эмета** и в близком соседстве с рекой Буфало, за которую **Эмет** всегда спешно скрывался вслед за своими малоуспешными вылазками, на правый берег реки Буфало. В результате столь нерешительных действий, **Эмет** дождался наконец времени, когда англичане придут на левый берег реки Буфало. В настоящее время генерал **Хильдиард**, **Вольф-Мари** и **Дартнелл** перешли на левый берег реки Буфало и атакуют **Эмета** превосходными силами под городом Утрёхтом. Я уверен в успехе этой наступательной экспедиции.

Пассивность работы **Эмета** проистекала отчасти от нежелания буров драться вдали от своих очагов и в силу отсутствия в массе буров государственного самосознания, до которого они не успели ещё дорасти, как были атакованы Англией. Конечно, если бы эта война вспыхнула 2-4 годами позднее, то результаты её могли получиться иными.

Если бы лорд **Робертс** в самом начале партизанской работы **Девета** бросил коммуникационную линию на Кейптаун и, устроив укреплённую линию Кимберлей-Блумфонтейн-Вепнер, принял главной коммуникационной линией своей линию Претория-Дурбан, что он легко мог сделать, обладая сильным флотом и массой транспортных судов, то он мог бы до 75 тысяч войск, непроизводительно разбросанных между Блумфонтейном и Йоханнесбургом, собрать к Претории. Из этих 75 тысяч до 5 тысяч могло быть назначено на усиление линии на

Дурбан, а до 70 тысяч, прибывших из Фрейштадта войск с войсками, находившимися уже ранее под Преторией и с войсками **Буллера**, дали бы массу в 150 тысяч для наступательной операции против **Бота**, у которого в июле было под ружьём не больше 20 тысяч. Конечно, при таком развертывании сил **Бота** был бы быстро разбит и уничтожен.

Штабы коммуникационных линий были очень обильны, но это делу нисколько не помогало, так как не хватало главного – локомотивов и вагонов. Англичане думали одним налётом покончить с бурами, а между тем война затянулась. И так как лорд **Робертс** был убеждён с самого занятия Претории, что война кончится если не в этот месяц, то в следующий, то так до сего времени ничего и не было сделано к увеличению наличного подвижного состава, который с течением войны ещё уменьшился благодаря действиям **Девета** и **Оливье**.

25. Характер действия английской армии в июне, июле и августе месяцев 1900 г.

Не вдаваясь в детали хода военных событий, изложенных уже военным агентом, я только в общих чертах отмечу характер действий английской армии в период от занятия Претории и до конца августа.

Этот период застает английскую армию в состоянии какого-то оцепенения–выжидания. Причина его нам станет ясна, если вспомнить, что лорд **Робертс**, заняв Преторию, торжественно объявил об окончании войны. Военным агентам и корреспондентам было предложено отъехать, так как война-де кончилась (?!). И вот, лорд **Робертс**, объявив всему миру, что Трансвааль присоединён и война кончена, ждёт под Преторией буйных буров, которые должны явиться с повинной.

Из этой-то отправной идеи и проистёк весь характер той пассивности действий, которую проявила английская армия в рассматриваемый период кампании.

И надо отдать справедливость английской армии, что вся она весьма стройно выдержано данное ей из Главной квартиры направление, которое как красная нить проходит через все её действия.

Так: 1) Лорд **Робертс**, весь июнь и июль оставляет почти без внимания главное ядро бурских сил – **Бота** с 20 тысячами и отряжает до 80 тысяч войск для поимки **Девета**, у которого было в начале его операции 4 тысячи, а после плена в начале июля под Гаррисмитом генералом **Hunter** – 2 тысячи, всего только 2 тысячи. Таким образом, все действия лорда **Робертса** сводятся в этот период войны лишь к охране участка железной дороги между Преторией и Блумфонтейном (см. Добавление № 1. С. 173).

2) Генерал **Уоррен** весь июнь и июль оставляет совсем без внимания главное ядро инсургентских повстанческих сил, бывших в составе 1 тысячи человек, сосредоточенных под Грикуалдом, и гоняется по всему западному Грикуалду с 2-тысячным отрядом за мелкими партиями силою в 100 и в 50 человек инсургентов⁹⁹, главным образом в районе г. Куруман-г Мафекинг-Кимберлей-Де-Ааар, охраняя таким путём (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) участок железной дороги между Де-Ааром-Кимберлеем и Мафекингом.

3) Генералы **В. Мариш**, **Дартнель** и **Кок** весь июнь и июль оставляют совсем без внимания главное ядро бурских сил во Врихейдском и Утрёхтском округах – **Эмета** с 4 тысячами и предпринимают лишь целый ряд мер, клонящихся к поимке мелких партий буров, на правом берегу Буфalo, охраняя таким путём участок железной дороги между Гленко и Ингото.

Этот характер действий и направления данного Главной квартирой как электрический ток доходит до последнего щупальца (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) армии – до каждого из её разъездов – рекогносцировать и ловить мелкие партии, угрожающие поломкой железной дороги и не подходить близко к главным ядрам неприятельских сил.

В результате – в июле – **Бота** переходит к наступательным действиям и даже появляется со своими войсками под самой Преторией, оживляются действия **Стейна, Оливье и Деларея**. **Девет** атакует и рвёт самым капитальным образом участок железной дороги между Блумфонтейном и Преторией, несмо-

тря на 80 тысяч, отряженных для поимки его, и наконец в середине августа **Эмет** атакует Ньюкасл.

Английская армия в начале августа оказывается в оборонительном положении, несмотря на соединение на линии Миддельбург–Эрмело и части главных сил лорда **Робертса** и **Буллера**, а инициатива действий переходит к несоизмеримо слабейшему – к бурам!

Так было пропущено лордом **Робертом** 2.1/2 месяца для наступления против **Бота** – главного ядра бурских сил, укрепившегося за это время весьма основательно на линии Лейденбург–Барбертон.

В факте наличности существования в июле и в августе главного ядра бурских сил под командою **Бота** мы видим также одно из оснований, почему **Девет** мог развить так сильно свои наступательные партизанские действия: **Девет** черпал моральные силы из факта наличности существования ещё не разбитых англичанами главных бурских сил – под командою **Бота**.

С разбитием **Бота** и самостоятельность всех бурских партизан покатится быстро на нет (всё предложение **Куропаткиным** подчёркнуто на полях карандашом).

Лорд **Робертс** в стремлении своим обеспечить все коммуникационные линии – задача непосильная при размерах южноафриканского театра войны даже и для 400-тысячной армии – упускает время для нанесения быстрого, сосредоточенного и сильного удара по главной цели – по главным силам неприятельской армии. А затем, разбросавши всю армию, он ведёт наконец атаку в решительный пункт театра войны – каковым была в августе линия Лейденбург–Барбертон, но, преследуя одновременно несколько целей: обеспечение всех коммуникационных линий, ловлю **Девета** и, наконец, атаку **Бота**, – в результате он оказывается недостаточно сильным, чтобы **Бота** уничтожить.

Если лорд **Робертс** будет заменён в настоящее время генералом **Китченером**, то генералу **Китченеру** выпадет нелёгкая задача, так как «ошибки, сделанные при первоначальном раз-

вертывании армии, – как говорит фельдмаршал **Мольтке**, – едва ли могут быть исправлены в течение целой кампании». И я полагаю, что генералу **Китченеру** потребуется не меньше месяца на сосредоточение сил армии против важных пунктов и около 3 месяцев, чтобы закончить кампанию (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях поставлен знак вопроса).

26. Картографический отдел

Замечания одного из французских офицеров – волонтёра бурской армии, – что английская армия блистала отсутствием штабных топографических карт с указанием дорог (?) и т.п. не верны. Английская армия располагает прекрасной картой всей Южной Африки в масштабе: в 1 англ. дюйм = 3,94 мили (вторая половина вышеприведённого абзаца подчёркнута на полях).

Мне удалось получить в подарок от начальника штаба отряда в м. Ньюкасл полковника **Heath** несколько листков такой карты. А в Ледисмите я получил печатные крошки, на голубом фоне Колензской позиции (см. приложение № 15 при стр. 39) (приписка на полях карандашом **Куропаткиным**: «Это уже очищенная (?) собранная (?) после операции») и позиций под Ледисмитом.

Английские войска в Южной Африке были снабжены в достаточноном количестве картами театра войны.

При условиях малого количества населённых пунктов Трансваала и Оранжевой Республики можно полагать масштаб в 1 д. = 3,94 мили достаточно крупным для всех соображений при ведении войны.

По поводу топографических карт я, пользуясь случаем, чтобы доложить, что в наших кавалерийских полках, стоящих на границе, имеются в мобилизационных складах германские карты лишь (18)60-х и (18)70-х годов, на коих нет многих железных дорог – I-го объекта кавалерийских действий с объявлением войны (на полях карандашом **Куропаткиным** помечено: «Верно!»).

Между тем в Берлине можно было бы на полковые суммы

приобрести хотя бы по 10 экземпляров на кавалерийский полк германской карты, в масштабе 2.1/2 вёрст в 1 дюйм – новейшего издания (приписка на полях карандашом **Куропаткиным**: «И это верно»).

По инициативе генерала **Тимирязева** в полках 4-й кавалерийской дивизии было приобретено покупкой из Берлина по 1-му экземпляру на полк такой карты, но это слишком мало – только по 1-му экземпляру на полк.

27. О боевых порядках

Английский боевой порядок мне удалось видеть под городом Дунди – 11 августа (см. Приложение № 16).

11 августа в 9 часов утра, по тревоге, вслед за получением депеши о нападении буров на местечко Ньюкасл, с бивака под городом Дунди были двинуты к Sand-River, в северо-восточном направлении 2 полка конной пехоты и батарея ездящей полевой артиллерии (полк Natal Carabiners, полк Border Mounted Rifles и батарея of Natal Field Artillery). В это же время под городом Дунди явственно заслышана была артиллерийская канонада со стороны м. Ньюкасла, а вскоре и со стороны р. Буфало на передовых пикетах Дундийского отряда заслышана была бурская стрельба.

Движение вышеозначенного отряда имело целью:

1) произвести рекогносцировку в северо-восточном направлении и 2) демонстрацию против фланга и тыла буров, напавших на Ньюкасл.

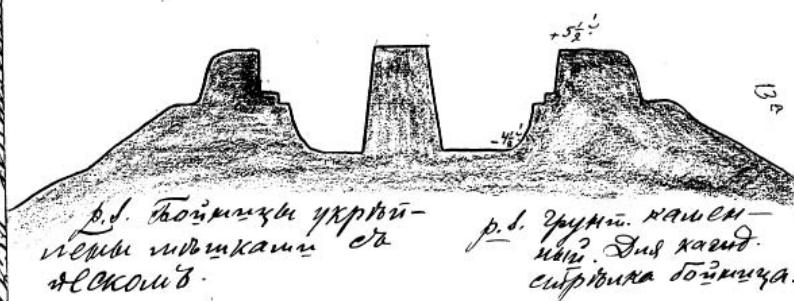
Отряд, выйдя на холмы к северо-востоку от горы Импати, построил боевой порядок фронтом к Sand-River. Батарея сделала несколько выстрелов. Буры не отвечали.

Боевой порядок был построен так: батарея на холме, в центре, 1 полк в спешенном строю вправо, а другой – влево от батареи. Сразу были высланы густые цепи. Общий резерв отсутствовал.

Отряд простоял в таком порядке в ожидании атаки со стороны буров около часу.

В 11 часов утра гул стрельбы от Ньюкасла прекратился и получено было сведение, что бурские команды показались на

Приодолив
рельсова путь и. Многоаспектеншт, на
горюто Signal Hill.

Грант-Схема
рельсова, № 83 и. Многоаспектеншт-
еншт, на горюто Signal Hill.

p.s. Грант-Схема
около 40 маг.
на 1 вузове.
Красни. чумки то-
рош обозначе-
на проходка.

горе Малунгене. Тогда отряд разделился – около 2-х конных рот (полк) (* сноска – волонтёрные полки считали в своём составе не больше 400 коней) с батареей пошли вверх по долине Буфало, одна конная рота пошла для поддержания оборонительной заставы у Грегорис-Нека и одна конная рота к Таланга-Бергу, на укреплённую позицию, на которой стояла морская артиллерия (2 орудия), 2 орудия **Максим-Норденфельта** и 2 пулемёта **Максима** и 1 полк пехоты – Durban Light Infantry (Дурбанская лёгкая кавалерия).

В направлении от Малунгени в 11 часов утра была слышна некоторое время ружейная стрельба с передовых постов.

К вечеру колонна, пошедшая вверх по Буфало-ривер, благополучно вернулась на бивак, не встретив неприятеля, и было получено по телеграфу донесение: буры – **Эмет**, атаковавший каменноугольные копи под м. Ньюкаслом, успел захватить 8 пудов динамита и 8 английских мулов и, что вслед за тем был обращён в бегство английской конной батареей и преследуем эскадроном 13-го гусарского полка.

В этот день мои впечатления свелись к тому, что:

1) движения вперёд конной пехоты производятся бойко – полевым галопом.

2) Дело **Гатакра** под Стромбергом произвело сильное впечатление на английскую армию, в результате коего боевой порядок строился преждевременно, иногда даже против самой небольшой партии неприятеля – в несколько десятков человек, не собирающихся даже атаковать.

3) Наблюдение за флангами слабое.

4) Разведка на передовых постах нерешительная.

Я присутствовал при движении вышеозначенного отряда к Sand-River и при построении им боевого порядка, а затем провёл до наступления вечера время на авангардной позиции Талана-Берг, в ожидании атаки буров на Дунди.

По прибытии моём на авангардную позицию – на Талана-Берг, полевой караул взял мне «на караул», и трубачи-сигналисты трубили мне «поход» (предложение подчёркнуто на полях карандашом **Куропаткиным**).

28. К укреплению позиций.

Проволока в большом ходу и она с острыми зубцами.

Весьма часто применяются англичанами круглые редуты, с крестообразными траверсами и устроенными из мешков бойницами и амбразурами.

Под Ледисмитом почти все батареи и траншеи были построены из камня.

В бурских траншеях под Колензо были устроены из мешков бойницы.

В июле я осмотрел центры позиций под Моддер-ривером и Граспаном и укреплённую позицию англичан под Кимберлеем.

В августе я осмотрел проход Лангс-Нек, позиции под Колензо и Ледисмитом, и Дундийское поле атаки генерала **Саймонса** на гору Талана. В августе же были мною детально осмотрены укреплённые позиции англичан на Талана-Бург (Талана-Хил) и под м. Ньюкаслом (вторая часть абзаца подчёркнута на полях).

29. К дисциплине, к внутреннему порядку и к офицерскому вопросу

Дисциплина в частях постоянной армии хороша. Даже французы (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и приписка на полях: «Почему же французы признают (?) такими (?) компетентными?») признают, что регулярный английский солдат, или, как прозвали его буры, **Томми-Аткинс**, всегда холoden, послушен и способен маршировать в ногу под градом вражеских пуль» (выписка из воспоминаний французского офицера, возвратившегося из Трансваала).

В волонтёрных частях дисциплина весьма разнообразна. Так, в отряде натальских волонтёров, стоящих под командой генерала **Дартнела**, дисциплина очень хороша и ничем не отличается от частей постоянной – регулярной армии. В волонтёрных же отрядах Капской колонии – под Кимберли – было отсутствие всякого представления о внутреннем порядке.

Английские солдаты очень выносливы и храбры (над словом «храбры» поставлен знак вопроса). И если и было немало фактов их сдачи гуртом, то это происходило не из трусости, а

Английская карикатура «Безрассудное неповиновение» (огромная Россия и крошечная Франция грозят Великобритании, в то время как вдали в Трансваале бушует англо-бурская война)

чаще всего за отсутствием в таких частях дисциплины (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях приписка: «Хороша же дисциплина, которую даже французы хвалят. Выходит, что дисциплина то хороша, то отсутствует!») и военного обучения.

Хотя в английской армии нет муштровки и выправки, как у нас и в Германии, но тем не менее субординация весьма прочна – он имеет в английской армии своими условиями: 1) чувство долга, (неразборчивая приписка **Куропаткиным** на полях), которое в Англии развито весьма сильно, и 2) различие в материальном положении генералов и офицеров от солдат. Генерал для офицера и солдата Sir (сэр), и офицер для солдата также Sir.

Развитое в массе чувство долга и дало возможность англичанам сократить до минимума все наряды по несению внутренней и караульной службы.

Чувство долга и сегодня, как под Трафальгаром, является для англичан девизом, который ведёт их вперёд.

Характер англичан настолько обособлен от всех других наций, что казалось бы мне, что рассмотрение и оценка дела постановки в Англии несения внутренней службы и характера армейской дисциплины, возможны лишь, принимая во внимание всю совокупность условий гражданской жизни в Англии, как, например, строгое различие и обособленность классов по материальному состоянию и т.п. черты жизни и государственного строя Англии.

Истинным купоросом¹⁰⁰ (на полях поставлен восклицательный знак), разъезжающим английскую армию, являются евреи, которым доступно в Англии даже офицерское звание. И эти офицеры-евреи жестоко злоупотребляют своим положением.

Так, например, в Кимберлее у генерала **Уоррена** водворился адъютантом его штаба и заведывающим полевыми жандармами капитан **Де Вис**¹⁰¹ – еврей. И вот в то самое время, когда в центре армии (Претория – Йоханнесбург), благодаря усилиям генерала **Китченера**, евреи не были допущены в эти города, в то же самое время на её левом фланге, в город Кимберлей пробиралась целая колония евреев, несмотря на военное положение города, нашедшая в лице капитана **Де Виса** своего высокого покровителя.

Генерал **Китченер** был занят ловлей **Девета**, генерал **Уоррен** ходил с летучей колонной по Грикуаленду, ловя партии инсургентов, начальник гарнизона в Кимберлее, полковник **Person** (?) постоянно отсутствовал, разъезжая по железной дороге к Де-Аару и Мафекингу, чтобы лично руководить исправлениями разрушенных бурами участков, а капитан **Де Вис** в это время успел учредить обширную еврейскую колонию в Кимберлее, экспортирующую и торгующую.

Евреи в Кейптауне, выгнанные бурами из Трансвааля, готовы были платить по 50 фунтов за пропуск их в Кимберлей или Йоханнесбург.

Что касается до постановки капитаном **Де Висом** военно-полицейской службы, то в этом отношении в Кимберлее проис-

ходила форменная анархия. Так, в июне месяце ночи не проходило в Кимберлее, чтобы солдаты волонтёрных частей кого-нибудь не ограбили на улице. Одно лицо, близко знакомое лорду **Робертсу**, рассказало мне следующее: «Правду сказать, у нас в Кимберлее в дома, слава Богу, ещё не влезают, но на улице – каждую ночь грабят, а недавно солдаты напали и ограбили даже своего офицера на улице. Английские офицеры ходят без оружия в городах, и я считаю этот факт весьма вероятным».

К характеристике евреев, служащих в армии – другой факт.

В одной из волонтёрных частей, где фельдфебелем¹⁰² был еврей, он хотел взять со своих же сородичей взятку, а те ему не дали. Тогда он, несмотря и на разрешённый начальством праздник для евреев, нарядил их на службу. А те в ответ на это через два дня поймали его, увязали ему голову в мешок и насмерть искололи его всего ножами, а затем труп его бросили под трубу, по которой сбегала из конюшни грязная вода и нечистоты. Виновных не нашли, и дело закрыли.

По поводу Кимберлея, нельзя не упомянуть о том, что там находится в настоящее время предводитель разбойничьей шайки (18)96 г. – доктор **Джемсон**, который совместно с **Де Висом** обсуждает вопросы обороны Кимберлея, в случае нападения со стороны **Деларея**, так как он считается знатоком полосы местности между Мафекингом–Кимберлеем и Крюгердорпом (1896 год).

Доктор **Джемсон** совместно с **Де Висом** также ворочает и тайной полицией.

В настоящее время **Джемсон** открыто заявляет, что в (18)96 г. он был послан в Йоханнесбург поднять восстание **Сесилем Родсом** и компанией, и что на средства **Сесиля** же **Родса** был и снаряжён его отряд в набег.

Что касается пьянства, то я по этому вопросу несколько расхожусь с полковником Стаковичем (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и приписка на полях: «Полковник **Стакович** своего отчёта ещё не представил и черновика его, я убеждён, господину **Иолшину** не показывал. Странно же на него

ссылаясь»). Он считает, что в английской армии нет пьянства и что он за всё время войны видел только 1-го пьяного офицера и 2-х пьяных солдат. Я пьяных офицеров в английской армии ни одного не видел, но зато пьяных солдат в одном Кейптауне видел десятка четыре.

В общем, конечно, и это ничтожный %. Но дело в том, что это ничего не доказывает, так как в английской армии пьют взакрытую (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) и ввиду этого, наиболее энергичные начальники приняли в Южной Африке решительные меры, обкладывая большими штрафами содержателей баров и тому подобных заведений, за отпуск солдатам спиртного. Но солдатам удается обходить и эти меры, доставая за двойную цену спирт через посредство гражданских людей, но таковой спирт, конечно, уже распивается строго взакрытую (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**).

30. На биваках и на марше в английской армии весьма монотонно. За недостатком обученных солдат и неподготовленностью к разросшейся до больших размеров войне, англичане распустили почти все музыкантские хоры. Нет барабанов, нет музыки. А барабаны, музыка и песни бодрят солдата на войне (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и приписка на полях: «Неужели?»).

В противоположность нашим бивакам, на которых при выступлении, если солдаты накормлены и бодры, – бывает шумно, на английских биваках всегда монотонная тишина. И только игра в мяч немного развлекает английских солдат.

31. О военнопленных

Обращение с военнопленными бурами до конца августа было весьма гуманное. Я в этом неоднократно убеждался. Но оно проистекало не вследствие доброты англичан, а в силу принятой системы. Таким путём они рассчитывали достигнуть скорейшего умиротворения края. И даже с повстанцами в Западном Грикуаленде обращение было весьма гуманное.

Так, в июне сего года генерал **Уоррен** повстанцев, добровольно положивших оружие, отпускал по фермам. Та же система была принята и в Оранжевой колонии (Frei-Stat), и в Транс-

ваале, и в Натале. Но нередко буры, положившие и сдавшие англичанам оружие и отпущеные ими на фермы, снова брались за зарытое скрытно оружие и снова появлялись в рядах действующих бурских отрядов.

Это обстоятельство в связи с бывшим в Претории заговором (поручика **Кордуа**) привело к тому, что в настоящее время англичане начали классифицировать пленных: 1) Prisoners of War, то есть военнопленных и 2) Prisoners of Rebels, то есть повстанцев-пленных.

Участь последних будет очень тяжка. Их ожидают суд и продолжительное тюремное заключение.

Я пробовал раза два в Ледисмите и в Дунди провести мысль о смягчении участи пленных 2-го разряда, которых при I-м пленении не следовало отпускать до окончания войны, чтобы таким путём наталкивать их на нарушение данного ими слова. Но такая мысль встретила видимое неудовольствие в английской среде и мне пришлось к этому вопросу больше уже не возвращаться.

Одним из наиболее гуманных генералов в английской армии был генерал **Уоррен**, хотя чисто в военном отношении его действия в Западном Грикуаленде носили весьма нерешительный характер.

В настоящее время, вследствие возникших неудовольствий между лордом **Робертсом** и генералом **Уорреном** по делам ещё в натальских боях, последний отзван в Англию.

Я лично видел размещение пленных буров в городе Кейптауне, а в Ледисмите я видел воинский поезд с пленными бурами; буры были размещены в вагонах III класса и довольно свободно. В тот же день я видел воинский поезд (это было 8 августа) с полком пехоты, отправлявшимся на о. Цейлон – нести конвойную службу при пленных бурах – причём поезд состоял из платформ, закрытых с боков, в коих солдаты были так набиты, что могли только стоять и не имели возможности даже сесть.

В тот же день из числа пленных буров, направлявшихся на остров Цейлон, было отделено 40 человек в Ледисмит, для предания их суду как повстанцев.

32. К составу Главной квартиры..

Главная квартира фельдмаршала (**Робертса**) бьёт в глаза своим обильным составом и это обилие состава Главной квартиры является также одной из основных причин затяжки кампании.

И каких только чинов там не встречается: assistant-ы и Extra, и Military Secretary, и Aides-de-Camps и Natal Aider de Camps, и Private Secretary, и Director of Telegraphs и of Transport, и Dir of Supp.(ly), и Dir. of Railways, и Signalling Oficer, и Press Center, и Deputy Gudge Advocate (ассистенты и экстраординарные и военные секретари, и адъютанты, и натальские адъютанты, и линейный секретарь и директора, и по телеграфу, и по транспорту, и по снабжению, и по железным дорогам, и офицер связи и по прессе, и заместитель по военно-юридическим вопросам) (генеральского ранга) и Deputy Gudge Advocate (заместитель по военно-юридическим вопросам) – негенеральского ранга, и Chaplain of Headquarters (штаб-капеллан), а затем Staff Officer-ы (штаб-офицеры), и Provost Marchal (начальник военной полиции), и целый ряд, Principal Medical Officer of (главных военных медиков) с их секретарями, но лист слишком мал, чтобы не только перечислить все чины Headquarters, но даже и чтобы только перечислить все категории должностей, под которыми устроилось до девяти десятков чинов – генеральского, офицерского и чиновного рангов. И всё-таки от этого повозка не катится быстрее, а по целым неделям стоит на месте.

В итоге мы полагали бы, что неудачная организация верха армии – слишком большой его состав – это главная причина затяжки кампании, и поэтому англо-трансваальская война не является точным мерилом достоинств и степени боевой пригодности английской армии, так как наиболее энергичные стремления лучших гвардейских генералов и офицеров были парализованы малою способностью её полководца (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) и Главной квартиры.

33. Производство занятий в Кейптаунском лагере – с людьми, прибывающими на укомплектование частей действующей

армии: увлечение маршировкой и ружейными приёмами, и весьма слабая постановка стрелкового дела.

34. Металлические наплечники и к вооружению кавалерии

Металлические чешуйчатые наплечники английской кавалерии я нахожу весьма практичными для всякой войны, кроме бурской, так как буры не признавали рукопашного боя и оружия для такого боя не имели.

В сражении под Маходом (?) в (18)66 г. на Венцельбергском плато в кавалерийском бою кованые эполеты¹⁰³ прусских улан прекрасно предохранили плечи улан прусского полка от ударов тяжёлых палашей австрийских кирасир.

Весьма желательно было бы принятие в нашей кавалерии кованых эполет уланского типа и лёгких киверов¹⁰⁴, в видах предохранения головы и плеч в рукопашном кавалерийском бою.

Сабля прикреплена в английской кавалерии с левой стороны седла у задней луки, а карабин в футляре – с правой. Мы полагали бы способ нашей пригонки шашки и винтовки более удобным и вполне практичным.

Все рядовые и капралы в английской кавалерии вооружены саблями и карабинами **Ли-Метфорда** с магазином на 6 патронов. Уланские полки и первые шеренги драгунских имеют, кроме того, пики с красно-белыми флагшками. Пики бамбуковые или ясеневого дерева, длина - 9 футов и вес - 4.1 / фунта.

К каждой кавалерийской бригаде придается взвод скорострельных орудий **Максима-Норденфельта**, с 34 тысячами патронов.

Эти орудия во многих случаях могут избавить кавалерию от необходимости спешиваться и придать ей таким образом ещё больше наступательного пыла, а в случае отступления кавалерии, эти скорострельные орудия могут занятием и обстреливанием дефила содействовать ей выйти из-под ударов неприятеля.

35. Манёвр крейсера «Гельдерланд»

По прибытии моём в Дурбан в середине июля, я на внутреннем рейде Дурбанского залива обратил внимание на голландский крейсер – это был «**Гельдерланд**». Команда этого

судна держала себя очень строго и начеку. Город матросы-голландцы посещали не иначе как командами и по улицам проходили не иначе как строем. С англичанами знакомства не вели.

Меня заинтересовала, что за цель этого голландского военного судна, стоять в Дурбане целый месяц. Мне англичане объяснили, что они сами хорошо не понимают, что надо этому судну в Дурбане, так как голландскому населению притеснений не делалось и так как голландских подданных там очень мало, а в бурские дела Голландия официально не вмешивается, в военном же отношении положение этого судна во внутреннем дурбанском рейде было под дулами сильных батарей английской береговой артиллерии и нескольких судов английского флота. Другие строили гипотезу, что голландец пришёл в Дурбан, чтобы взять голландского консула на случай разрыва.

Когда я вернулся в Дурбан из Дундийского отряда – 21 августа, то «Гельдерланда» там уже не было, и англичане говорили, что «Гельдерланд» ушёл в открытый океан на несколько дней – производить манёвры и занятия.

Он действительно ушёл в океан, а затем внезапно появился в Делагоа-Бай и принял там экс-президента **Крюгера**.

Весь этот манёвр «Гельдерланда» был произведён весьма искусно и подтверждает, что отъезд президента **Крюгера** был намечен уже в июле, когда **Бота** ещё твёрдо держался на линии Бербертон–Лейденбург, занимая передовыми частями мелкого Махадодорп.

36. О резерве английского флота

Своё внимание обратил на то, что на всех английских почтовых пароходах введён совершенно флотский порядок: тревоги – водяная и пожарная, сигналы трубой и свистком, военная дисциплина, морская форма, парады, и все матросы прошли не менее как одногодичный курс матросских школ.

Штурманское дело стоит в английском коммерческом флоте так же прекрасно: на 10-й день плавания без берегов, имея курс NW или NNW от самого Кейптауна – открытым океаном, утром штурманский офицер объявил, что в 9 часов вечера мы увидим маяк Cape Verde и действительно, с точностью до одно-

го часа, математический расчёт оказался верным, и мы прошли на Briton в 10 часов вечера, под $17^{\circ}30'$ западной долготы и 14° северной широты, весьма опасное для ночного плавания место в Атлантическом океане Verde-Bank, и увидели огонь Кейп-Вердского маяка, а Канарские острова (* сноска – между Tenerif и о. Комера, имея курс на N к острову Мадере) проходили ночью, несмотря на недостаточное там количество маяков.

И я полагал бы, что можно считать весь личный состав службы нескольких компаний английского коммерческого флота вполне подготовленными к службе на флоте, в случае войны.

Служащие на коммерческих судах и заявившие желание состоять в королевском морском резерве (Royal Natal Reserve), образуют 2-й класс королевского морского резерва.

Общая численность этого 2-го класса резерва следующая:

- 1) офицеры – около 1 тысячи
- и 2) матросов и кочегаров – 22 тысячи.

37. К опасениям Англии о возможности войны с Россией.

Англия, сознавая великую мощь России и могущественность (оба слова подчеркнуты карандашом **Куропаткиным**) франко-русского союза, опасается возможности войны с Россией, сознавая всё превосходство в силах России и Франции вместе взятых. И англичане громко высказывают, что они никогда не рискнут на единоборство ни с Россией, ни с Францией, но что в союзе с Японией они могут вести войну с франко-российским союзом, так как и Россия и Франция должны будут оставить много войск против Германии, Австрии, Турции, Италии и Швеции.

Кроме того, англичане в случае войны с Россией совершенно уверены в том, что и голодный Китай в конце концов примкнёт, чисто по денежному расчёту, к их союзу с Японией.

И англичане даже больше уверены в своём будущем союзе с Китаем, чем с Японией.

Вместе с тем, признавая всю проблематичность результатов исхода такой войны и тяжкие потери людьми, с которыми

была бы сопряжена такая война, Англия войны с Россией не желает и скорее готова на уступки, если таковые от неё настойчиво потребовали бы, в случае осложнений, например, в Афганистане, возможных со смертью эмира, который последнее время постоянно и серьёзно болен (* сноска: «Мы полагали бы, что то, что сегодня, пока Англия занята в Южной Африке, могло бы быть достигнуто в Афгане (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) путём военной оккупации, в будущем может вызвать европейские осложнения»).

Войны англо-русской больше всего желают те, кто при такой стороне (войне?) остался бы в стороне, а именно немцы и африканеры голландского и прочего происхождения, которые надеются на лёгкую наживу и устройство своих колониальных дел под шум англо-русской канонады.

В Западном Крае (в Польше) весной этого года ходили по ресторанам телеграммы, как бы полученные из Германии и из Франции, что Англия-де уже объявила войну России!!

Весьма резко африканеры, поляки и венгерцы, а также итальянцы заявляют, что Россия должна объявить войну Англии. Объяснение причины «почему?» и претекса (предлога) (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) для такой войны, как я ни добивался, не мог от них получить. Но по всему видно, что мысль этих наших друзей: «Россия должна, по их мнению, вытаскивать для них каштаны из огня...»

38. Характер возможного восстания в Южной Африке в случае европейской войны с Англией

В случае если Англия была бы в войне с Францией через один год, то я полагал бы, что восстания в Трансваале и в Оранжевой области вспыхнут не крупнее, чем сегодня в Западном Грикуаленде.

Буры – купцы и золотопромышленники¹⁰⁵, заинтересованные в сохранении старого режима, являются совершенно негодным боевым элементом, а бурам-фермерам (лучший боевой элемент, раз война кончится) будет совершенно безразлично, иметь ли над собой республиканское правительство или Англию (вторая половина абзаца подчеркнута на полях каранда-

шом **Куропаткиным** и приписка: «Если так, то является вопрос, почему же буры так упорно ведут войну?»).

Англичане успели напасть на Южно-Африканские Республики в момент, когда они ещё не доросли до государственного самосознания (подчёркнуто карандашом на полях и поставлен знак вопроса).

Кроме того, следует иметь в виду, что бурам Трансвааля и Оранжевого и всем **кафрам**, находящимся по соседству с Мадагаскаром, очень хорошо известно, как жестоко обращаются французы в своих колониях с туземцами.

И потому я полагаю, что буры в случае англо-французской войны, которая произошла бы через год, разделились бы на три части: 1) одна нейтральная и безучастная к войне; 2) около десяти-пятнадцати тысяч присоединилось бы к французам и взялось бы за оружие против англичан и 3) часть буров поступила бы в английские ряды – волонтёрами (третий пункт подчеркнут карандашом **Куропаткиным** на полях и пометка: «вряд ли!»), имея в виду, что англичане платят в колониях около 80 рублей в месяц рядовому.

Волонтёры бурской армии – поручик **Августус**, поручик **Дрейер** и прапорщик **Диатроптов** – рассказали мне в Кейптауне, на обратном пути в Россию, эпизод, бывший в Претории. Военнопленным бурам, в числе около 200 человек, было объявлено, что лорд **Робертс** ознаменовывает взятие Претории освобождением их из плена и роспуском по фермам, то они прокричали «Виват!» в честь королевы, и многие из них объявили, что поступают волонтёрами в английскую армию¹⁰⁶! (см. добавление №2, стр. 179).

Следует иметь в виду, что в случае англо-французской войны через год восставшим бурам придётся иметь дело с войсками из **кафров**, во главе которых станут английские офицеры, и это формирование войск из **кафров** уже проектируется в Англии, на случай европейской войны.

При этом англичанам не придётся **кафров** в таком случае насилиственно брать в ряды, а только разрешить им поступление в войска, и они массой нахлынут в английские ряды, так

как они буров очень не любят за их бывшее жестокое к ним обращение и очень любят солдатскую службу и гордятся ею, как это видно по тем **кафрам**, которые занимают нестроевые должности в английской армии (см. Добавление № 3, стр. 181).

Несколько иная картина получилась бы, если бы французы появились бы в Южной Африке с десантными войсками этой зимой, то есть в период, когда у буров ещё не зажили раны, а у англичан не установлен прочно административный порядок во вновь занятом районе. В этом последнем случае французы могли бы рассчитывать в Трансваале и Оранжевой на массу буров в 20-30 тысяч, которые подняли бы оружие против англичан.

Что же касается до вопроса о восстании в Капской колонии, то мы полагаем там почву совершенно не благоприятную для восстания, так как африканеры состоят из разных национальностей. И постольку же поскольку они не терпят англичан, не терпят и друг друга, а города Кейптаун, Порт-Элизабет и Ист-Лондон являются в полном смысле слова еврейскими столицами и 2-й Аргентиной¹⁰⁷.

39. Общее заключение об английской армии мы сводим к тому, что Англия располагает $\frac{1}{2}$ -миллионной армией весьма хороших боевых качеств, прошедшей в Африке и в Индии школу войны, которая явится на пополнение пробелов в обучении мирного времени, вытекающих из характера вербовочной системы.

Но если бы Англия вздумала выставить миллионную армию, что она может сделать, то такая армия получилась бы низкого качества, так как в таком случае $\frac{1}{2}$ миллиона боевых и обученных солдат были бы разбавлены $\frac{1}{2}$ миллионом необученного и неподготовленного к войне элемента, но и в таком случае приходилось бы сводить счёт с миллионной, отлично снаряжённой, обмундированной, вооружённой и снабжённой всем необходимым массой.

С другой стороны, следует отметить, что, например, факт существования в наличии в английской армии археологических редкостей вроде орудий, заряжаемых с дула, наряду с орудиями **Максима-Норденфельта** – шедевром последнего

слова военной науки – не является в строю (?) английской жизни явлением исключительным, так как она полна наличностью всевозможных крайностей и противоположностей, которые прямо бьют в глаза.

Так, на одном и том же поле битвы работают эти пушки-скорострелки и пушки **зулусских** походов. На одном и том же театре войны мы видим железные дороги и рядом – полное бездорожье (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и поставлен знак вопроса на полях), солдаты питаются на скалистых высинах Талан-Берга, Маджубы и Импатко одними галетами и штабы начальника коммуникационной сети – генерала **Walker-а**, посвящающих время 6 раз в день разным брекфастам, ланчам¹⁰⁸ и тому подобному – мы видим генералов **Саймонса** и **Юля (Юла)**, офицеров и солдат героически идущих в атаку на Талана-Берг, и интендантство, сдающее по 2 раза один и тот же продовольственный груз (подчёркнуто на полях **Куропаткиным** и приписка: «Какие странные сопоставления!»); на том же театре войны мы видим в городах электрические трамваи и голых чёрных **кафров**, в поте лица везущих двухколёсные кабриолеты¹⁰⁹, с гордо раскинувшимися на спинку белыми европейцами, богатство южноафриканского банка (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях поставлен знак вопроса) и голод в **кафрских** краялях, мы видим героические контратаки ирландских стрелковых батальонов и шотландцев с окровавленными голыми ногами, карабкающихся на скалистые высы Цезарь-Кэмпа под Ледисмитом, и гуртовые сдачи в плен при первом же появлении буров на том же театре войны; мы видим последователей **Гладстона**, мечтающих об эксплуатации результатов войны и победы и внесению христианства и света цивилизации в дебри дикого Конго, в коем XX-й век по Рождеством Христовым – встречает ещё (приписка на полях карандашом **Куропаткиным**: «Какой (?) набор (?) слов (?) окровавленный нож людоеда и человеческие жертвоприношения, и рядом с этими идеями мы видим **Сесиль Родсов** и компанию золотопромышленников, мечтающих эгоистически об эксплуатации результатов войны и той

152.

Записка

по

Основные осязания Янга
и Дубра.

(42.)

6 октября 1900.

2. Саундепинтонъ.

1^о Октябрь я спустился из
2. Помбома во 2. Саундепинтонъ,
специально что-бы ознакомиться
съ характеромъ оброзовъ о. Янга.
На зарусиной части я виделъ
многіе о. Янга съ его Северной
и Западной стороны.
Всю о. Янга окантовали

же победы, – лишь к собственному обогащению на захваченных трансваальских рудниках.

Такова логика жизни Великобритании и нигде быть может *les extremes ne touchent plus, q'a l'Afrique* (крайности настолько близко не соседствуют, как в Африке).

40. Цель моей поездки заключалась в пополнении практическим путём, на театре современной войны, знаний по состоянию военного искусства в английской армии, с которой в будущем может представлять нам встречи на поле брани.

Попутно в путешествии я занимался изучением английского языка, который полагал бы весьма важным в военном отношении.

Было бы очень полезно издание Военно-учёным комитетом Главного штаба практического руководства для изучения английского языка, приоровленного специально для разговоров в военное время на театре войны, по образцу, по шаблону германских руководств по изучению русского языка для военных целей. До сих пор у нас нет таких руководств ни для немецкого, ни для английского языков.

В расположении английской армии я держал себя как 2-й военный агент (подчёркнуто карандашом на полях **Куропаткиным** и приписка карандашом: «По какому праву?»), но не аккредитованный министерством иностранных дел: в такой же роли были при английской армии 1 германский принц¹¹⁰, 2 японских офицера и 1 шведский.

При представлениях английскому военному начальству и на биваках я был в русской военной форме (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и на полях приписка: «Почему?»). На передовых же постах, передовых позициях, рекогносцировках и диверсиях был в английском «хаки», в английской кавалерийской шляпе, с русскими погонами (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным**) и при русской шашке – так были одеты все военные агенты¹¹¹ при английской армии. В тыловых городах, на пароходах и в Лондоне я был всегда в штатском платье.

В штабе, под местечком Ньюкастлом, генерал **Вольф Мари**, провозгласил за обедом тост в честь и в здравицу Государя Им-

ператора, на который я ответил тостом в честь и в здравицу королевы.

Начальник штаба Ньюкастлского отряда полковник **Heath** выразил мне, что ко мне их отряд относится с полным доверием, с таким же, с каким относятся в их армии к каждому английскому офицеру. При отъезде из расположения английской действующей армии – из Дундийского отряда – генерал **Дартнель** выразил мне официально при прощальной аудиенции: «...Вы хороший солдат» – и затем он прислал мне письмо, в котором выразил желание продолжить со мною хорошо начатое знакомство.

По железным дорогам я проезжал в Южной Африке всегда в 1-м классе, большею частью за английский казённый счёт (слова подчеркнуты **Куропаткиным** карандашом, а на полях поставлен знак вопроса), а если иногда было и за свой счёт, то по казённому тарифу, за $\frac{1}{2}$ цены.

В отрядах Ньюкастлском, Дундийском и Ледисмитском ко мне назначались ординарцы офицерского и нижнего звания, давались палатки и верховые лошади и продовольствие при штабах.

По обратном моём прибытии в Кейптаун мне предложено было комендантом Кейптауна – полковником **Купером** – воспользоваться военным кораблём для перехода по Атлантическому океану, но так как английский военный корабль, имея отойти только ещё через две недели, то я, спеша возвращением в Россию, отбыл за свой счёт на почтовом пароходе, во 2-м классе.

В городе Кейптауне я имел аудиенцию у генерал-губернатора **Альфреда Мильнера**.

В Дурбане мне оказал большое содействие к разрешению проехать в Ньюкастлский отряд германский консул **фон-Вилькен**.

Полковник Иолшин.

Отчёт по осмотру артиллерийского завода **Erith**, под городом Лондоном.

4 октября 1900 г.

Завод **Erith** подле Лондона

(41) На заводе **Erith-Wirks – Vickers sons and Maxim** – изготавляются:

1) Пулемёты **Максима**

200 пулемётов могут быть сделаны для русской армии в 1 год.

2) Скорострельные орудия **Максима-Норденфельта – Пам-Пам**.

200 таких орудий могут быть сделаны для русской армии в 1 год.

3) Горные орудия **Максима-Норденфельта** – 75 мм.

100 таких орудий могут быть сделаны для русской армии в 1 год.

4) В настоящее время, в силу чисто торговых конверсаций, вышеозначенные два типа орудий **Максима-Норденфельта** уже не называются **Максимом-Норденфельтом**, а называются:

1) **Vickers-Maxim**, 37 мм – **Пам-Пам Automatic Gun** и

2) **Vickers-Maxim**, 75 мм – **Quick Firing Mountain Gun**.

Усовершенствование системы орудия **Максима-Норденфельта – Пам-Пам** на заводе в **Erith** заключается лишь в том, что орудие может действовать по желанию стреляющего как скорострельное и как однозарядное. Для этой цели сделано небольшое изменение – добавление в механизм.

На заводе в **Erith** я осмотрел детально один из экземпляров усовершенствованного скорострельного орудия **Максима-Норденфельта**, именуемого теперь **Vickers sons and Maxim**.

Орудия этого типа – то есть усовершенствованного, также имеются в небольшом числе в английской южноафриканской армии.

На заводе в **Erith** я получил одну гранату с ударной трубкой к орудию **Пам-Пам** и две брошюры с чертежами:

а) **Vickers-Maxim**, 75 mm. **Quick Firing Mountain Gun** и

б) **Handbook of the Maxim and Vickers**, 37 mm. **Automatic Gun**.

На заводе в **Erith** для меня производили показную стрельбу из пулемёта **Максима**.

На заводе в **Erith** я видел также весьма обстоятельную и интересную в артиллерийском отношении брошюру с чертежами: The Nordenfelt Machine Guns described in detail and compared with other systems, also their equipment for Naval and military purposes (Illustrated with 57 full page Illustrations and diagrams). Издание (18)84 г.). (Карточки **Норденфельда** расписаны в деталях и в сравнении с другими системами, а также применительно к использованию на море в военных целях (набраны 57 иллюстрациями во всю страницу и диаграммами)).

Но эту брошюру неохотно показывают на Иртской фабрике, так как **Норденфельт** в настоящее время не является уже компаньоном этой фабрики.

5) Иртский завод имеет своего агента в г. Петербурге.

Подполковник **Иолшин**.

(42) Заметка по осмотру острова Уайта и Дувра

6 октября 1900 г.

г. Саутгемптон

6 октября я съездил из города Лондона в город Саутгемптон специально, чтобы ознакомиться с характером обороны острова Уайта. На парусной шлюпке я обогнул остров Уайт с его северной и западной сторон.

Весь остров Уайт окаймлен укреплениями. Юго-западный и юго-восточный участки береговой линии острова Уайт имеют сильную – современный профиль, а северо-западный и северо-восточный участки его окаймлены укреплениями и оборонительными казармами старого типа и большей частью из камня – из гранита. Укрепления, прилежащие к проливу Соленту, по северному его, низменному берегу, то есть визави острова Уайта – тоже все очень слабы, и старой конструкции и профиля. Видимо, что оборона пролива Солента будет основана главным

образом на минных заграждениях, тогда как Спитгетский защищается сильной артиллерией в укреплениях современного типа.

Остров Уайт прикрывает собой залив Саутгемптона и крепость Портсмут – последняя является главным центром морской обороны Великобританского острова.

Существование двух выходов из Портсмута в Ла-Манш, через Спитгет и через Солент, требует для блокады двойных морских сил, противу тех, которые укроются за укреплениями.

Укрепления, прилежащие к проливу Соленту, весьма слабо защищены с суши и только некоторые из них обеспечены тонкими каменными гранитными и броневыми стенками от захвата неприятелем открытой силой, а некоторые из них даже и совершенно не защищены.

Конечно, Франция и наш военный агент в Лондоне имеют все детали, относящиеся к расположению и силе укреплений Портсмута, я же со своей стороны лишь слегка осмотрел правый фланг системы Портсмутских укреплений, исключительно в видах только учебной цели, так как Портсмут – 1-я по величине и значению морская крепость на всём земном шаре.

С той же целью я, будучи проездом в Дувре, совершил прогулку по берегу в окрестностях этого пункта, который в настоящее время обороняется сильными батареями, расположеными на молах и на гребнях гористого берега, что не допустит атакующему воспользоваться этим пунктом для производства десанта.

При этом докладываю, что мои военные прогулки по Солентскому проливу и по гребню Дувра – не выходили за рамки законного и разрешаемого английскими военными властями.

Подполковник **Иолшин**.

(43) Заметки к осмотру королевского I-го Баварского императора **Вильгельма** полка: 12 и 14 октября 1900 г.

14 октября 1900 г.

г. Бамберг.

13 октября сего года я явился к начальнику гарнизона в г. Бамберг Его королевскому высочеству принцу **Рупрехту**¹¹², и был им принят в весьма любезной аудиенции.

Принц меня расспрашивал о ходе войны в Южной Африке и очень интересовался английской армией, с которой он знаком по одному из индийских походов, в котором молодой принц принимал участие.

Мнение принца об английской армии сводится к тому, что вообще английская армия производит все движения весьма медленно: «Alle Bewegungen der Englisches Heer sind immer sehr langsame – very slowly» (Все перемещения английских сухопутных сил всегда очень медленны) хотя, в частности, аллюры в кавалерии очень свежи.

Я испросил разрешения явиться к принцу при посредстве бургомейстера¹¹³ города Бамберга господина **Брандта**, жена-того на родной сестре моего покойного отца.

С разрешения принца я провёл 2 дня в расположении королевского I-го Баварского Уланского императора **Вильгельма** полка.

13 октября – учения новобранцев, езда молодых лошадей и обед в казино.

За обедом командир полка подполковник **Булер** произнёс тост в мою честь, на что я ответил соединённым тостом в его честь и полка, которым он команďует, и в честь германской армии.

14 октября: осмотр казарм, езда в манеже, пеший строй и парфорсная охота¹¹⁴ с большим числом препятствий, по лесу, оврагам и полям, – 15 вёрст полевого галопа.

В этой парфорсной охоте, по следу лисы, приняли участие: командир полка, 8 офицеров, я и 40 улан из нижних чинов.

После парфорсной охоты, расставаясь со мной, командир полка подполковник **Булер** сердечно выразил мне пожелание

скорейшего получения кавалерийского полка в хорошем гарнизоне.

Я нахожу, что постановка зимнего хода занятий и вообще кавалерийского дела в означенном полку – идеальны (подчёркнуто карандашом **Куропаткиным** и приписка на полях: «Немного скорый (?) приговор(?)» и очень и очень многое в этом полку заслуживает обратить на себя самое серьёзное внимание как по вопросам строевым, так и по вопросам хозяйства и внутреннего порядка.

По этому поводу я представлю особую статью в январе наступающего (1901 г.) в «Русском инвалиде».

Подполковник **Иолшин**.

(44) Заметки к осмотру частей греческой армии – 30 октября и 1 ноября 1900 г.

4 ноября 1900 г.,
Мраморное море.
Пароход **«Сербія»**

30 октября и 1 ноября я с разрешения греческого военного министра генерала **Цамадоса**, с которым знаком ещё по греческой 1897 г. войне, осмотрел в Афинском гарнизоне Военную школу, 1-й артиллерийский полк, 2-й батальон Эвзонов и 7-й пехотный полк.

В настоящее время греческая армия в периоде реформы и сделала за время после войны большой шаг вперёд в отношении регулярности.

По этому поводу и о виденном в греческой армии я представлю особую статью в январе наступающего года в «Русский инвалид»¹¹⁵.

Греческий военный министр командировал в моё полное распоряжение на время осмотра частей Афинского гарнизона и перед отъездом моим вернул мне визит.

В Афинах Его Императорское Высочество **Георгий Мি-**

хайлович осчастливили меня двукратной аудиенцией, требовав меня к себе в королевский дворец.

31 октября я имел счастье быть представленным её королевскому Величеству королеве Эллинов и 3 ноября – Его королевскому Величеству королю Эллинов. Их королевские Величества осчастливили меня весьма милостивыми аудиенциями.

Вся работа моя в вышеизложенной заграничной поездке была мною направлена в чувствах беспредельной преданности царской армии (подчёркнуто на полях карандашом **Куропаткиным** и поставлено два восклицательных знака), долга изложить Военному министру только одну правду и в стремлении внести труд к совершенствованию боевой подготовки царской армии и к её победе.

Подполковник
Иолшин.

(45)

Указатель.

	стр.
Английская форма «Хаки»	1-я (ф. 225, д. 7, л. 4)
Об отправных точках зрения на английскую армию}	4-я (л.5)
Затяжка кампании	4-я (л5-5 об)
Генерал Китченер	6-я (л.6 об)
Генеральный штаб	7-я (л.7)

О главной квартире	9-я (л.7)
Фельдмаршал Робертс и Интендантство}	9-я (л.7)
Конное снаряжение	10-я (8 об)
Офицерские пояса	12-я (9 об)
К расположению кавалерии на современном театре войны}	12-я (9 об)
Ординарческая служба	15-я (л.11)
О передовых постах	15-я (л.11)
К артиллерии	16-я (л.11 об)
К вооружению пехоты	44-я (л.27 об)
Конная пехота	49-я (л.30)
Центральные ветеринарные депо	49-я (л. 30)
Депо конных ремонтёров	51-я (л. 31)
Падёж лошадей	51-я (л. 31)
Сторожевая служба	52-я (л. 31 об.)
Биваки	63-я (л. 37)
Рекогносцировки	68-я (л. 39 об)
Сорт лошадей	79-я (л.44)

Обозы	83-я (ф. 225, д. 8, л. 1)
Охранение коммуникационных линий}	85-я (л.2)
К характеру действий английской армии в июне, июле и августе 1900	93-я (л.6)
Картографический отдел	100-я (л.9 об)
О боевых порядках	102-я (л.10 об)
К укреплению позиций	107-я (л.13)
К дисциплине, к внутреннему порядку и офицерскому вопросу	108-я (л.13 об)
К бивакам и походным движениям	116-я (л.17 об)
О военнопленных	117-я (л.17)
К составу Главной Квартиры	121-я (л.20)
Лагерные занятия	123-я (л.21)
К вооружению кавалерии	123-я (л.21)
Манёвр крейсера «Гельдерланд»	125-я (л.22)
О резерве английского флота	128-я (л.23 об)
К опасениям Англии о возможности войны с Россией	130-я (л.24 об)
К вопросу о восстании в Южной Африке	133-я (л.26)

Общее заключение об английской армии	138-я (л.28 об)
Цель моей поездки и роль на театре Южно-Африканской войны	143-я (л.31)
К осмотру артиллерийского завода под Лондоном	148-я (л.34)
К осмотру укреплённых позиций под крепостью Портсмутом и Дувром	152-я (л.36)
К осмотру Баварской кавалерии	156-я (л.38)
К осмотру Греческой армии	160-я (л.40)

подполковник **Иолшин**¹¹⁶.

Добавления к отчёту №№1, 2 и 3

Подполковник **Иолшин**

1 декабря 1900 г.

Город Ялта

Добавление № I к п. 25-му

Мы полагаем также большой ошибкой со стороны лорда **Робертса**, что он, заняв Преторию, и располагая массой в 20 тысяч кавалерии и конной пехоты:

1) не сделал рейда в тыл **Бота**, (для) отрезания его сообщений с португальской территорией и 2) не сделал диверсии в начале июня в направлении Штандертона и Ваккерстрома для ускорения и облегчения деплойды¹¹⁷ корпуса **Буллера** из Драконовых гор. Это была бы вполне посильная задача для той массы кавалерии, которой располагал лорд **Робертс**. И с выходом **Буллера** из Драконовых гор – вопросы из задачи о перемене коммуникационной линии на Дурбан уже сами собою напрашивались и становились лёгкими к выполнению.

2) Но лорд **Робертс** предоставляет **Буллеру** самому пробиваться себе путь через Драконовы горы: генерал как бы забывает о нём в июне и особенно занимается поддержанием сношений и сообщений с Кейптауном, где у него было учреждено особое отделение Главной квартиры, под начальством его адъютанта полковника **Херберта**, прямо сносящегося с начальником коммуникационной линии **Walkerom**.

Видимо, что во всём этом штабным интригам противу **Буллера** принадлежал большой коэффициент.

И самостоятельный, чрезвычайно искусно выполненный выход **Буллера** через проход **Бота** (Bota pass) и дальнейшее его движение к Штандертону, Эрмело и Каролине – подымают **Буллера** в глазах всей английской армии.

Подполковник

Иолшин.

Добавление № 2 к п. 38

«Новое Время» рисует неверно положение дел в Капской колонии. И если храбрый **Девет** направил сегодня свою операцию к Капской колонии, то это может быть объяснено 2-мя обстоятельствами.

1) Трансваальский и Оранжевый районы разорены после целого года войны, и потому там нет возможности продолжить партизанские действия, тогда как в ещё не разорённом районе Капской колонии является некоторая возможность протянуть их ещё на непродолжительное время;

2) направление Аливалль-норт–Стромберг–E-London в течение всех последних 10 месяцев кампании было весьма слабо занято английскими войсками и 3) утопающий хватается за соломинку, но я полагал бы, что внутренне **Девет** сознаёт, что в Капской колонии не найдёт пополнения от убыли в боях.

Подполковник **Иолшин.**

1 декабря 1900 г.

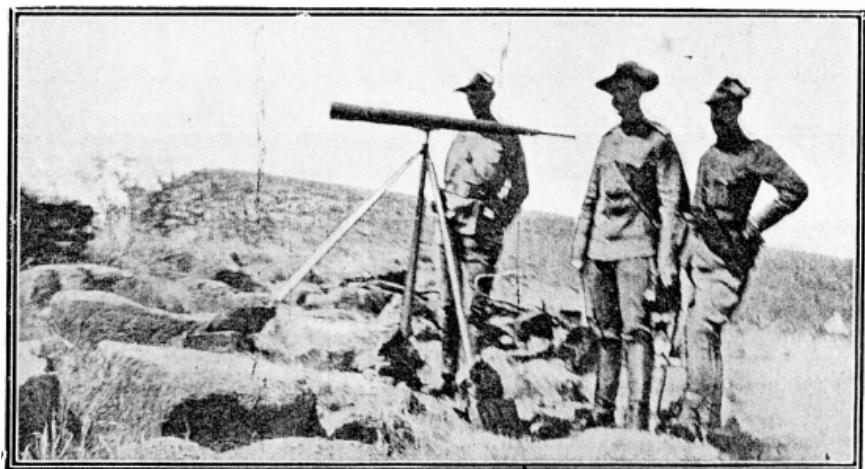
Город Ялта.

Colonel Heath Chief of General Wolfe-Murray's Staff (Полковник **Хис**, начальник штаба (134-го гусарского полка) генерала **Вольф-Мюррея**)

General Dartnell and Lt.-Colonel Jolschin
(Генерал **Дартнелл** и подполковник **Иолшин**)

Lt.-Colonel Nicholas Jolschin and Lt. J.B.O. Moe ... Mounted Rifles and Lt. P.A. Sileder at the camp at Dundee. (Подполковник **Николай Иолшин** и лейтенант **Мое** полка ездащих стрелков и лейтенант **Сайледер** в лагере в городе Дунди)

Добавления № 3 к п. 38.

При рассмотрении вопроса о проекте привлечения **кафров** к военной службе следует иметь в виду, что решение этого вопроса будет тормозиться до некоторой степени евреями, так как они ненавидят **кафров**, видя в них опасных для себя в будущем конкурентов в работе.

Кафры представляют из себя массу ещё не испорченную, не избалованную и трудолюбивую, а потому сильную, но пока бездействующую за неполучением прав и привилегий наравне с другими нациями.

А потому евреи, сознавая, что массовое привлечение **кафров** в состав английских южноафриканских армий даст им права в Южной Африке – всегда будут против такой реформы. Но южноафриканские евреи не будут против и даже помогут привлечению **кафров** в составы экспедиционных корпусов, которые были бы направлены в другие части света, видя в этом избавление хотя бы от некоторого числа своих будущих конкурентов.

Некоторое влияние евреи могут иметь в Южной Африке, благодаря своему высокому покровителю из евреев же в лице **Альфреда Мильнера**.

Но я полагаю, что несмотря на соображения и желания южноафриканского еврейства, военная реформа о **кафрах** пройдёт в смысле формирования из них войск, специально для Южной Африки, и евреи в этом отношении потерпят фиаско.

Альфред Мильнер это лето больше занимался вопросами о евреях, выгнанных с театра войны **Китченером** и бурами, чем африканерским делом. И горячо поддерживая интересы евреев, он сильно интриговал против генерала **Китченера**, подрывая его популярность.

По поводу евреев замечу, что евреи – русские эмигранты в Южной Африке – представляют из себя наиболее зловредный, социально-нигилистический элемент.

Подполковник **Иолшин**

2 декабря 1900 г.

город Ялта.

(Далее вырезка из английского журнала (газеты?) «Black&White», № 508, за 27 октября 1900 г. С. 615-616).

«Black&White». №508. Saturday. October 27. 1900 (pp. 615-616).

A Russian on the British Army

At the outbreak of hostilities in South Africa the Russian Army Headquarters deputed Lieut.-Colonel **Jolschin**, of the Imperial Army, to visit the arena of the war in order to learn such lessons as modern warfare might have to teach in organisation and tactics. His position was not that of a military attaché duly accredited by the Russian Foreign Office to the Headquarters staff of one of the belligerent's armies, but rather of a roving commissioner dispatched by the military authorities who trusted to the courtesy and hospitality of the various divisional commanders for his opportunities of judging of the effectiveness of an army constituted on modern lines in actual warfare. As a Russian his sympathies were all with the Boers, whilst his prejudices were all opposed to the British military system. I happened to meet him as he passed through this country on his way back to Russia, and his opinions are exceedingly interesting. He was accorded every facility for examining British methods and the working of our Army, by General **Wolfe-Murray**, so far as our Imperial Army is concerned and by General **Dartnell**¹¹⁸ so far as the Colonial section is concerned. In June Colonel was all through the rebellion in Griqualand West, and in July and August he visited the battlefields of Modder River, Graspan, and Dundee. He saw active hostilities in the neighbourhood of Newcastle on the occasion of the incursion by Commandant **Emete** with a force of Boers a thousand strong in an attempt to dynamite the coal mines. In this affair he was with General **Dartnell's** body of Natal Volunteers – comprising the natal Carbineers and the Border Mounted Infantry. Besides these, two batteries of Field Artillery and the 13 the Hussars, under General **Wolfe-Murray**, took part in the engagement, and Colonel **Jolschin** describes the behaviour of all the troops as simply

LIEUT.-COL. NICHOLAS JOLSCHEIN,
OF THE IMPERIAL RUSSIAN ARMY

A RUSSIAN ON THE
BRITISH ARMY

At the outbreak of hostilities in South Africa the Russian Army Headquarters deputed Lieut.-Colonel Jolschin, of the Imperial Army, to visit the arena of the war in order to learn such lessons as modern warfare might have to teach in organisation and tactics. His position was not that of a military attaché duly accredited by the Russian Foreign Office to the Headquarters Staff of one of the belligerent's armies, but rather of a roving commissioner dispatched by the military authorities, who trusted to the courtesy and hospitality of the various divisional commanders for his opportunities of judging of the effectiveness of an army constituted on modern lines in actual warfare. As a Russian his sympathies were all with the Boers, whilst his prejudices were all opposed to the British military system. I happened to meet him as he passed through this country on his way back to Russia, and his

opinions are exceedingly interesting. He was accorded every facility for examining British methods and the working of our army, by General Wolfe-Murray, so far as our Imperial army is concerned, and by General Dartnell so far as the Colonial section is concerned. In June the Colonel was all through the rebellion in Griqualand West, and in July and August he visited the battlefields of Modder River, Graspan, Kimberley, and the towns of Durban, Ladysmith, Newcastle, and Dundee. He saw active hostilities in the neighbourhood of Newcastle on the occasion of the incursion by Commandant Emete with a force of Boers a thousand strong in an attempt to dynamite the coal mines. In this affair he was with General Dartnell's body of Natal Volunteers—comprising the Natal Carbineers and the Border Mounted Infantry. Besides these, two batteries of Field Artillery and the 13th Hussars, under General Wolfe-Murray, took part in the engagements, and Colonel Jolschin describes the behaviour of all the troops as simply brilliant. The Colonials put Emete's commandos to flight, and they were promptly pressed by General Wolfe-Murray's cavalry. The action of the Artillery, the Russian expert declares to have been beyond all words magnificent. They wheeled into action whilst the Boers, concealed in cover, enfiladed them with shrapnel fire.

brilliant. The Colonial put **Emete's** commandos to flight and they were promptly pressed by General **Wolfe-Murray's** cavalry. The action of the Artillery, the Russian expert declared to have been beyond all words magnificent. They wheeled into action whilst the Boers, concealed in cover, enfiladed them with shrapnel fire.

Most of the time Colonel **Jolschin** was with the advance posts, and took part in several reconnaissances with cavalry patrols of the British. He had thus an almost unique opportunity of judging of our tactics, for which he was nothing but the very highest praise, and, at a time when everyone is only too ready to decry our military system as failing to produce officers capable of planning successful operations in real warfare, it is satisfactory to find the military export of one of the nations with whose Army in particular our own is unfavourably compared by these pessimistic critics, is returning home with glowing reports of the ability of our officers. Part of his opinions are set out in a report in French, which he has kindly given *«Black and White»* permission to make use of. Throughout the document the most glowing praise is showered; not only on the ability but on the devotion and tireless energy of our superior officers: Les généraux, according to his report, ont passé toutes les journées sur un cheval ou dans le staff office et je suis étonné, J'ai merveille de leur énergie et de leur infatigabilité infinie of our troops as a whole he says that: The type of British soldier produced the most favourable possible impression upon him. As a rule they must not be driven nor pressed when under fire, but they are inherently full of the offensive instinct, and when on their mettle cannot be stopped. This characteristic of the British troops goes very far to insure victory.

A class of officer which particularly attracted the attention of (Lt.) Colonel **Jolschin** were the chief of the staff of various commands. From Lord **Kitchener** downwards they are, he says, an ideal body of staff officers well versed in all military matters, linguists of no common order (this knowledge of foreign languages on the part of our officers appears particularly to have attached his attention), men who do not wallow in ink at the base, but who manage each day to see to every detail personally, and themselves

to direct and control and solidity the operations throughout the whole body of troops from the most advanced outpost to the hindermost rearguard of the command to which they are attached, slaving all day and night to give effect to the orders of their General Tels chefs d'état major sont surtout chers à la conduite de la petite guerre et dans la rébellion, when, as he points out, it is impossible for the General himself to direct personally the scattered units of his command.

Winding up, (Lt.) Colonel **Jolschin** says that the spirit of duty inculcated by the famous signal at Trafalgar has penetrated deep into the British Army as well as into the British Army as well as into our Navy, and results in a discipline which makes the Army in the field grandly dependable and powerful.

(Lt) Colonel **Jolschin's** opinions carry the more weight from the fact that, as Russian Military Commissioner, he has been an onlooker of every war of recent years, including the Greco-Turkish War, in which he saw almost every engagement of importance. So soon as he has made his report in St.Peterburg he will start for the seat of hostilities in China.

Перевод
Русский о Британской армии

С началом боевых действий в Южной Африке (Генеральный) штаб Русской армии направил подполковника императорской армии **Юлшина** посетить места ведения войны, чтобы набраться опыта, который может дать современная война в части организации и тактики. Его должность не соответствовала военному атташе, обычно аккредитуемому российским Министерством иностранных дел при штабе одной из воюющих армий, а скорее, походному комиссару, посылаемому военными властями, доверяющими любезности и гостеприимству ряда дивизионных командиров его возможности судить о боеспособности армии, построенной на современных началах, в настоящей войне. Как у русского, симпатии у него были всецело на стороне буров, тогда как предрассудки направле-

ны против британской военной системы. Мне удалось встретить его, когда он пересекал эту страну, возвращаясь в Россию, и он высказал чрезвычайно интересные суждения. Ему были предоставлены все возможности для изучения методов ведения войны и боевой работы Британской армии со стороны генерала **Вольф-Мюррея**, что касается колониальных войск, и генералом **Дартнелом**, в части колониальных войск. В июне подполковник прошёл через район восстания в Западном Грикуаланде, а в июле-августе он посетил поля сражений на Моддер-ривер, под Граспаном и Дунди. Он был свидетелем активных боевых действий под Ньюкаслом в связи с набегом команданта **Эмета** с отрядом буров в тысячу человек, чтобы попытаться взорвать динамитом угольные шахты. В том деле он был с войсками натальских волонтёров генерала **Дартнела**, включая натальских карабинеров и верховую пограничную стражу. Кроме них в бою участвовали две батареи полевой артиллерии и 134-й гусарский полк под командованием генерала **Вольф-Мюррея**, и подполковник **Йолшин** отзывается о поведении всех войск как о просто великолепном. Колониальные войска принудили **Эмета** к бою, и их быстро сковала кавалерия **Вольф-Мюррея**. Действия артиллерии русский эксперт провозгласил великолепными, выше всяких слов. Она выдвинулась на поле боя в тот момент, когда буры, спрятавшись в укрытиях, обстреливали их продольным шрапнельным огнём.

Большую часть времени полковник **Йолшин** находился на аванпостах и принял участие в разведывательных действиях британских кавалерийских разъездов. Благодаря этому ему представилась почти уникальная возможность оценить нашу тактику, о которой он был в совершенном восторге и в то время, когда каждый прямо-таки готов порицать нашу военную систему как неспособную готовить офицеров, годных для планирования успешных операций в настоящей войне, отрадно найти военного эксперта одной из стран, с чьей армией, в частности, нашу армию сравнивают, исходя из этих пессимистических критериев, он возвращается домой с ярким докладом о боеспособности наших офицеров. Часть его оценок

Генерал Дж. Дартнелл, командир бригады
натальских волонтёров.

В лагере под городом Дунди 16 августа 1900 г.
Полк натальских волонтёров и подполковник Иолшин (слева)

В лагере под городом Дунди 16-го августа 1900 г.

Подполковник **Йолшин** (слева) и поручик **Мое**

занесена в доклад, который он любезно предоставил изданию «Black&White» для использования по-французски.

Через весь документ проходит похвала не только способности, но и преданности делу, и неутомимой энергии наших высших офицеров: «Генералы, – согласно его докладу, – проводили целые дни в седле или в помещении штаба, и я удивляюсь, я восхищаюсь (их) энергией и бесконечной неустанностью», – говорит он о наших войсках и в целом отмечает, что этот тип британского солдата произвёл на него в наибольшей мере благоприятное впечатление. Он пишет, что «их не приходится подгонять и подталкивать, когда они находятся под огнём, ибо они внутренне полны инстинктивного наступательного порыва, и в нём их невозможно сдержать». Эта характерная черта британских войск ведёт их весьма далеко и обеспечивает победу. Разряд офицеров, особенно привлекавших внимание подполковника **Йолшина**, – начальники различных штабов. «От

лорда **Китченера** и ниже, – говорит он, – это идеальный коллектив штабных офицеров, хорошо сведущих во всех военных делах, а по части лингвистики – выше среднего». (Знание иностранных языков нашими офицерами, очевидно, привлекло его внимание: «это люди, которые не валяются на чернильнице, а которые способны ежедневно видеть все детали лично и сами управлять и руководить, и концентрировать операции через всю группировку, начиная с самого выдвинутого вперёд дозора до находящегося в глубоком тылу из числа войск, которым они приданы, работая круглые сутки ради доведения до исполнения приказов своего генерала»; такие начальники штаба особенно ценные при ведении малых войн и при восстании, когда, как он отмечает, «самому генералу невозможно лично руководить рассредоточенными частями своего войска».

Подводя итог подполковник **Иолшин** говорит, что чувство долга, возбуждённое знаменитым сигналом при Трафальгаре, проникло глубоко в дисциплину, которая делает армию на поле боя в огромной мере надёжной и мощной.

Мнения подполковника **Иолшина** тем более весомы в силу того, что как русский военный комиссар он был свидетелем всех войн последних лет, включая греко-турецкую, в ходе которой повидал все существенные бои. Как только он закончит свой доклад в Санкт-Петербурге, он отправится к местам боёв в Китае.

(далее – три фотографии Col. **Heath**. Chief of Gen. **Wolfe Murray's** stuff, General **Dartnell** and Li.-Col. **Jolshin**, Lt-col. **Nicholas Jolshin** Lt. J.B.O, **Moe** (Unvote Mounted rifles and Lt. P.A. **Silburn** at the camp at Dundee).

Фотографии **Иолшина** и английских и бурских офицеров в лагере под Дунди, фотографии из военной жизни в Южной Африке (В лагере под городом Дунди 16 августа 1900 г. полк натальских волонтёров и подполковник **Иолшин**, в лагере под г. Дунди 16 августа 1900 г. подполковник **Иолшин** и поручик Мое, в лагере под г. Дунди 18 августа 1900 г. командир полка Умвот-Натальских волонтёров).

ров майор **Леухарс**¹¹⁹ и подполковник **Иолшин**, адъютант **Эмета Бота**, (в середине) – английский парламентёр пурпурный **Зильбурн**¹²⁰, английские парламентёры на бурском передовом посту и фельдкорнет **Эмет**, в августе 1900 г. генерал **Дартнелль**, командир бригады натальских волонтеров).

Заметка из газеты «Петербургская жизнь»,
27.05.1901 г. № 528

Подполковник Иолшин первый на театре англо-бурской войны

В настоящее время в Петербурге находится подполковник **Иолшин** первый, кто в прошлом году был командирован на театр военных действий в Южную Африку.

Подполковник **Иолшин** пробыл при войсках английской действующей армии с конца апреля по сентябрь, то есть именно в разгар серьёзных военных операций и африканерского восстания. Вместе с отрядами генералов **Вольф-Мари** и **Дартнеля**, подполковник **Иолшин** переходил из северного Наталя в юго-восточный Трансвааль и западный Грикуландр. Во время всех этих переходов подполковник **Иолшин** подробно изучил постановку несения полевой службы в английской действующей армии и пришёл к заключению, что для усиления значения кавалерии необходимо сформирование отделений из скорострельных пушек **Максима-Норденфельта**, выбрасывающих до 300 гранат (пуль) в минуту и отличающихся большой подвижностью.

О генерале **Вольф-Мари** и **Дартнелле** подполковник **Иолшин** сохранил самые лучшие воспоминания.

(Далее черновик от руки)

Докладная записка подполковника **Иолшина**,

8 марта 1902 г.

КСС № 14

Целлебровскому

Ввиду продолжения (?) и развития войны в Южной Африке, которая удерживает до сего времени 200-тысячную армию, прошу ходатайства Вашего Превосходительства о командировании меня на театр англо-бурской войны с переводом в Генеральный штаб, для присутствования при операциях английской действующей армии и донесений Военно-учёному комитету Главного штаба о положении дел на театре войны.

Своей военно-научной работой на театре современной войны я горячо желал бы принести посильную пользу нашей армии.

Подполковник **Иолшин**.

копия

подполковник **Иолшин**

Командиру (?) полка (?)

Рапорт

6 апреля 1902 г.

КСС № 33

Докладываю Вашему Высокородию¹²¹ (?), что его Превосходительством Санкт-Петербургским комендантом мне разрешено вследствие моей болезни продление пребывания в Санкт-Петербурге, по 14 мая сего года.

Подполковник **Иолшин**

копия КССму коменданту (?)

подполковник **Иолшин**

15 апреля 1902 г.

№№ 31-й и 32-й

Рапорты

Докладываю Вашему Превосходительству, что вследствие продолжающейся болезни, не могу отъехать к месту службы.

Подполковник **Иолшин...**¹²²

Сноски

1> Карью Реджинальд Поль (Carew Reginald Pole) (1849–1924).

Окончил колледжи Итон и Оксфорд. Поступил на военную службу в 1896 г. Участвовал в англо-афганской войне 1878–1880 гг. Затем служил в Египте и Бирме. Перед англо-бурской войной – полковник. Был назначен в чине генерал-майора командиром 9-й бригады. Участвовал в бою 28–29 ноября 1899 г. у Моддер-ривер и 10–11 января 1899 г. у Маггерсфонтейна. В начале апреля ему под командование была дана первая гвардейская бригада. Он участвовал в наступлении, оперируя на юге Оранжевого Свободного Государства. Участвовал в захвате Белфаста 24 августа, а до того – 11 и 12 июня 1900 г. – в бою у Дорнхука. Затем участвовал в наступлении до границы с Португальским Мозамбиком, которое закончилось 24 сентября 1900 г. За храбрость во время англо-бурской войны получил чин генерал-лейтенанта. Затем был отослан в Англию, где командовал 3-м армейским корпусом и в 1906 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. С 1910 по 1916 г. – член палаты Общин британского парламента.

2> Баден-Пауэлл (Бейден-Пауэлл) Роберт Стефенсон Смит (Baden-Powell Robert Stephenson Smyth) (1857–1914) – сын профессора геометрии в Кембридже. По окончании школы в 1876 г. сдал экзамен на второго лейтенанта, и поступил на военную службу и до 1884 г. служил в Индии и Афганистане. С 1884 г. служил в британской военной разведке, сначала на Юге Африки, затем три года на Мальте. Посетил с разведывательными целями Австро-Венгрию (Балканы), Италию, Россию, Турцию. Позднее – участник английских кампаний против ашанти (Западная Африка) в 1895 г. Подавлял восстание в Матабелеленде (нынешнее Зимбабве) в 1896–1897 гг., где познакомился с известным разведчиком (скаутом) американцем **Бернгамом**. Участвовал в англо-бурской войне 1899–1902 гг., в звании полковника командуя окружённым бурами гарнизоном г. Мафекинга, где из преимущественно чёрных подростков племени **бародонгов** впервые организовал отряд разведчиков (скаутов), очень хорошо себя зарекомендовавших. В 1901 г. получил чин генерал-майора, минуя чин бригадного генерала. Получив в 1908 г. чин генерал-лейтенанта, **Баден-Пауэлл** к тому времени уже автор ряда книг о фронтовой разведке и тренировках разведчиков («Выслеживание и

разведка», «Памятка разведчика», «Разведывание для мальчиков»; в русском переводе – «Юный разведчик», в которых выступал, в частности, за индивидуальное, а не механическое обучение солдат-разведчиков) решил сосредоточиться целиком на создании скаутских отрядов и в 1910 г. ушёл в отставку. В 1912 г., в возрасте 55 лет женился на 22-летней англичанке **Олейв Сомс (Olave Soames)**, ставшей позднее руководительницей женского отделения скаутов. **Роберт Баден-Пауэлл** основал первый скаутский лагерь для 22 подростков летом 1907 г. Год спустя вышла в свет его книга о лесных разведчиках, где были описаны цели и идеалы скаутского движения. Оно ставило своей главной задачей дополнительное воспитание и развитие спортивных навыков у детей и подростков, проповедовало идеалы взаимопомощи, отваги, любви к приключениям. Основой закона юных разведчиков стали моральные постулаты Мальтийского рыцарского ордена ионитов. Организация создавалась с тем, чтобы воспитывать в подростках выносливость, чувство долга, обучить жить на природе. Символом скаутского движения стала французская лилия, а неприменимым атрибутом – гладживающая любые классовые или социальные различия, – скаутская униформа с нашивками, галстук и походная круглая шляпа. Его супруга стала руководительницей женского отделения скаутов. В настоящее время в мире насчитывается около 28 млн скаутов. Как уже говорилось выше, в англо-бурскую войну он прославился командованием гарнизона г. Мафекинга, окружённого африканерами (осада продолжалась семь месяцев (217 дней), до 17 мая 1900 г.), во время которой для вспомогательных и разведывательных операций широко применял молодёжь (в основном из племени **баролонгов**) допризывного возраста. В дальнейшем стал широко известен как основатель в 1907 г. (вместе с майором **Бернгамом**) скаутского движения (от английского scout – разведчик). В сущности, это движение было создано для улучшения физподготовки подрастающего армейского резерва. За создание движения скаутов получил в 1922 г. – титул баронета, а в 1929 г. титул лорда. Следует упомянуть, что для своей системы подготовки лесных разведчиков **Баден-Пауэлл** использовал труды **Эрнеста Сетон-Томпсона, Песталоцци, Тита Ливия** и других авторов, а также опыт воспитания у различных народов, в том числе у спартанцев, японских самураев

и американских индейцев. Скончался в 1941 г., в возрасте 83 лет, в собственном поместье в Кении, где жил с 1938 г. Титул барона наследовал его сын. Внуки и правнуки **Баден-Пауэлла** проживают ныне в Австралии и являются руководителями современного скаутского движения. Нельзя не признать, что генерал-лейтенанту **Баден-Пауэллу** и майору **Бернгаму** (как двум равным отцам-основателям движения скаутов) в отличие от многих других ныне забытых британских военачальников, не грозит забвение потомков.

3> АВПРИ, ф. 151 Политархив, оп. 482, д. 2122, 1901 г. лл. 36–38 об.

4> Фурье (Фури) Кристиан Эрнст (1858–1943) – бурский генерал, участник первой и второй англо-бурских войн.

Фурье (Фури) Йоаким Кристофел (1855–1900) – бурский генерал, участник первой и второй англо-бурских войн. Погиб в бою.

Фурье (Фури) Петрус Йоханнес (1842–1916) – бурский генерал. Служил под командованием **Христиана Девета**, прославился во многих сражениях. Был отставлен с поста генерала за переписку с англичанами, но продолжал сражаться как рядовой боец до конца войны. Остаток дней провёл на своей ферме в Деветсдорпе. (Вероятно именно он упомянут в донесении подполковника **Ромейко-Гурко**.)

5> Донесение Генерального штаба подполковника **Гурко**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. Донесение № X, от 2 (15) июня 1900 г. из Машадодорпа.

6> Донесение Генерального штаба подполковника **Гурко**, командированного на театр военных действий в Южной Африке. Донесение № XI, от 11 (24) июня 1900 г. из Балморала.

7> Имеется в виду крупный учёный, известный русский военный инженер-генерал **Кирпичёв Н.Л.** (1850–1927), который участвовал в проектировании и строительстве ряда мостов в Санкт-Петербурге. В 90-е годы XIX в. разработал схемы сопротивляемости укреплений фортов новым артиллерийским снарядам (используются в расчётах до сих

пор). При его активном участии развивалась русская авиация и дирижаблестроение. В 1918 г. перешёл на службу в Красную армию, преподавал в Инженерной академии. Скончался в 1927 г. в Ленинграде.

8> Вернандер А.П. (1844–19??). Военный инженер. Окончил Константиновское военное училище и Николаевскую инженерную академию. Преподавал в Николаевской инженерной академии и училище. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880–1890 гг. был начальником строительства варшавских укреплений на левом берегу Вислы, которые и были возведены по его проектам. В 1890–1895 гг. был начальником Варшавского крепостного инженерного управления, затем был назначен на должность помощника начальника Главного Инженерного управления (1895–1897), потом стал Главным начальником инженеров (1897–1904), в 1904 г. он был назначен товарищем генерал-инспектора по инженерной части (1904–1909), в 1909 г. – генерал-инспектором по инженерной части (1909–1912), а в 1912 г. – помощником Военного министра (1912–1915).

9> Шкворень, шворень – стержень в передней части кузова по-возки (а также автомобиля, локомотива и т.д.), позволяющий производить повороты на ходу.

10> Блиндаж (фр. *Blindage*) – укрытие, оборонительное сооружение (землянка, специальный навес) из железобетона, дерева, камня и других подручных материалов для защиты личного состава от артиллерийского огня.

11> Банкет (*banquette*) – насыпь (ступень) у внутренней крутости высокого бруствера для размещения стрелков, ведущих через него огонь.

12> Фас (от фр. *Face* – лицо) в фортификации – прямолинейный участок траншеи, хода сообщения, невзрывных противотанковых и противопехотных заграждений.

13> Буссоль (фр. *boussole*) – инструмент для измерения магнит-

ногого азимута направлений на местности. Применяют при геодезических работах, в маркшейдерии. Артиллерийский буссоль применяют при управлении огнём артиллерии.

14> РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 132, л. 120–131 (микрофильм). Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 – 31 октября 1901 гг.

15> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. IV. Снабжение команд продовольствием и боевыми припасами. Обозы. С. 52–59. Гл. V. Полевая почта. С. 59–63.

16> РГВИА, ф. 401, оп 5, д. 132, л. 103–108 (микрофильм). Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 – 31 октября 1901 гг.

17> Швартов (голл. Zwaartouw) – морской трос или цепь, которым судно привязывается к пристани, другому судну во время стоянки.

18> РГВИА, ф. 401, оп 5, д. 132, л. 108(а), 108(б) – 119 (микрофильм). Донесения подполковника **Гурко** и агента санитарного отряда Красного Креста **Потапова** и капитана **Щеглова** о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 – 31 октября 1901 гг.

19> Возможно, погибший являлся родственником **Ломбард Йоханнес (Ян) Петрус ла Гранж** (1846–1939) – бурский командант, член фольксраада Трансваала, участник первой и второй англо-бурских войн. С трудом избежал плена при сражении при Эландслаагте (24 октября 1899 г.), где командовал голландским корпусом, который

был вскоре расформирован. Затем служил рядовым, а позднее был назначен председателем военного суда в восточных районах Трансвааля и оставался на этой должности до конца войны.

20> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. VI. **Кафры**. С. 63–74.

21> Дефиле (фр. defile – ущелье, теснина) – узкий проход в естественных, в том числе горных препятствиях на местности.

22> Эразмус Даниэль Якобус Элардус (**Erasmus Daniel Jacobus**) (1845–1914) – бурский генерал. Проживал в Оранжевом Свободном Государстве. Участвовал в войнах с **басутами**. Занимался фермерством. В 1880–1881 гг. участвовал в вооружённом восстании, в частности, в сражении у Бронкоспруйта 20 декабря и в осаде Претории. В 1884 г. был назначен командантом Претории. В 1890-е гг. командовал отрядами в войнах с окрестными чёрными народностями. После начала англо-бурской войны вместе со своим отрядом выступил к границе Наталя и на военном совете в Сандспруйте 11 октября 1899 г. был назначен помощником главнокомандующего. Затем его отряд занял город Ньюкасл, оставленный англичанами. По плану его отряд должен был вместе с отрядом генерала **Лукаса Мейера** напасть на британские войска с разных сторон в Дунди, в то время как отряд генерала **Кока** должен был перерезать с юга железную дорогу между Ледисмитом и Гленко с юга. **Мейер** повёл атаку с востока, а **Эразмус** должен был захватить высоту Импатиберг с северо-запада от города, но из-за тумана отказался поддержать действия **Мейера**, который был вынужден отступить из-за неравенства сил. Генерал **Кок**, в свою очередь, не смог удержать станцию Эландслаагте, потерпел поражение 21 октября 1899 г. и умер в плену. И хотя англичане оставили стратегически важную станцию Денди (Дунди) и отошли к Ледисмиту, их окончательное окружение и сдача не случились из-за бездейственности **Эразмуса**. Его фактически отстранили от дел за неумение командовать войсками. Участвовал с отрядом в сражении при Платранде (Вагон-хил) 6 января 1900 г. и в сражении при Спионскопе 24

января 1900 г. В партизанской войне не отличился и попал в плен 3 января 1902 г., был сослан на остров Святой Елены. После войны занимался разведением крупного рогатого скота у себя на ферме Дорн-клоф (позднее – Гротфонтейн).

23> Жалонёр (желонёр) (фр. jalonneur) – нижний чин в русской императорской армии (с 1831 г.), поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть, и носящий жалонёрный значок. Жалонёры (линейные) были ротные и батальонные.

24> Камилло Риччиарди (Рикарди) (Camillo Ricchiardi) (1865–1940) – итальянский офицер-кавалерист, бурский капитан (по другим сведениям – полковник). В итальянской армии дослужился до капитана. В 1891 г. стал военным советником короля Сиама (Таиланда). Затем работал репортёром американских газет во время сиамо-японской войны 1895 г., а в 1898 г. сражался на Филиппинах против американцев. С ноября 1899 г. участвовал в англо-бурской войне: сначала в Крюгерсдорпской команде, затем прославился своей храбростью как командир Итальянского отряда (корпуса) добровольцев. Участвовал в боях с ноября 1899 и до ноября 1900 (по другим сведениям – до начала 1901 г.), после чего покинул бурские республики. Был тяжело ранен и в госпитале в Претории встретил свою будущую жену – племянницу президента **Крюгера**. В июне 1901 г. женился во Франции на **Мире (Ханне) Гутман (Мура) (Наппах) (Guttman)** – внучке генерала **Жубера**. С 1903 по 1913 г. – жил в Аргентине. Затем вернулся в Италию. Не участвовал в Первой мировой войне по болезни (незадолго до её начала перенёс инсульт). В 1939 г. переехал в Марокко, где и скончался в 1940 г. в местечке Каза Бланка. Говорил на шести языках, отличался отчаянной храбростью в бою, любил помародёрговать. Подробнее см.: *Lupini M. Camillo Ricchiardi. Boer. Italian Boer War Hero. Scripta Africana. 1988.* (Интересно, что среди его подчинённых во время англо-бурской войны был лейтенант граф **Печчи (Ресси)** – племянник тогдашнего папы Римского **Льва XIII**).

25> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Прето-

рии бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. VII. План действия буров после взятия Мидлбурга. Позиция у Дальмануты. Тактика оборонительного боя. Разведки. Ружейный огонь. С. 75–87.

26> Банник – в данном случае – круглая или цилиндрическая щётка на длинной деревянной рукоятке для чистки (банения) и смазки ствола пушек.

27> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. VIII. План действия буров после взятия Мидлбурга. Позиция у Дальмануты. Тактика оборонительного боя. Разведки. Ружейный огонь. С. 89–98.

28> Бурское орудие **Крезо** калибра 75 мм (2,95 дюйма), дальность – 6 200 м. Снаряд – 5,2 кг или 6,4 кг (со шрапнелью).

29> С витыми стволами – имеются в виду нарезные артиллерийские орудия.

30> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. IX. Операции англичан к востоку от Претории. Движение **Буллера** к востоку от Претории. Движение **Буллера** из Наталя к северу. Войска **Бота**. Бой за позицию у Дальмануты 24, 25, 26 и 27 августа. С. 98–120.

31> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 216.

32> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 214.

33> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 236.

34> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 237.

35> АВПРИ, ф. II Деп., ст. 1-5, оп. 929, д. 7, л. 79. (РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 238).

36> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 234–235.

37> Зилоты (в буквальном переводе с греческого – ревнители) – политическая группировка XIV в. в Фессалониках. В 1342 г. возглавили движение за автономию Фессалоник от Византии и при поддержке масс захватили власть в городе. В 1349 г. движение зилотов было подавлено византийским императором **Иоанном VI** с помощью турок.

38> Имелась в виду американо-филиппинская война 1899–1901 гг. Войну вели США против Филиппинской республики (проглашена в 1898 г.), и боевые действия привели к падению последней и превращению Филиппин во владения США. В дальнейшем в 1934 г. Филиппины получили автономию, а с 1946 г. стали независимыми. (Стоит сказать, как американцы подавили сопротивление филиппинцев: США после войны с Испанией в 1898 г. захватили Филиппины. Но население Филиппин было негативно настроено по отношению к американским оккупантам. Филиппины располагались далеко от территории США, что делало снабжение войск, управление ими и подвоз резервов делом трудным и дорогим. А филиппинские партизаны, ранее успешно воевавшие с испанцами, активно использовали свой богатый боевой опыт против войск США. Тогда... войска США были разделены на множество небольших подразделений, которые действовали самостоятельно и сами разрабатывали стратегию действий, независимо от центрального командования. Они активно вербовали местных жителей, которые знали филиппинские обычаи и культуру) (по материалам Интернета).

39> Новое Время. 25 июля (7 августа) 1900. № 8767.

40> Новое Время. 30 июля (12 августа) 1900. № 8772.

41> Новое Время. 10 (23 августа) 1900. № 8783.

42> Новое Время. 18 (31) августа 1900. № 8791.

43> Имеется в виду подавление восстания Боксёров (ихэтуаней) (от слова Ихэтуань – отряд справедливости и мира (сама же тайная религиозная организация, подготовившая и осуществившая народное восстание именовалась Ихэцуань – кулак во имя справедливости и согласия) против засилья иностранцев и без того превративших Китай в полуколонию, где только в 1898 г. пять миллионов крестьян умерли с голода или погибли от наводнений. Восстание проходило в северном Китае в 1898–1901 гг. В июне 1898 г. повстанцы заняли Пекин, а в ответ 8 стран (Германия, Австро-Венгрия, Франция, США, Япония, Италия, Россия, Британия – войска из Австралии) совместными боевыми действиями в 1900–1901 гг. разбили восставших и в сентябре 1901 г. Китай подписал кабальный «Заключительный протокол», окончательно превративший его в полуколонию. Кроме того, на Китай была наложена большая денежная контрибуция. Последние отряды боксёров были разбиты русскими казаками в Манчжурии в 1902 г.

44> Новое Время. 29 августа (11 сентября) 1900. № 8802.

45> Туалет (фр. toilette) – в данном случае – наряд, одежда (преимущественно женская); приведение в порядок своего внешнего вида (умывание, одевание, причёсывание); столик с зеркалом и ящиками, за которыми причёсываются.

46> Вальс – плавный танец с трёхдольным ритмом, а также музыка в ритме такого танца.

47> Саймонс Вильям Пенн (Пенн-Саймонс) (Symons William Penn) (1843–1899) – британский генерал. Окончил Сандхерст в 1863 г. Участвовал в англо-зулусской войне 1879 г., затем служил в Бирме и Индии. Участник боёв с Вазистане и Тирахе (1894–1895). В 1899 г. в чине бригадного генерала был послан в Наталь с целью защиты границы от возможного наступления буров. Именно он настоял на необходимости существенного увеличения численности войск в Натале, которыми командовал генерал Вайт, а Саймонс был назначен командующим передовыми частями возле города Дунди для

защиты каменноугольных копей в чине временного генерал-майора. Он не предполагал, что буры решатся напасть на его 8-ю бригаду в составе более 5000 чел. и более 1100 лошадей с 12 полевыми орудиями и 6 пулемётами у местечка Талана. С Талана-хил буры сбросили ночью небольшой английский пикет и для очистки холма от неприятеля англичане выслали утром две роты. Но с утра буры, окопавшиеся на трёх холмах, стали обстреливать его лагерь с одного из них (Талана-хил) (бурский отряд, численностью в 1500 человек, под командованием генерала **Лукаса Мейера**) с расстояния в 4500 метров из трёх орудий. По счастью, почти все снаряды не разрывались (в частности, из-за попадания в рыхлую почву). Пытаясь не допустить соединения бурских отрядов, шедших с целью окружить его бригаду, он атаковал позиции африканеров с применением всей имевшейся в наличии артиллерии (12 полевых орудий) у Талана-хил, 20 октября 1899 г. тремя батальонами пехоты по фронту и кавалерией с левого фланга с целью окружить Талана-хил и имел частичный успех (потери обеих сторон были велики, африканеры вывели свои три орудия с холма из-за сильного артиллерийского огня англичан, и часть буров оставили позиции ещё до перехода боя в ружейную перестрелку, а остальные отбили кавалерийскую атаку), и был смертельно ранен в живот, когда своим примером увлекал подчинённых в атаку под сильным ружейным огнём африканеров (за этот подвиг он получил звание постоянного генерал-майора); умер в бурском плену, поскольку англичане были вынуждены оставить раненых и отступить в Ледисмит во избежание окружения и пленения.

48> Юл (Юль) Джеймс Герберт (Yule James Herbert) (1847–1920) – английский (шотландский) генерал. Родился в Лондоне. Поступил на военную службу в 1865 г. в чине прапорщика. Участник афганской войны (1878–1880), войны в Бирме (1891–1892) и Тирахской экспедиции в 1897–1898 гг. Перед началом англо-бурской войны – полковник Девонширского полка (произведённый вне очереди в данное воинское звание, но с зарплатой подполковника). В чине временного бригадного генерала был послан в Южную Африку заместителем командира 8-ой бригады, расположенной близ города Гленко для охраны угольных копей. После того как командир бригады

генерал-майор **Пенн-Саймонс** был смертельно ранен в бою у Дунди (Талана-хил) 20 октября 1900 г., командование перешло к бригадному генералу **Юлу**, который, используя четырёхкратное преимущество в количестве полевой артиллерии (12 английских пушек против трёх бурских) и подавляющее численное превосходство, имел сначала успех в сражении с бурами, захватив Талана-хил, но через несколько часов частично оставил его ввиду подошедших бурских подкреплений окружавших его отряды, ввиду чего англичане отступали двумя отрядами, один из которых, под командованием полковника **Моллера** был окружён африканерами и сдался, а второй – под командованием майора **Кнокса** – сумел вернуться в полевой лагерь. При этом данная победа обошлась англичанам, которым пришлось отступить с позиций, занятых вне холма (Талана-хил), в 41 (51) убитыми и 185 (203) ранеными и 220 (246) попавшими в плен (отряд **Дани Терона**, и частично Ирландская бригада, захватила многих британцев в плен) или попавшими позднее в плен ранеными (и одним захваченным бурами, пулемётом **Максим**), включая смертельно раненого генерала **Пенн-Саймонса**, а бурам в 10 (44) убитых и 20 (90) раненых (по другим сведениям – 150 человек убитыми и ранеными и пропавшими без вести), но буры (генерал **Эразмус** с Импати-хил) и коммандант **Тричард** не вели огонь с двух других холмов по уязвимому английскому (из-за отсутствия полевых орудий) лагерю из-за тумана и сильного дождя. Генерал **Юл** получил за этот бой звание постоянного бригадного генерала. Но англичане потерпели поражение, когда на следующий день с двух других холмов буры начали, наконец, обстрел, в том числе и из дальнобойной артиллерии (одного **Лонг-Тома**) с расстояния более семи километров. Только тогда опытный генерал **Юл** понял всю серьёзность положения (если бы буры атаковали одновременно с трёх холмов, а не только с Талана-хил, то английская 8-я бригада была бы разгромлена, поскольку малая дальность английских полевых орудий не позволила бы вести артиллерийскую дузель, а пехота и кавалерия служили бы для бурской артиллерии хорошей мишенью, и даже спрятавшейся от обстрела в овраге, проходивший по этой местности бригаде, оставалось лишь ждать полного окружения и неминуемой сдачи в плен) и отвёл вверенные ему части южнее, за пределы досягаемости бурской артиллерии, которую, впрочем, буры

могли легко передвинуть ближе, на другие горы). А сама 8-я бригада располагалась впереди Биггарсбергской горной цепи, проходы которой из-за нерасторопности буров ещё не были заняты, и она могла быть отрезанной от своих сообщений фланговым движением противника через Дракенбергские проходы, и генерал **Юл** отдал приказ бросить всю артиллерию, пулемёты, боеприпасы к артиллерийским орудиям и пулемётам, палатки, фураж и месячный запас продовольствия и оставить раненых, включая смертельно раненого генерала **Пенн-Саймонса**, вместе с полевым лазаретом на попечение неприятеля, взять с собой только стрелковое оружие, минимальный запас продовольствия и боеприпасы для винтовок, отвёл оставшийся в наличии отряд из 3500 (4000) (4500) человек сначала в Дунди, но поняв, что он уже был занят бурами, умело пользуясь темнотой и сильным ливнем, он скрытно повёл вверенную ему бригаду с вечера 23 октября 1899 г. к Ледисмиту. По свидетельствам очевидцев, несмотря на то, что почти все тяжести были оставлены, английский конный и воловий обозы, вместе с отступавшей 8-й бригадой, вытянулись на расстояние свыше 1,5 км. Марш проходил более 75 км (по прямой) (или от 100 до 120 км по горным дорогам), четыре дня, по тяжёлой пересечённой горной местности, под сильным тропическим дождём, при постоянном давлении буров до Ледисмита, куда и прибыл 26 октября 1899 г. Отступлению помог и небольшой бой при Ритфонтейне, который провёл из Ледисмита 24 октября генерал **Вайт** для отвлечения буров от бригады **Юла**. В итоге **Юл** успел проскочить горные проходы Биггасберг до того момента, как долженствовавшие их занять раздолбай-буры (генералы **Эразмус** и **Вильямс**) наконец спохватились, что приказ об оседлании перевалов до сих пор такими и не выполнен. Но здоровье генерала **Юла** ухудшилось настолько, что он, к тому времени произведённый в постоянные бригадные генералы, был вынужден сдать командование 8-й бригадой по прибытии её в Ледисмит и по приказу генерала **Вайта** уехать из Ледисмита в Дурбан последним поездом вместе с генералом **Френчем** прежде, чем буры полностью окружили город. **Юл** по болезни был переведён на половинное жалование с 28 января 1900 г. А 6 февраля 1900 г. он уехал в Англию на борту парохода «**Dunedin Castle**». Генерала **Юла** позднее обвинили в том, что он вывел войска из Дунди, фактически сдав его

бурам. Генерал **Юл** подвергался серьёзной критике за свои действия в бою при Дунди, за то, что не развил первоначальный успех в бою с бурами, но с другой стороны, быстрым отступлением он сохранил вверенную ему 8-ю бригаду от неизбежного окружения и плена, чем помог обороне Ледисмита, в противном случае гарнизон мог бы не выдержать столь долгую осаду. Другими словами, он не только усилил гарнизон 4000 (3500) военнослужащими, но и привёл волов и лошадей, большинство из которых потом просто съели за время долгой (118-дневной) осады Ледисмита. После снятия осады, о нём вспомнили, как об одном из «героев и спасителей Ледисмита», и в 1900 г. **Юлу** были пожалованы королевой **Викторией** рыцарское звание, высокая награда и чин постоянного генерал-майора. Он окончательно ушёл в отставку с военной службы 26 апреля 1904 г. в день своего 57-летия. Генерал **Юл** скончался 7 мая 1920 г. в Лондоне.

49> Буры часто молились в полевом лагере, сидя на раскладных стульях.

50> Оливье (Олифир) Ян Хендрик (Olivier Jan Hendrik) (1848–1930) – бурский генерал, член фольксраада Оранжевого Свободного Государства. В возрасте 15 лет он стал служить в пограничной полиции Оранжевого Свободного Государства и через два года был избран фельдкорнетом Рувильзастронского округа. За храбрость, проявленную в войне с вождём **басутов Мошешве**, ему была подарена ферма в местечке Фечкопярд (в округе Застрон), где он фермерствовал затем в течение 47 лет. В начале англо-бурской войны он был назначен командантом Руксвильзастронской командо, которая с двумя другими отрядами из Оранжевого Свободного Государства была послана к Оранжевой реке к местечкам Де-Аар, Наупорт и Стромберг. **Оливье** сопровождали четверо его сыновей (один из которых позднее был убит в Натале). 13 ноября отряд под его командованием занял местечко Аливал-норт и объявил о его присоединении к Оранжевому Свободному Государству. Затем его команда проследовала в Бургердорп, Джемстаун и Каркли-ист и заняла железнодорожный узел Стромберг, тем самым перерезав линию коммуникаций между командиром третьей английской дивизии генералом-майором **Гатакром**, с одной стороны, и войсками генерал-лей-

тенанта **Френча** у Науппорта и с британским командованием на Западе – с другой. Попытка генерала **Гатакра** отбить стратегически важный железнодорожный пункт Стромберг, во время ночной атаки со стороны Молтено 10 декабря 1899 г. привели к серьёзному поражению британских войск и принесли славу **Оливье** как герою Стромберга. Это сражение явилось началом событий, вошедших в историю под названием «Чёрная неделя» – декабрьские 1899 г., поражения под Стромбергом (10 числа), затем под Магтерсфонтейном (11) и Колензо (17 числа). После прорыва фронта британскими войсками отряды под командованием **Оливье** в марте 1900 г. отступили к Ледибранду, и затем вошли в состав войск генерала **Христиана Девета**, действовавших против частей генерала **Гатакра** и **Брабанта** в марте-апреле и в сражении при Таба Нху (Табанчу). Затем его отряд направился к Фисбургу и к Санд-ривер в попытке остановить продвижение в северу войск фельдмаршала **Робертса** и до конца июля участвовал в сражениях под руководством генерала **Девета** на западе Оранжевого Свободного Государства. К примеру, в конце июля 1900 г. он вместе с **Деветом** смог избежать окружения из района Брандватель, вырвавшись через Голден Гейт. Однако из-за разногласий в стратегии проводимых операций с **Деветом**, **Оливье** и трое его сыновей решили отправиться в Трансвааль к генералу **Бота**, но по пути из-за предательства одного из близких друзей попали в плен к англичанам. Генерал и его сыновья были сосланы на о. Цейлон, где и содержались до окончания военных действий. После заключения мирного договора **Оливье** вновь занялся фермерством и преуспел. В дальнейшем он представлял интересы своего округа в Законодательной ассамблее Оранжевого Свободного Государства. Генерал **Оливье**, отец 15 детей, пережил смерть своей второй жены, скончавшейся в Рустенбурге, где чета поселилась на склоне лет, и умер в Фольксрусте, куда заехал повидать свою дочь, где и был похоронен с воинскими почестями.

51> Сын фельдмаршала лорда **Робертса** был посмертно награждён Крестом Виктории – высшей наградой Британской империи.

52> Штабс-капитан Айп. Война Англии с бурами, СПб., 1901. С. 1–26.

53> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. X Отступление буров после боя за позицию у Дальмантуты. Совет в Ватерфаль-Ондере. План дальнейших действий. С. 120–132.

54> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XI. Нойтгедахт. Освобождение пленных. С. 132–138.

55> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XII. Слухи об отъезде президентов **Крюгера** и **Стейна**. С. 139–146.

56> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XIII. Военные операции с 1 по 13 сентября в восточной Трансваале. С. 146–153.

57> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XIV. Испытание **Крюгера**. С. 153–160.

58> Гуркский кривой кинжал (кукри) – традиционное оружие непальских стрелков. Представляет из себя рубящее клиновое оружие в виде массивного ножа средней кривизны (расширяющееся книзу лезвие слегка изогнуто) с односторонней заточкой.

59> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XX. Нель-спурт – столица Трансвааля. С. 160–177.

60> Легенды о спрятанной казне Трансвааля вдохновляют кладоискателей до сих пор. По поводу «спрятанных несметных золотых запасов буров» стоит привести отрывок из статьи «Всё золото буров»:

В Претории агенты английской секретной службы получили сведения о том, что в конце мая 1900 г. по приказу президента республи-

блики **Крюгера** наличное золото, находящееся в распоряжении правительства, небольшими партиями было тайно вывезено и захоронено в различных частях страны. Золотые слитки на сумму более 2 миллионов фунтов стерлингов буры отправили в административный центр португальской колонии Лоренсу-Маркиш (сегодня это столица Мозамбика – Мапуту), откуда морем намеревались переправить их в Южную Америку. Попытки шпионов получить более точные данные о местонахождении золота окончились неудачей. Поскольку свыше 20 тысяч буров не захотели сложить оружия и начали активную партизанскую войну, англичане предположили, что часть спрятанного золота находится у руководителей партизанского движения. Все британские офицеры, принимавшие участие в военных действиях против партизан, получили указание при допросе пленных и захвате документов незамедлительно информировать представителей секретной службы о любых фактах, проливающих свет на судьбу бурского золота...

Такова предыстория.

...Август 1900 года. Небольшой английский карательный отряд после преследования партизан расположился на ночлег среди развалин на полу сожжённой фермы.

Вокруг, насколько хватало глаз, расстипалась однообразная, по-росшая колючим кустарником степь с разбросанными там и тут красноватыми термитниками. Переводчику отряда,вольноопределяющемуся **Холлу** не спалось. Мысли возвращали его к событиям прошедшего дня. После утреннего боя буры оставили на поле сражения нескользких убитых. Как переводчик, **Холл** должен был тщательно изучить найденные при них бумаги и документы и доложить о результатах командиру отряда. Одно из писем, написанное по-голландски, сразу привлекло внимание **Холла**. Некто **Питер** просил незамедлительно уведомить К., что ценный груз, отправленный по приказу «папаш» из Претории, был погружен на известное **К.** судно, которое, выйдя из бухты Делагоа, 21 июня (1900 г.) затонуло недалеко от берега, примерно в 100 милях южнее. Зная, что «папашей» в Трансваале называли президента **Крюгера**, и сопоставив текст письма с данными о прошлом золоте, **Холл** предположил, что, вероятнее всего, в его руки попали весьма важные сведения. Он не мог заснуть всю ночь. А утром,

докладывая о захваченных документах, Холл ни словом не обмолвился о письме **Питера**. Уже в сентябре он рас прощался с армией и, не теряя времени, приступил к поискам призрачных сокровищ.

В январе 1901 г. **Холл** прибыл в Лоренсу-Маркиш. Выдавая себя за страхового агента, он вместе с проводником-зулусом отправился вдоль побережья на юг. Вскоре ему удалось выяснить, что в июне 1900 г. небольшое торговое судно, зафрахтованное бурами в Лоренсу-Маркише, действительно перевозило военный груз в Дурбан. В ночь на 21 июня сильнейший шторм бросил судно на рифы, и оно затонуло в районе Кейп-Видал, чуть южнее бухты Делагоа. Местные жители охотно показали **Холлу** место разыгравшейся трагедии. Ког да-то **Холл** плавал матросом на голландских торговых судах и в общих чертах представлял себе, насколько сложны работы по подъему затонувших грузов даже с небольших глубин. И ему сразу стало ясно, что достать золото может только хорошо оснащённая экспедиция. **Холл** начал её готовить, но средств не хватало, и в дело пришлось вовлечь разбогатевшего в Трансваале золотоискателя из Англии, жаждавшего выгодно поместить свой капитал.

Прошло несколько лет.

В марте 1904 г. из бухты Делагоа вышла в море лёгкая шхуна под названием «Виктория». На ее борту, помимо команды, находились **Холл**, инженер по организации подводных работ и два водолаза. При содействии местных рыбаков водолазы быстро обнаружили затонувшее судно. Вскоре выяснилось, что над останками судна возвышался огромный холм из песка и камней. Попытки пробиться к корпусу оказались бесплодными. Серьёзной помехой в работе были частые в этом районе штормы. Через месяц инженер прямо заявил **Холлу**: «Имеющимися средствами расчистить песчаный завал невозможно. Нужны мощные помпы, необходимо вдвое увеличить число водолазов».

Услышав такое заявление, компаньон **Холла** отказался от дальнейшего участия в сомнительном предприятии. Распродав имущество лопнувшей фирмы, её основатели расстались недовольные друг другом. **Холл** отправился в Дурбан в надежде вовлечь в свою авантюру какого-нибудь процветающего бизнесмена и ещё раз вернуться к заветному месту.

К тому времени слухи о тайном захоронении золота на территории Трансвааля просочились в прессу. Подогреваемую газетчиками кладоискательскую лихорадку умело использовали мошенники. За крупные суммы начали продаваться «секретные» и «совершенно секретные» карты с указанием мест захоронения золота, по рукам ходили «предсмертные письма» погибших бурских командиров и безвестных партизан, где подробно указывались места заложенных тайников. Однако именно шум вокруг золота рождал недоверие к предпринимателю. Напрасно **Холл** обивал пороги богатых домов в Дурбане и Претории, опутывал заманчивыми предложениями директоров крупных и мелких компаний. На письмо неизвестного **Питера** смотрели как на очередное надувательство. В конце концов **Холл** продал его за бесценок какому-то американскому путешественнику и смирился со скромной ролью учителя в частном пансионе в Дурбане.

1907 год. В Претории с заявлением о судьбе золотых запасов Республики Трансвааль выступает ближайший друг президента **Крюгера Питер Ноумен**. Он заявляет, что никаких тайных операций с золотом президент не проводил, а весь золотой запас республики истрачен на военное снаряжение и фрахт судов для беженцев. Однако от такого категоричного заявления **Ноумена** интерес к поискам бурского золота нисколько не угасает. «Секретные карты» с указанием тайников по-прежнему охотно раскупаются на чёрных рынках Европы, Англии, Южной и Северной Америки. Одну из карт перед выездом в Преторию покупает в Копенгагене датчанин **Никелькер**. Он отправляется в Южную Африку для сбора материалов об англо-бурской войне и решает ради интереса проверить подлинность купленного «путеводителя». Местом клада на карте значится район севернее железной дороги, связывающий промышленный район Ранд с Лоренсу-Маркишем. В примечании к карте, наряду с другими ориентирами, указывается могучее дерево, в ствол которого вбито семь больших гвоздей. Как это ни удивительно, но **Никелькеру** с помощью буров удается разыскать обозначенное на карте место и даже увидеть шляпки семи гвоздей, вбитых в ствол действительно гигантского дерева, вокруг которого всё буквально было перекопано. Золота поблизости, естественно, не оказывается, ведь обладателем аналогичной карты наверняка был не один **Никелькер...**

И всё же... Среди множества самых невероятных версий о судьбе бурского золота имеется одна, заслуживающая определенного доверия.

В 1935 г. одна амстердамская газета поместила подборку материалов, посвященных англо-бурской войне. Среди них была короткая заметка **Карла Гейнца**. С 1896 по 1904 год автор жил в Трансваале и в качестве младшего командира принимал участие в войне против англичан. По словам Гейнца, в мае 1900 г. он, находясь в Лоренсу-Маркише, вместе с другими бурами грузил ящики с золотыми слитками на борт немецкого парохода «Кёниг». Грузоотправителем золота значился управляющий датского банка в португальской колонии. Приятель **Гейнца**, работавший в том банке мелким клерком, по секрету сообщил ему, что действительным собственником золота является правительство Трансваала. Спустя год сообщение **Карла Гейнца** неожиданно нашло подтверждение уже в Претории, где достоянием гласности стал дневник умершего **Питера Ноумена**, который при жизни пытался объявить пустым вымыслом все слухи о тайном захоронении бурского золота. Записи в дневнике недвусмысленно указывали, что лично **Ноумен** руководил отправкой золота в Германию на немецком пароходе «Кёниг» и что в дальнейшем все операции с золотом осуществлялись бурами через немецкую торговую фирму «Вольф и Аккерман»... Крупные берлинские банки владели значительной частью акций в горнодобывающей промышленности Трансваала и оказывали правительственныйм кругам республики различные финансовые услуги. Во время англо-бурской войны Германия открыто не выступала на стороне буров, но помогала им оружием, боеприпасами, снаряжением. В штабах буров работали немецкие военные советники (не верно), а действующее в Трансваале правительство «Вольф и Аккерман» было гнездом немецких шпионов и диверсантов, которые руководили тайными операциями против английских войск (не верно). Когда в 1904 г. в Швейцарии умер **Крюгер**, его многочисленное семейство в Претории получило из Европы около 20 миллионов швейцарских марок (франков). И посредником между родственниками и банком стала фирма «Вольф и Аккерман». Поэтому вполне вероятно, что она имела отношение к тайне золота.

В дневнике **Ноумена** имелась и ещё одна весьма любопытная запись, сделанная им за несколько месяцев до смерти. Вновь возвращаясь к судьбе золотых запасов Трансваала, **Ноумен** благодарил Бога за то, что «ныне эти богатства в надежных руках великой бурской христианской организации, которая употребит их на благо буров». Какую же организацию имел в виду **Ноумен**? Сейчас можно с уверенностью утверждать, что в дневнике **Ноумена** речь шла о тайной реакционной организации «Бродербонд» («Союз братьев»).

После англо-бурской войны Англия создала на юге Африки новое государство – Южно-Африканский Союз, входящий в Британскую империю на правах доминиона. Но наиболее реакционная часть буров не смирилась с поражением. В июне 1918 г. в уютном особняке на окраине Йоханнесбурга тайно собрались двенадцать представителей бурской элиты и создали секретное общество «Бродербонд». Они поклялись посвятить жизнь «борьбе за создание христианской националистической кальвинистской африканской республики для защиты самобытной общины буров от черной расовой опасности». Заговорщики приравняли себя к существам высшего порядка и заявили, что их союз отчитывается только перед Богом. Во главе организации был поставлен так называемый верховный жрец и два консула, роль исполнительного органа представляли 12 апостолов. Членство в организации хранилось в тайне, тем не менее известно, что в числе создателей тайного клана южных расистов были многие будущие руководители ЮАР. Члены «Бродербонда» поставили перед собой задачу привести к власти правительство, которое бы проводило в жизнь политику расовой ненависти. Но для этого требовались деньги, и первым вкладом в казну южноафриканских расистов стали миллионы, запрятанные в сейфы германских банков правительством **Крюгера**. Действуя подкупом, шантажом, прямым террором, «Бродербонд» сумел в 1948 г. впервые в истории Южной Африки организовать правительство, целиком состоящее из африканеров (буров). Так из бурского золота, добытого в копях Трансваала, ковалась цепь рабства в ЮАР.

А как же с другими версиями? Было ли золото на судне, затонувшем южнее Лоренсу-Маркиша? Как отнестись к свидетельству 80-летнего немца, участвовавшего в разгрузке ящиков с золотом на

берегу реки Нильструм? Ответить на эти вопросы пока нелегко. Исследователи, занятые разгадкой тайны бурского золота, склонны считать, что по приказу **Крюгера** вся золотая наличность Трансвааля была разделена на несколько частей. Самая крупная из них оказалась в Германии, судьба других неизвестна. (Лобов Ю. Всё золото буров. Ж. Вокруг света, № 4. 1988)

61> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XVI. Последняя проповедь **Крюгера**. С. 177–181. Гл. XVII. Отъезд **Крюгера**. С. 181–190.

62> Барон **А. фон Гольдек** – австрийский офицер. Во время англо-бурской войны командовал австрийским разведывательным подразделением, которое славилось свободолюбием и отделилось от немецких швейцарцев и от остальных германских подразделений (по материалам Интернета).

63> 16 сентября 1900 г. границу с Португальским Мозамбиком перешли 700 бургеров генерала **Пинаара**, где сложили оружие перед португальскими властями. 22 сентября ещё одна группа из 500 человек перешла границу Мозамбика. Всего к тому моменту в Мозамбике было 2500 (3000) человек из Трансвааля, включая добровольцев и гражданских лиц. Отряд **Пинаара** выслали в Португалию в феврале, марте и апреле 1901 г. Но к 24 сентября, когда британский генерал **Поль-Карью** захватил Нкомати, из Мозамбика вернулись в Трансвааль воевать от 200 до 300 буров под руководством генерала **Goetzer**. (*Grundlingh Albert. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 76–77.*) Несколько сотен сдавшихся буров вместе с семьями во время войны временно переселились в Южную Родезию, где разместились возле Булавайо и возле границы с Бечуаналендом. Но лишь 10% из них позволили иметь винтовки для защиты от **бечуанов**. Сотни буров, сбежавших из командо, ушли в Свазиленд и Мозамбик (*Grundlingh Albert. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 75, 80.*)

64> 1100 буров содержались в Португалии во время англо-бурской войны (были вывезены из Делагоа в феврале 1901 г.). По другим сведениям – 1004 буров (849 мужчин и подростков, 152 женщины и девушки и двое цветных и один чёрный) (Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 190, 226).

65> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XVIII Отряд Пинаара. С. 190–198.

66> Варшавский дневник. 30 октября (12 ноября) 1900. № 296.

67> Одно из старейших в мире страховых обществ «агентство Ллойда» («Фирма Ллойда») – самый знаменитый страховой синдикат в мире. Готовность страховщиков «Ллойда» выписывать страховые полисы на самые необычные объекты вроде... голоса **Брюса Спрингстэна (Bruce Springsteen)** сделала фирму прибежищем тех, кто рискует, а также мечтой для пресс-агентств.... А начинал «Ллойд»... с кофейни. В XVII в. Лондон был центром мореходства, в этом крупнейшем порту мира торговые суда непрерывно швартовались или отплывали в разные стороны света. В то время употребление кофе только ещё входило в моду в Европе, с тех пор как голландские колонисты занялись кофейными плантациями на острове Ява. И уже в 1689 г. **Эдвард Ллойд** открыл кофейню на Тауэр-стрит, что находится рядом с доками. В отличие от таверн, где пьяницы нередко устраивали дебоши, кофейни представляли собой тихие и солидные заведения, где респектабельные господа обсуждали деловые вопросы. Благодаря своему месторасположению кофейня **Ллойда** привлекала таких клиентов, как судовладельцы, капитаны, купцы и страховые брокеры. Сама идея страхования морских перевозок появилась в Англии в начале XVII века, что позволяло владельцам судов и грузов преодолевать финансовую катастрофу при гибели судна. Но хотя страхование в современном смысле слова и существовало, страховых компаний ещё не было... Купец с кораблём или грузом нанимал брокера, который ходил от одного богатого человека к другому и продавал долю риска в обмен

на долю прибыли. Если ничего страшного с кораблём или грузом не случалось, то страхователи получали прибыль; если же происходила катастрофа или гибель груза, то они персонально несли материальную ответственность в соответствии со своей долей... вплоть до полной отдачи своего состояния. Понятное дело, что в такие дела влезали люди азартные, любящие риск и имеющие свободный капитал.

Эдварду Ллойду, хозяину респектабельной кофейни, приходилось постоянно слышать разговоры своих клиентов о подобных сделках, поэтому он завоевал репутацию человека, владеющего достоверной информацией о морских перевозках. Его кофейня превратилась в место, где можно было застраховать судно. Сам **Ллойд** никогда лично не занимался страховым бизнесом, но обеспечивал конфиденциальность переговоров. Для этого он установил индивидуальные кабинки в кофейне и снабжал клиентов письменными принадлежностями. Так функционировала его кофейня и после смерти **Эдварда Ллойда** в 1713 г. В течение нескольких десятилетий тонкая грань разделяла страховщиков, заключавших сделки с судовладельцами и грузовладельцами, от тех, кто организовывал нечто вроде пари на победителя в том или ином виде спорта, или в войне, или же пари на дату смерти короля. Желая отмежеваться от своих недостойных собратьев по профессии, несколько респектабельных брокеров отделились в 1769 г. и создали свою кофейню рядом с улицей Поуп-хед (Pope's Head Alley). Называлось заведение «Новая кофейня Ллойда», и там совершались только те страховые сделки, которые касались кораблей и грузов.

Вскоре оказалось, что помещение кофейни слишком тесно, и тогда страховщики образовали комитет в новом здании. Семьдесят девять брокеров, страховщиков и купцов скинулись по 100 фунтов стерлингов для финансирования новой конторы. При переезде на новое место, кофейню решено было оставить в старом доме. Тем не менее новый офис по-прежнему называли «Кофейней Ллойда», как и десятилетия назад. В следующем столетии «Общество Ллойда» превратилось во вполне современное страховое учреждение, где страховали уже не только торговые суда. К 1990-му году в корпорации «Ллойда» насчитывалось более 32 000 членов (их называли

не членами, а «именами», потому что подписывались эти господа своим полным именем, указывая состояние своих дел на текущий момент; тем самым гарантировалась выплата суммы страхования). Страховщики подразделялись на 350 отдельных групп, различных по количеству участников – от горстки до тысячи. Каждая группа имела менеджера или агента, нанимала экспертов, которые определяли относительную безопасность (а отсюда и прибыль) каждого полиса. Как и три столетия назад, каждое «Имя» (Names) лично отвечало всем своим состоянием за пункты полиса, то есть они получали доход, если дела шли хорошо, но могли потерять всё до копейки в случае неудачных обстоятельств. (В конце 1993 г. в синдикате «Ллойда» были введены ранги страховщиков, а с 1994 г. в качестве имён было разрешено участвовать в сделках и юридическим лицам.) Со временем ллойдовцы приобрели репутацию честных дельцов, придерживающихся этого принципа, что при законности претензий ни один владелец страхового полиса не должен оставаться без денег. Например, после страшного землетрясения в Сан-Франциско в 1902 г., уничтожившего почти весь город, все страховые компании, кроме одной – «Ллойда», отказались платить по страховым полисам. В самом деле, когда ведущие страховщики «Ллойда» обнаружили, что многие держатели полисов имели страховки на случай пожара либо землетрясения, или того и другого, они протелеграфировали в главную контору и получили ясный ответ: «Заплатите держателям полисов полную сумму, независимо от условий страхования». За несколько сотен лет функционирования «Страховой компании Ллойда» люди убедились, что посредством страхования можно создать себе прекрасную рекламу, что можно застраховать что угодно и против чего угодно (по м. кн. *Минго Дж.* «Секреты успеха великих компаний (52 истории из мира бизнеса и торговли)» и по материалам Интернета).

68> Броненосец – надводный боевой корабль, с усиленной броневой защитой корпуса, вооружённый артиллерией крупного калибра. Предназначен для морских боёв и нанесения артиллерийских ударов по береговым объектам. Во второй половине XIX – начале XX вв. броненосцы являлись основными ударными кораблями фло-

тов всех крупных морских держав. В русском флоте с 1892 г. броненосцы подразделялись на эскадренные (броненосцы I класса) (броня до 452 мм, вооружённые двумя-четырьмя крупнокалиберными орудиями калибра от 305 до 452 мм и четырьмя торпедными аппаратами, водоизмещением от 10 до 17 тыс. т и скоростью до 18 узлов) и броненосцы береговой обороны (броня от 152 до 254 мм и вооружение – четыре орудия калибра от 152 до 254 мм, водоизмещением до 8 тыс. т и скоростью до 16 узлов). Первые предназначались для морского боя, а последние – для борьбы с береговой артиллерией и действий в прибрежных районах моря. В начале XX в. строительство броненосцев было прекращено и им на смену пришли линкоры. После русско-японской войны 1904–1905 гг. корабли типа эскадренных броненосцев стали называть линейными кораблями. Следует отметить, что во времена начала англо-бурской войны броненосцами неофициально назывались тяжёлые крейсеры (существовал и тип кораблей, официально именовавшимся броненосными или бронепалубными крейсерами). В частности, голландский крейсер «Гельдерланд» был бронепалубным крейсером, но его зачастую неверно именовали броненосцем (по материалам Интернета).

69> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XIX. **Крюгер** в Лоренсу-Маркеш. С. 198–208.

70> Фуражир (фр. fourrage – корм для животных) – должностное лицо рядового или унтер-офицерского состава в конных частях, ведающий получением, хранением, учётом и выдачей фуражера. В данном значении фуражировка – заготовка фуражера, продовольствия и топлива силами специальной военной команды (зачастую означало открытый грабёж мирного населения под угрозой применения силы в обмен на расписки, многие из которых так и не оплачивались позднее).

71> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Гл. XX. Заключение. С. 208–217.

72> Фон Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента **Крюгера** в Европу. Приложения 2-9. (С. 217–238).

73> Белосток – ныне Бялысток (Польша).

74> ОПИ, ф. 225, д. 41, л. 9-9а. (Семейная переписка **Н.М. Иолдшина** 1897–1913 гг.)

75> **Дибич Иван Иванович** (**Йоханн Карл Фридрих Антон**) (1785–1831). В 1813–1814 гг. – генерал-квартирмейстер армии, с 1815 г. – начальник штаба 1-й армии, генерал от инфантерии, с 1823 г. – начальник Главного штаба, генерал-адъютант. С 1828 г. – командующий армией, генерал-фельдмаршал (1829), нанёс поражение Турции в войну 1828–1829 гг. (его войска стояли у стен Константинополя), граф Забалканский.

76> **Фон Мольтке (Старший) Гельмут Карл Бернхард** (1800–1891) – граф, германский генерал-фельдмаршал. В 1857–1888 гг. – начальник Генерального штаба Пруссии, начальник полевого штаба императора **Вильгельма I**.

77> Видимо имелись в виду чёрные и цветные солдаты в английской конной пехоте, ездившие на осёдланных быках.

78> Видимо имеется один из видов офицерского ремня (пояса) **Сэма Брауна (Sam Brown)**, названного в честь английского генерал-майора сэра **Сэма Брауна**, служившего в Индии и в Афганистане, и потерявшего левую руку во время одного из боёв. Пояс состоит из ремня и одной портупеи через плечо для носки тяжёлого пистолета в кобуре или сабли. Есть вариант, состоящий из ремня и двух портупеи через плечо. **Браун** изобрёл его ещё будучи лейтенантом, чтобы оставлять свободной руку. Генерал скончался в отставке в Индии в 1899 г. Пояс применялся официально в британской армии с 1900 г. – через год после смерти генерала. В Южной Африке его носили и колониальные части, в частности, австралийцы и новозеландцы. Впрочем

чем, существует и точка зрения, что подобный тип портупеи первыми изобрели американцы во время войны с англичанами в 1812 г. (по материалам Интернета).

79> Апокрифический (греч. aροστύρφαλ) – неканонический, недостоверный; выдаваемый за подлинный, сомнительный.

80> Вероятно, речь идёт о брате супруги генерала **Луиса Бота** (см. биографию **Эммета** ниже).

81> Тутолмин И.Ф. (1837–1908). – Генерал от кавалерии. В 1896–1901 гг. – помощник генерал-инспектора кавалерии, член Военного совета.

82> Бризантные взрывчатые вещества (фр. brisant – дробящий) – класс взрывчатых веществ, взрыв которых протекает в форме резкого удара. Применяют для снаряжения боеприпасов, капсюлей-детонаторов и при взрывных работах.

83> Лёгкие разборные пушки калибра 2,5 дюйма (так называемые «свинчивающие пушки» образца 1879 г.), с дальностью до 3500 м (3000 м – снарядом со шрапнелью). Снаряжались осколочным снарядом, снарядом со шрапнелью или с картечью. Обладали малым весом – 363 кг. Такие пушки использовались при защите Кимберли и в операциях в Натале (Тодер О.Я. Пушки в англо-бурской войне 1899–1902. Самиздат (Электронный журнал) 2004).

84> Ружьё **Снайдера** – вероятно, английская однозарадная винтовка более раннего типа **Снайдер-Энфилд (Snider-Enfield)** калибра 14,66 мм (.577 дюйма) (0.577 дюйма) и выпускавшаяся с 1866 по 1871 г., ещё до принятия на вооружение 11,43 мм (.450 дюйма) винтовки **Мартини-Генри**. (Данный калибр .577 дюйма (14,66x51 мм) являлся в конце XIX – начале XX веков стандартным охотничим калибром для охоты на слонов. Ружьём **Снайдера** также именуется игольчатая винтовка системы **Снайдера** с прицелом до 1300 шагов, и выпускавшаяся с 1853 г., применявшееся, в частности, в Крым-

скую войну 1853–1856 гг. англичанами, и в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. обеими воюющими сторонами. Переделанная под патрон центрального воспламенения с 1866 г. и ставшая казнозарядной, она стала называться винтовкой **Снайдер-Энфилд**. Её длина составляла 1250 мм. Калибр – .577 дюйма (14,66 мм). Вес – 3,8 кг (не заряженная). Дальность выстрела – до 1850 м. Эффективная дальность – до 900 (1000) м. Винтовка **Снайдер-Энфилд** была окончательно снята с вооружения британской армии (её колониальных частей) в 1901 г., но применялась в Индии, в частности, на границе с нынешним Афганистаном ещё несколько лет. Вероятно этот факт и имел в виду подполковник **Иолшин** говоря о том, что индийские войска получат винтовку **Ли-Метфорд** (взамен окончательно устаревших типа **Снайдер-Энфилд** и **Мартини-Генри**). К этому можно добавить, что дымные патроны калибра 14,66 мм (.577) (слоновьего калибра) выпускались для охотников до конца 1950-х гг. (по материалам Интернета).

85> Магазинка (разг.) – магазинная многозарядная винтовка.

86> Пикет (фр. Piquet) – сторожевое охранение, сторожевая застава, небольшой сторожевой отряд.

87> Тесак – рубящее и колющее оружие с широким и недлинным обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти или топор, которым тешут дерево. В данном случае имеется в виду саблевидный винтовочный штык.

88> Имеется в виду **ашанти** – правящее племя Золотого Берега (с 1957 г. – независимой Ганы). В XVIII – XIX веках вело не менее 18 войн с соперничающим племенем **фанти**. Шесть войн, из которых, по причине вмешательства Великобритании, в XIX столетии именовались англо-ашантийскими, закончившимися в 1874 г. их поражением от Англии. С 1896 г. земли **ашанти** были окончательно захвачены и объявлены протекторатом Британии. В данном замечании **Иолшина** речь идёт о восстании 1900 г. против Англии в связи с попыткой британцев овладеть священной реликвией народа – золотым

троном – олицетворением духа народа. Восстание было подавлено, а с 1 января 1902 г. земли **ашанти** (за исключением северных областей, сохранивших статус протектората) – часть английской колонии Золотой Берег.

89> Аванпост (фр. Avant-poste), форпост – передовой сторожевой пост (например, ближайший к противнику военный пост).

90> Мюррей Джеймс Вольф (Murray James Wolfe) (1853–1919) – артиллерист по образованию, в армии с 1872 г. В начале англо-бурской войны – бригадный генерал. В 1912 г. был представителем армии в составе британской парламентской делегации в России. Написал две книги о русской Императорской армии (не опубликованы). В 1914–1915 гг. генерал-лейтенант **Мюррей** был начальником Генерального штаба Великобритании.

91> Корда (фр. Cord) – верёвка, в том числе верёвка, на которой гоняют лошадь вокруг столба для выездки.

92> Петрушевский В.Ф. (1829–1891) – генерал-лейтенант, учёный-артиллерист, окончил Первый кадетский корпус, участник подавления Венгерской революции в 1849 г. С 1850 г. назначен преподавателем химии в Павловский и затем в Пажеский кадетские корпуса; с 1856 по 1858 г. читал теоретическую химию в Михайловской артиллерийской академии, преподавал химию императору **Александру III**. В 1854 г. командирован для службы на Невские береговые батареи. **Петрушевский** проектировал приспособление для приведения орудия в горизонтальное положение, удобное для заряжания, при откате и в первоначальное при накатывании, предложил проект ударной снарядной трубы квадранта с ватерпасом; проектировал боковой прицел; последнее изобретение значительно опередило взгляды того времени. Прицел был введён сперва для крепостных, потом и для полевых орудий; теперь все орудия снабжаются боковыми раздвижными прицелами. Он первый применил нитроглицерин к подвижным минам, наладил производство нитроглицерина в больших масштабах, за что был награждён пожизненной пенсией в

1000 рублей. В 1868 г., в чине полковника назначен членом морского технического комитета, совещательным членом артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления и штатным преподавателем химии в Пажеском корпусе. В конце 1860-х гг., в Кронштадте, был испытан его дальномер – прибор, предложенный для быстрого и точного измерения с береговых батарей расстояний до судов. Позднее свой дальномер **Петрушевский** усовершенствовал применением часовых механизмов и гальванического тока; таким дальномером снабжены береговые крепости и до настоящего времени. Им также был предложен, незаконченный по болезни, береговой оптический дальномер. В 1871 г. назначен начальником Петербургского патронного завода, деятельность которого, после свершившегося тогда перевооружения, имела весьма важное значение. **Петрушевский** выработал герметическую укупорку ружейных патронов, лакирование патронных гильз, проект герметической укупорки призматического пороха и зарядов из него, сконструировал ударную гранатную трубку. Занимался также введением электрического освещения для целей крепостной войны. В 1886 г. в чине генерал-лейтенанта **Петрушевский** был назначен постоянным членом преобразованного артиллерийского комитета и почти до дня смерти руководил вопросами военной электротехники.

93> Сухотин Н.Н. – (1847–19??). – Генерал от кавалерии. Выпускник Санкт-Петербургского кадетского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1886 г. – профессор академии Генштаба, с 1898 г. – начальник академии Генштаба. В 1896 г. – генерал-лейтенант. В 1901 г. назначен Степным генерал-губернатором, командующим войсками Сибирского военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска. Именно генерал **Н.Н. Сухотин** составил на 1 января 1905 г. статистику политических поднадзорных во всей Сибири по национальностям за 1904 г. Их оказалось: русских – 1898 человек (42%), евреев – 1678 человек (37%), поляков – 624 человека (14%), кавказцев – 147 человек, прибалтов (эстонцев, латышей и литовцев) – 85 человек, прочих – 94 человека. Но среди скрывшихся с места ссылки процентное соотношение менялось так: русских – 17%, евреев – 64%, осталь-

ных – 19%. С 1906 г. **Н.Н. Сухотин** – член Государственного Совета. Автор ряда военно-литературных трудов. К примеру, «Войны в истории русского мира» (СПб., 1894), в которой, в частности, подсчитал, что в период с XIV до конца XIX вв. – за 525 лет – целых 329 лет российской истории пришлось на период внешних войн.

94> Кок Джон Тальбот (Coke John Talbot) (1841–1912) – английский генерал. Окончил Харроу, в 1859 г. поступил на военную службу прaporщиком. Служил в Канаде, Англии, Судане и Маврикии. Перед началом англо-бурской войны – генерал-майор, был назначен командиром 10-й бригады. При Спионскопе, 24 января 1900 г., его бригада не выручила своих, почти не войдя в боевое соприкосновение с бурами. Приказы **Кока** были путанными и противоречивыми. Однако ответственность, как и позднее у Колензо (21 января 1900 г.) и у Питерс-Хил (27 февраля 1900 г.), генерал **Кок** свалил на подчинённых, хотя сам ничем особо не отличился. Затем ловил партизан в Натале и юго-восточном Трансваале. Никаких сведений о дальнейшей военной службы генерала **Кока** в справочниках нет.

95> Ремонтёр – офицер, назначенный для закупки лошадей для кавалерийского ремонта.

96> ОПИ, ф. 225, оп. 1, д. 7, л. 1–46 об. Докладная записка состоящего в запасе Армейской кавалерии подполк. **Иолшина А.Н. Куропаткину**. Рукоп. Ялта. 4.12.1900 г. Приложение: Резолюция о передаче отчёта подполк. **Иолшина** в Главное армейское управление. Рукоп. Секретный отчёт подп. **Иолшина** по поездке в Южную Африку в 1900. Рукоп. 12. 1900. 46 л. (Из краткой характеристики фонда **Николая Михайловича Иолшина**: «Установить точное время поступления архивного фонда полковника **Николая Михайловича Иолшина** в ГИМ не удалось. Вероятно, основная часть архива была передана в музей в 40-х гг. (XX в.).» Дополнительные материалы поступили от **Елизаветы Романовны** 12 января 1952 г. Крайние даты фонда – 1884–1913 гг.)

97> ОПИ, ф. 225, оп. 1, д. 7, л. 1–46. Секретный отчёт подполковника **Иолшина** по поездке в Южную Африку в 1900. Рукоп. 12. 1900. 44 л.

98> Козлы – сидение для кучера, ямщика у всех типов лошадиных повозок.

99> Инсургент (лат. *Insurgentus* – восстающий) – участник восстания, повстанец, партизан.

100> Медный купорос (меди сернокислая, *Cuprum sulfuricum*) – синие кристаллы или синий кристаллический порошок без запаха, металлического вкуса. Легко растворим в воде (1:3 в холодной и 1:8 – в кипящей). Применяют в медицине как антисептическое и вяжущее средство в виде 0, 25 % раствора.

101> Имеется в виду австралийский еврей – майор **Уолтер «Карри» Девис.**

102> Фельдфебель (нем. *Feldwebel*) – звание старшего унтер-офицера в вооружённых силах ряда стран. Появилось в полках немецких ландскнехтов в XV веке. В русской армии (пехоте, артиллерии, инженерных войсках) и на флоте существовало в XVIII – начале XX века. В кавалерии, конной артиллерии и казачьих войсках ему соответствовало звание вахмистр.

103> Эполеты (фр. *Epaulette* – наплечник) – в царской и некоторых иностранных армиях – парадные погоны особой формы (закруглённые с внешней стороны), украшенные золотыми или серебряными позументами, с шитьём и бахромой.

104> Кивер (польск. *Kiwior* – колпак) – высокий военный головной убор с круглым дном, козырьком, подбородочным ремнем и различными украшениями, существовавший в русской и иностранных армиях в XIX – начале XX вв. Ныне – часть парадной формы президентского полка России.

105> Среди буров Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства практически не было купцов и золотопромышленников, а купцами и золотопромышленниками были почти поголовно ойтлантеры.

106> Робертс выпустил после занятия Блумфонтейна 15 марта 1900 г. прокламацию, в которой призывал сдаться. Почти все «оранжевые» буры положили оружие (подсчитано, что с 15 марта по конец июля их число составило 5939 человек) и разошлись по фермам. К концу мая 1900 г. сражались в бывшей Оранжевой Республике лишь 439 бургевров. Но к 8 августа уже около 400 бургевров, из числа ранее сдавшихся, вновь присоединились к **Девету**. Всего же их число составило в дальнейшем приблизительно 3960 буров. (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 37–39, 53, 55.*) Прокламация **Робертса** о сдаче после падения Претории 5 июня 1900 г. привела к тому, что, по разным оценкам, от 6390 до 7960 человек положили оружие. Всего же в обеих бурских республиках сдалось, по различным оценкам, от 12 000 до 14 000 человек, или от 22% до 26% от всех, кто подлежал призыву на военную службу. (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 40.*) Но в Трансваале приблизительно 1200 человек к середине июля вновь присоединились к **Деларею**. (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 54.*) Интересно, что из всего числа в 6025 буров-партизан, добровольно положивших оружие за 17 месяцев, с января 1901 по май 1902 гг. (до подписания Ференихингского мирного договора), почти половина (49%, или 2954 человек) положили оружие в зимнее время, когда борьба была особенно тяжела. (Впрочем, часть сдались по указанию командиров, неоднократно издававших приказ выйти из войска всем уставшим, в особенности пожилым, но оставить своё оружие сражавшимся – к сожалению, точной статистики по данному вопросу нет.) (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 186.*) Немало буров убегало из концлагерей, расположенных

ных в Южной Африке, чтобы присоединиться вновь к партизанам. Одной из причин было то, что партизаны конфисковывали скот и урожай сдавшихся соотечественников и уничтожали их фермы. Точных данных нет, но только из крупного лагеря возле Нильстрома за 17 месяцев сбежало к партизанам 324 бургера и сотни присоединялись, когда их освобождали бурские команды. (*Grundlingh Albert. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 196–197.*) Положивших оружие буров за все 32 месяца войны было примерно 15 000 человек (англичане пишут о 23 151). Таким образом, до 27% буров, из общего числа в 54 667 подлежавших мобилизации, добровольно сдались в плен (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 207–208.*) Уже в октябре 1900 г. 500 буров в бывшем Трансваале выразили желание ловить **Девета**. Из них был создан отряд в 70 человек под командованием капитана **Бретта (Brett's Scouts)**. Подобные отряды создавались в различных городах бывших бурских республик. Часть из них набирались в полицию (500 человек, а в конце войны 615 чел.) для охраны ферм сдавшихся буров в бывшем Оранжевом Свободном Государстве вокруг Блумфонтейна, в том числе и своих ферм. Они размещались на стационарных постах на расстоянии девяти километров друг от друга (*Farmer's Guards*) или охраняли подступы к городам (*Town Guards*). (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 223, 225, 235–236.*) **Кафрский** корпус англичан в бывшем Оранжевом Свободном Государстве состоял, по различным источникам, из 300–500 человек под командованием бура капитана **Берга (Berg) (Kafferkommando)**. Их часто путают с Национальными скаутами (**National Scouts**) (**Kakieboere**) (плохие буры) генерала **Кронье**, которые служили в бывшем Трансваале. Немало сдавшихся буров служили англичанам в качестве проводников (*Guards*), получая пять шиллингов (60 центов) ежедневно, а за важную информацию о бурских партизанах получали дополнительно от трёх до семи фунтов единовременно. Немало сдавшихся буров работали клерками, переводчиками или служили агентами по сбору информации. (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer col-*

laboration in the South African War of 1899–1902. Pretoria. 2005. P. 237–238, 239–240.) В конце партизанской войны военная разведка британских войск состояла из 132 офицеров и 2321 агента и полевых разведчика, которые располагались практически во всех районах в так называемых разведывательных постах. Но до мая 1901 г. она была плохо организована и опиралась на не всегда точные донесения местных чёрных шпионов. (*Grundlingh A.. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902*. Pretoria. 2005. P. 247–248.) Национальные скауты (**National Scouts Kakieboere**) генерала **Кронье** в бывшем Трансваале получали 2 шиллинга 6d в день, а с января 1902 г. – 5 шиллингов в день и 50% стоимости захваченной добычи. В обмен на это их жёны и дети содержались в очень хороших условиях в отдельных концлагерях. Были и другие отряды, например, в Претории **Morley Scouts**. К концу войны в рядах скаутов (разведчиков) служило уже 1125 человек, причем ранее 39 из них содержались в концлагере в Кейптауне, а 300 – в концлагерях в Западном Трансваале, и они добровольно пошли на службу. Все скауты были разделены на девять отрядов и командовали ими бывшие бурские офицеры. Но командой свыше 150 человек командовал уже британский офицер. Служили они, как правило, в своих родных местах в Трансваале. По окончании войны их всех наградили медалями, как и британских солдат. Большинство из них являлись безземельными бурами (*bywoners*) (байвонеры), которые получали землю в аренду от состоятельных соотечественников, более 70% из них не имели никакой собственности и почти 80% из них сдались в 1900 г. При этом почти 30% из них были моложе 20 лет. После войны в 1904 г. каждый из них получил значительную по тем временам сумму в 50 фунтов стерлингов. (*Grundlingh A. The dynamics of treason: Boer collaboration in the South African War of 1899–1902*. Pretoria. 2005. P. 272, 273, 275, 277, 279, 312, 314, 315, 371.)

107> Иолшин имел в виду тогдашнюю массовую эмиграцию евреев из Германии, Австро-Венгрии и Российской империи в Аргентину.

108> Ленч (ланч) (анг. Lunch) – в Англии и некоторых других странах – второй, более поздний завтрак.

109> Кабриолет (фр. Cabriolet) – в данном значении – лёгкий двухколёсный одноконный экипаж на высоком ходу.

110> Сноска на слово принц.

Р. Киплинг в своих походных очерках говорит, что на Моддер-ривер, когда шёл бой у Паардеберга, он видел Главный штаб, в котором находился один немецкий принц. Петербургская жизнь, 27 апреля, 1900 г. № 415.

111> С полковником **Стаковичем** на стороне англичан находились следующие военные агенты – **Esteban** (Испания), **Slocum** (США), **Aziz Bey** (Турция), **Luttwitz** (Германия), **Hiraoka** (Япония), **Frimmel** (Австрия).

112> Немецкий принц **Рупрехт** – вероятно, это позднее – генерал-фельдмаршал принц **Рупрехт Баварский**, который во время Первой мировой войны до 21 ноября 1918 г. командовал группой армий **Рупрехта Баварского** (с ноября 1918 г. группа армии А) в Северной Франции и Бельгии (по материалам Интернета).

113> Бургермейстер (точнее – бургомистр) (нем. Burgermeister) – глава органов местного самоуправления в ряде государств (Германия, Бельгия и др.). Должность бургомистра возникла в Западной Европе в XVI – XVII вв.

114> Парфорсная охота (от французского parforce – силой, через силу) – это конная охота с гончими собаками на лисицу, оленя, зайца и другого зверя, при которой преследование продолжается до тех пор, пока загнанный и обессиленный зверь не дойдет до полного изнеможения и не будет схвачен собаками или взят охотником. Для парфорсной охоты отводится такой участок местности, где лошади и собаки при движении за зверем могли бы пройти 10–30 км. Лучшее время охоты – пять осенних и зимних

месяцев, начиная с ноября, когда поля убраны и отсутствует опасность повредить хлеба. Сезон охоты продолжается непрерывно по 6 дней в неделю. Главную роль в парфорсной охоте играет лошадь. Для скачки по весьма пересечённой местности была создана специальная верховая лошадь – хантер (охотник), или гунтер. Хантер выводился от чистокровного верхового жеребца и какой-либо упряжной, обычно довольно тяжёлой кобылы. В результате такого подбора пар лошадь приобретает большую силу, выносливость и способность преодолевать разнообразные естественные и искусственные препятствия. Ведь ей приходится скакать с рассвета до полудня по разнообразному грунту, под гору и в гору, перепрыгивая через каменные ограды высотой до полутора метров, которыми обнесены поля, канавы шириной в 2–3 метра, плетни, целиком обросшие вьющейся колючкой. Благодаря парфорсной охоте английская армия получила прекрасных полукровных лошадей для кавалерии. Гончие собаки должны уметь находить чутьём след и по нему с голосом преследовать уходящего зверя. Эти настойчивые в продолжительном преследовании и неутомимые во время преследования, резвые на гону, чуткие собаки неотступно преследуют зверя, куда бы он не пошёл, то уводя своих преследователей вдали, так что гон сходит со слуха, то вновь приближается, так как зверь ходит в пределах своего обжитого района определёнными тропами и лазами (переходами). Породы гончих были специализированы на определённого зверя. Для охоты на оленя используются стэгхаунды, на лисицу – фоксхаунды, на зайца – харрьеры и бигли. Если, например, фоксхаунды гонят лисицу, то не обращают внимания на других зверей. Гончие используются в стае, включающей 30–40 собак (по материалам статьи *Ганулича А. Парфорсная охота. Ж Охота, № 1, 1998*). Парфорс – колючий ошейник для охотничьих и служебных собак. В царской России парфорсные охоты для обучения смелых полевых ездоков-кавалеристов были созданы в начале 1900-х гг. впоследствии знаменитым генералом **Брусиловым**. Проходили они в селении Поставы Виленской губернии (современная Литва). Они были двух видов: по искусенному следу с собаками и по живому зверю. Особенно сложной была вторая охота, так как действия зверя, которого пре-

следовали собаки, были непредсказуемы (Власов Л. Маннергейм. М., 2005).

115> «Русский инвалид» – военная еженедельная газета, выходившая в Санкт-Петербурге с 1813 по 1917 г. (в июле-сентябре 1917 г. издавалась под названием «Армия и флот свободной России»). Являлась официальным изданием Александровского комитета о раненых. Главным правлением Зарубежного союза русских военных инвалидов в 1930–1940 и в 1960–1968 гг. за рубежом издавалась газета «Русский инвалид».

116> ОПИ, ф. 225, оп. 1, д. 8, л. 1–43. Секретный отчёт подполковника **Иолшина** по поездке в Южную Африку в 1900. Рукоп. 12. 1900. 44 л.

117> Деплояда, деплоирование (от франц. *deployer, déploiement*) – устаревшие военные технические термины, обозначающие: развернуть, развертывание сил, войск, фронта, крыла, колонны.

118> **Дартнелл Джон Джордж (Dartnell Jonh George)** (1838–1913) – по происхождению ирландец. Родился и получил образование в Канаде. С 1855 г. поступил на военную службу прапорщиком. Участвовал в войне в Индии, в 1857 г. был ранен, в 1865 г. в чине капитана участвовал в завоевании Бутана. В 1869 г. стал служить в Натале и в 1872 г. ушёл в отставку майором. Участвовал в войнах с **зулусами**, в 1874 г. назначен командующим полицейскими и добровольческими силами в Натале. Участвовал в англо-зулусской войне 1879 г. и в первой англо-бурской войне 1880–1881 гг., командуя отрядами конной полиции. К его советам английские военачальники не прислушивались и терпели поражения. В начале англо-бурской войны, в октябре 1899 г. находился со своим отрядом с войсками генерала **Саймонса**, который был смертельно ранен, и отряд **Дартнелла** прикрывал отступление 8-й бригады генерала **Юла** к Ледисмиту, а затем участвовал в его обороне. Позже был назначен командиром Imperial Light Horse Brigade (бригадой императорской лёгкой конницы) в Западном Трансваале, одновременно служа чиновником на

различных должностях (в частности, инспектором тюрем). В 1901 г. был возведён в рыцарское достоинство. Пользовался огромным уважением подчинённых. В 1903 г. ушёл в отставку в чине полковника и последние годы прожил в Англии (во время англо-бурской войны, видимо имел звание временного генерал-майора, поэтому **Иолшин** и называл его генералом).

119> Майор **Леухарс** (вероятно, это **Джордж Леухарс** (George Leuchars) (1858–1924) – южноафриканский политик, крупный фермер и железнодорожный инженер, родился в Натале, участвовал добровольцем в англо-бурской войне на стороне англичан в чине коммандера (подполковника) отряда натальских буров во многих сражениях (Тугела 21–27 февраля 1900 г. и других). В 1906 г. участвовал в подавлении восстания **Бамбаты**, командуя отрядом натальской милиции. Многократно избирался в парламент ЮАС, был одно время министром почт и телеграфа.

120> Возможно, это немец по происхождению **Жюль Кроуфорд Зильбер**, в детстве переехавший с родителями на юг Африки и служивший переводчиком и цензором в британской армии во время англо-бурской войны, затем служивший в Индии, потом он перебрался в США и Канаду, позднее – во время Первой мировой войны – немецкий шпион, работавший в английской военной цезуре до самого её расформирования в 1919 г. под видом канадца немецкого происхождения, родившегося в Квебеке. Наиболее ценные сведения, доставленные им почтой в кайзеровскую Германию через нейтральные европейские страны – про изготовление англичанами судов-ловушек – вооружённых замаскированными артиллерийскими орудиями торговых судов или парусников под флагами нейтральных стран для уничтожения всплывших немецких подводных лодок. Немцы перестали проверять подозрительные суда, а стали просто топить их. По некоторым сведениям, именно он доставил сведения о маршруте фельдмаршала **Китченера**, и крейсер «Хемпшир» подорвался на минах, скрытно установленных немецкой подводной лодкой **U-75**. **Зильбер** написал позднее книгу «Тайные средства борьбы», переведённую на многие языки, в том числе и на русский.

121> Согласно Табелю о рангах титул Высокородие имели чины 5-го класса (статский советник – вице-губернатор – вице-Директор).

122> ОПИ, ф. 225, оп. 1, д. 9. Добавления к Секретному отчёту подполк. **Иолшина** по поездке в Южную Африку в 1900. № 1–3. Рукоп. Автограф. Ялта. 1–3, 12 1900. Газетные вырезки. Газ. Чёрное и белое 508. 27 октября 1900 г. Англ. яз (фото **Иолшина**). Газета Петербургская жизнь № 4027. 27 мая 1901 г. (фото **Иолшина**). Прилож.: докладная записка **Иолшина Целлебровскому** с ходатайством о командировании его на театр англо-бурской войны с переводом в Ген. штаб. Чернов. Автограф. 8 марта 1902 г. Рапорты **Иолшина** ком. полка о продлении пребывания в СПб по причине болезни. Рукоп. Чернов. СПб. 29 апреля 1902 г.

Оглавление

Поражения буров в регулярной войне	3
Сноски.....	306

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**
В 13 томах. Т. 4.

Авторы-составители:
к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович,
к.и.н. Воропаева Нина Георгиевна,
к.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна,
Хритинин Владимир Юльевич,
д-р Ян Либенберг.

Ответственный редактор
к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор
Субботина Елена Васильевна

Компьютерный набор
Поленкова Марина Николаевна
Шубин Геннадий Владимирович

Компьютерная вёрстка и обложка
Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

Издатель И. Б. Белый

www.membook.ru
info@membook.ru

Подписано в печать 14.05.2012.
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,34.
Тираж 100 экз. Заказ № 22.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»
www.cherrypie.ru
Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Том 4

Поражения буров в регулярной войне.

Москва
Memories
2012